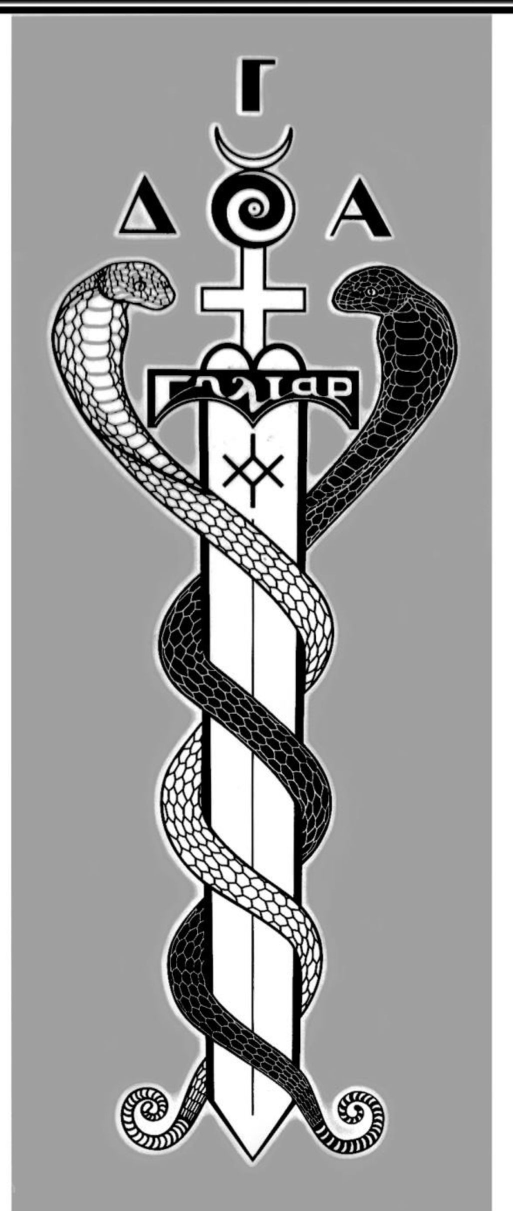
Анастасия Новых

ЭЗООСМОС

АНАСТАСИЯ НОВЫХ
Второе издание
Эзоосмос
ИД "ЛОТОС"
Киев
2009

УДК 821.161.1(477)-312.1
ББК 84.4 УКР=РОС 6-44
Н 73

Все события и персонажи являются авторским вымыслом. Любые совпадения имён, фамилий и должностей персонажей с реальными именами живых или умерших людей, а также происходившими с кем-либо в жизни событиями абсолютно случайны и совершенно непреднамеренны.

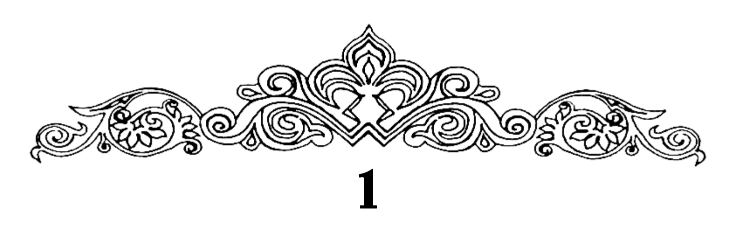
Н 73
Новых А.
Эзоосмос. Исконный Шамбалы. – К.: ЛОТОС, 2009. – 312 с.
ISBN 978-966-96863-6-7

Скрытая реальность ежедневно присутствует в людском обществе. **Познание** её тайн **помогает** человеку не только обрести опыт существования в этом мире, но и **сделать шаг** в области исследования своей сущности... Очень **многие** так называемые болезни людей, внезапные депрессивные состояния, попытки суицида, несчастные случаи, убийства зачастую являются следствием **проявления** деятельности **скрытых сил.** Когда-то были и те, кто им активно противостоял, защищая людей на **той** стороне **реальности. Чаша весов** Добра и Зла — **в руках** самого **человека.** Всё решает его эзоосмос.

УДК 821.161.1(477)-312.1
ББК 84.4 УКР=РОС 6-44

ISBN 978-966-96863-6-7

www.schambala.com.ua

1
Необычная рыбалка

Стояли тёплые, последние деньки уходящего лета. Каждый человек по-своему использовал это время, достойно оценивая столь щедрую милость природы. Кто просто довольствовался созерцанием через окно картины солнечного дня вместо дождливого сюжета, часто бывающего в эту пору года. Кто-то спешил подышать свежим воздухом, прогуливаясь по тем немногим островкам зелени, которые чудом ещё сохранились среди серой асфальтобетонной композиции городской цивилизации. Ну а самые отчаянные рвались на природу, дабы полноценно отдохнуть и набраться побольше сил и впечатлений на всю предстоящую долгую зиму.

Три машины, набитые желающими порыбачить на утренней зорьке, медленно ехали по лесной дороге, старательно объезжая ямы и ухабины. Водителем ведущего автомобиля был белокурый мужчина с белёсо-русыми усами, на вид лет тридцати, среднего роста, спортивного телосложения. Друзья обращались к нему уважительно, называя Сэнсэем, так как он вот уже много лет возглавлял секцию по восточным единоборствам и славился своим мастерством в среде профессионалов, хотя основным родом его деятельности являлась медицина, в частности вер-

тебрология. Сэнсэй был достаточно неординарным, интересным человеком с обширным кругозором и неиссякаемым чувством юмора. Поэтому желающих отдохнуть вместе с ним даже на таком «тихом мероприятии», как рыбалка, оказалось, как всегда, более чем достаточно.

«Москвич» Сэнсэя несколько раз мигнул стоп-сигналами, и следующие за ним машины друг за дружкой остановились. Водитель бросил оценивающий взгляд на колею дороги, которая заканчивалась у широкой поляны, и с иронией спросил у рослого парня, развалившегося в пассажирском кресле:

— Ну, и куда ты нас завёз, внебрачный сын Отечества?

— Я завёз?! — с усмешкой сказал Женя и тут же с хитрецой добавил: — Но... Сэнсэй, везёшь ведь ты, а я всего лишь указываю дорогу в светлое будущее!

Сэнсэй усмехнулся вместе с ребятами. А Женька, посмотрев по сторонам на заросли кустарников вдоль лесной дороги и на поляну впереди, шутливо произнёс:

— Да, кажись, здесь.

— «Кажись», «кажись»! — уже не выдержал его друг Стас, сидевший на заднем сиденье с трёхлитровым бутылём воды в руках, в котором плавала приманка для хищных рыб — рыбки-вьюны. — Уже солнце взошло. Самая поклёвка! А мы всё по дебрям твоё четвёртое «кажись» проверяем.

— Да я же вам говорил, я тут был два года назад, — со смешком начал оправдываться Женька и поэтично добавил: — Помню лес, поляна, речка... Место было классное! Рыбы немерянно! Вот такие плескались!

При этих словах, пытаясь произвести впечатление, он стал широко разводить руки, чтобы показать размеры рыб. Но салон машины явно ограничивал

его размах рук, чтобы изобразить более точные «параметры» водящихся в реке «монстров». Как шутят в народе, чем длиннее руки у рыбака, тем меньше веры его рассказам.

— Не свисти, Жека! Таких в природе не бывает, — пожёвывая булочку, проговорил старший сэмпай Виктор — коренастый парень, сидевший рядом со Стасом.

— Бывает, бывает! Ещё как бывает, — воодушевлённо уверял Женька. — Ведь бывает же, Сэнсэй? Скажи им...

— Отчего же не бывает? В наше время всё возможно, — с улыбкой согласился Сэнсэй. — И такие, и с двумя головами, и с тремя хвостами...

Парни засмеялись, а Женька лишь наигранно-обиженно махнул на них рукой:

— Э-э-э, чего с вами разговаривать... Вот поймаете такой бомбовоз, я потом посмотрю, как сами будете хвастаться.

С этими словами он деловито вышел из машины и пошёл вперёд осматривать проезд к реке, а заодно и окружающую местность.

— Стас, пройдись-ка с ним, — предложил Сэнсэй, когда хохот в салоне более-менее утих. — Если место хорошее, остановимся здесь. А то мы с этим «прямым потомком Сусанина» точно будем до вечера кататься.

Стас кивнул и с осторожностью передал бутыль Виктору.

— На тебе ценный груз. Смотри, не слопай, обжора! — шутливо пригрозил он пальцем.

— Чего-то они какие-то вялые, — с иронией заметил Виктор, рассматривая этот «походный автоаквариум».

— А чего ты хотел? Их, бедных, уже стошнило от такой поездки, — в сердцах сокрушался Стас, который посвятил весь предыдущий вечер трудоёмкому

добыванию этого деликатеса для сома. — Шутка ли, первый раз в жизни совершают такое путешествие по суше, и надо же в экскурсоводах Женьке оказаться!

— Да, не повезло, — со смехом посочувствовал Виктор.

Стас вылез из машины и поспешил за Женей, уже почти скрывшимся за поворотом.

Надо отметить, что публика в машинах собралась самая разнообразная, если судить по возрасту и профессиям. Виктор, к примеру, сидевший в «Москвиче» Сэнсэя, был следователем. Женька и Стас, помимо своего «пожизненного» времяпрепровождения в неустанных тренировках, так сказать, в «перерывах», зарабатывали свой хлеб насущный в автомастерской слесарями. Руслан, четвёртый пассажир в машине Сэнсэя, худой паренёк среднего роста с чуть подкачанными мышцами, трудился на заводе обычным рабочим.

В следующей машине, называемой в народе «бобиком», за рулём сидел Володя — крепкий невысокий мужичок с волевыми чертами лица. Он уже несколько лет возглавлял группу спецназа. Рядом с ним были его друзья-сослуживцы — Богдан, Олег, Сева (или как его именовали свои — Сват). Всех их выделяла военная выправка, а также своеобразная манера общения, которая вырабатывается у людей, долго прослуживших вместе. Ну а четвертым пассажиром, сидевшим возле Володи, был, как ни странно, человек из совершенно иной социальной среды. Ещё не прошло и месяца, как Валера вышел из тюрьмы, где отсиживал свой очередной срок. Он был Володиным другом детства и соседом по площадке. Внешне Валера мало чем отличался от того же Севы или Олега. Обычный молодой парень, среднего роста, нормальной комплекции. Однако его лицо сохранило особый отпечаток жизни в зоне. В несколько суровом

взгляде читалось недоверие, даже какая-то скрытая угроза для любого, кто попытался бы нарушить его личное пространство.

В третьей машине — «Волге» — за рулём находился Николай Андреевич. А его пассажирами была молодёжь, не так давно сошедшая со студенческой скамьи, Андрей, Настя, Татьяна и Костик. Вообще-то назвать сию развесёлую компанию заядлыми рыбаками трудно, исключая, конечно, Николая Андреевича. Скорее наоборот. В ней было столько бурной энергии молодости, что, пожалуй, ни одна уважающая себя рыба не посмела бы приблизиться к подобным шумовым генераторам смеха, приколов и безудержной болтовни по разным пустякам. Такую атмосферу, наверное, мог выдержать лишь психотерапевт (и то недолго), коим, кстати, и являлся Николай Андреевич. Но уж очень хотелось всем присутствующим в этой машине не пропустить столь редкого шанса вырваться с Сэнсэем хоть куда-нибудь вместе на отдых. Вот они и напросились «в рыбаки», якобы в целях совершенствования своих рыбацких навыков и повышения уровня знаний об окружающей флоре и фауне.

Вот такая большая, разноликая компания с нетерпением ожидала возвращения своих ходоков Женьки и Стаса. Минут через десять эта внушительного вида парочка лёгкой трусцой прибежала назад с радостной вестью. Ещё издали они стали знаками показывать водителям машин и их пассажирам, что место для рыбалки наконец-то найдено. Женька пытался пантомимой изобразить, что рыбы там разных размеров ну просто завались. Причём её величину воспроизводил, сопоставляя на ходу с различными частями тела друга.

— Есть! — на одном выдохе выпалил Стас, садясь вместе с Женькой в машину Сэнсэя. — Сейчас прямо и направо. Там удобный проезд к реке.

После томительного ожидания и преодоления последних метров до долгожданной цели машины выехали на поляну, расположенную на берегу речки. Место оказалось действительно красивое. Река в этом месте делала плавный изгиб. Поляну окружал хвойный лес, смешанный с лиственными породами деревьев. Воздух благоухал ароматом хвои. Зелёная лужайка была заполнена яркими лучами солнца и бликами света, отражающегося от бриллиантовой россыпи бусинок-росинок. И всё это, вместе с видом противоположного берега, создавало просто обворожительную картину природы.

Песчаный берег, находящийся немного под уклоном, не был ещё тронут грубым отпечатком сапога, что несказанно порадовало заядлых рыбаков этой большой, охочей до местной фауны компании. Удовлетворившись внешним видом места, все принялись навёрстывать упущенное время. «Бывалые рыбаки» во главе с Сэнсэем, похватав свои рыболовные принадлежности, сразу отправились их устанавливать, да с таким азартом, словно до осуществления их рыбацкой мечты осталось всего каких-то десять секунд. Другие начали разбивать палаточный лагерь.

Когда общие организационные моменты были решены и народ слегка подкрепился завтраком, почти вся компания разбрелась вдоль берега кто со спиннингом, кто с удочкой. Большинство благочинно уселись со своим рыбацким «арсеналом» на почтительном расстоянии друг от друга, тайно надеясь на удачный улов именно в своём облюбованном месте.

Береговой уголок дикой природы стремительно заполнился сплошной атрибутикой цивилизации. Попади сюда случайно какой-нибудь папуас из Новой Гвинеи, он бы, наверное, долго рассматривал все эти чудн*ы*е предметы. А если бы ему ещё и объяснили смысл каждой вещи, в том числе и различных супер-

пупер рыбацких принадлежностей, то папуас точно бы дня три ухохатывался над тем, как какому-то умному торговцу удалось одурачить столько людей, целое, понимаешь ли, племя. Но папуаса поблизости не было, и одураченный народ свято верил в то, что приобретённые им вещи помогут выманить из речки хитрую рыбу.

Из мужчин в лагере остался лишь Женька, и то потому, что его сеть безнадёжно запуталась. Парень был из той экстремальной категории «рыбаков», которые терпеть не могут сидеть долгими часами с удочкой в руках. Он любил, чтобы рыба ловилась сразу и её было полным-полно. Женька ещё мог один на один погоняться за ней во время подводной охоты. По крайней мере, в этом был своеобразный спортивный азарт — кто кого измотает. Но сидеть без дела, созерцая воду с берега, было отнюдь не в его духе. Поэтому Женька всегда брал на рыбалку рыбацкую сеть-«путанку». С ней всё донельзя просто: расставил сеть, загнал рыбу и вари себе на здоровье уху. Вот и вся «мокрая» работа. Посему, когда Женька обещал ребятам грандиозный улов, в принципе он не сильно кривил душой, надеясь на свой беспроигрышный вариант. Однако вышла непредвиденная осечка. Вечером он не успел проверить дома сеть, а на прошлой рыбалке не слишком утруждал себя аккуратной упаковкой. Вот и получил неизменный результат. «Путанка» на сей раз полностью оправдала своё название, безнадёжно спутав грузики и поплавки. И как парень ни старался, дело никак не сдвигалось с мёртвой точки.

Но Женька не был бы Женькой, если бы впал в отчаяние или сделал вид, будто у него что-то не получается. По крайней мере, в присутствии девчат он себе этого не позволял. И свою длительную задержку в лагере во время самого активного времени утренней ловли он объяснял товарищам не иначе,

как «чисто джентльменскими побуждениями», дабы своими каламбурными рассказами оказать «неоценимую помощь» девушкам в их нелёгком женском труде — мытье посуды после набега такой «голодной оравы». Короче говоря, Женька и тут зря время не терял. Сидя на раскладном стульчике, он добросовестно «сочувствовал» девчатам:

— ...и это в наш-то технический век, когда космические тарелки бороздят небесное пространство, когда человек автоматизировал производство на девяносто процентов, эти хрупкие, нежные пальчики должны совершать бесконечное число движений над этим грязным, модернизированным человеческим корытом чревонасыщения, этим чудовищным инструментом, способствующим люблению плоти, живота её, самолюбия...

В это время на условной лесной «дороге», по которой пробирались машины сей компании, показался джип и остановился возле въезда на поляну. Из него вышел худощавый мужчина. Его лицо, обрамлённое светлыми волосами и жидкой, рыжеватой бородкой, имело слегка бледноватый вид. Камуфляжная рыбацкая одежда была несколько великовата и выглядела на нём, словно снятая с чужого плеча.

Женька прервал свою пламенную речь для «трудового народа» и устремил любопытный взор в сторону незваного гостя. Водитель джипа, ощутив на себе пристальное внимание, деловито засунул руку в карман брюк и, поигрывая другой рукой брелком с ключами от машины, вразвалочку подошёл к «Москвичу» Сэнсэя, багажник которого немного выступал на «проезжую часть».

— Ну, и чья это «кляча» развалилась тут на полдороги? — нарочито громко произнёс незнакомец, пнув ногой пару раз по колесу.

Женька тут же вскочил с места и от возмущения

едва не захлебнулся слюной, столько слов ему захотелось выпалить одновременно на одном дыхании в адрес непрошеного гостя.

— Эй, мужик, ты чего ногами расшвырялся?!

— Твоя, что ли, колымага? — с издёвкой спросил тот.

— Моя, не моя, какая тебе разница?

Женька спешно подошёл к машине Сэнсэя. Вытащив не первой свежести носовой платок, он сделал вид, что смахнул с неё последние пылинки. Продемонстрировав столь явную любовь к отечественным авто, Женька принял угрожающую стойку рьяного собственника.

— А в чём, собственно, дело?

— Как в чём?! — возмутился водитель. — Поставил эту рухлядь посреди дороги и ещё спрашивает в чём дело! Нормальным машинам проехать нельзя.

— Это вот этот трактор «нормальная машина»?! — в Женьке вмиг разгорелся пожар патриотических чувств. — Да на нём только в Африке носорогов гонять, а не на приличных славянских тропинках воздух портить! К тому же места здесь достаточно. Ничего не случится с твоим трактором, если сместишь немного к кустам его гусеницы.

— Ага, сейчас же, разогнался! А машину шпаклевать и красить ты потом будешь?

— А чего не покрасить, коли нужда такая будет? Я не только красить, я, если хочешь, и разрисовать её тебе могу по полной программе. Родная япона мама не узнает! Ща, погоди чуток, за инстр*у*ментом схожу...

И Женька развернулся в сторону палаток, словно намереваясь сиюминутно исполнить свои обещания. Сделав несколько шагов, он застопорился и, состроив глуповатое выражение лица, обернулся и озадаченно проговорил:

— Слышь, мужик, тут в мою прямую извилину

одна мысля пришла... А на кой тебе этот проезд сдался? Дальше обрыв. Место это занято. Нас тут много! Других что ли мест себе не найдёшь? Река, вон, какая большая.

— Как на кой?! Я рыбу здесь целую неделю прикармливал, разные ей блюда, как в ресторане, подавал. А вас тут налетело на прикормленное место...

— Дык, и я вроде тоже ей пищу возил! — сотворив упёрто-нагловатое выражение лица, обрадовано воскликнул Женька. — Можно сказать, последний кусок хлеба от себя с боем отрывал и всё ей, ей, проклятой чушуйчетохвостой! Да-а-а, — протянул он, — чай, вдвоём-то закормили её в доску! Поди, лежит она нынче на дне речном, как свинья после обеда, лень хвост кверху поднять. А я-то думаю, чего она не клюёт? А её, беднягу, пучит...

Девушки, слушая этот разговор, негромко засмеялись.

— Слышь, мужик, а может мы эту наглую рыбу «продинамим»?

— Чего?!

— Я говорю, динамита ты случайно с собой не захватил? — с явной заинтересованностью нарочито громко спросил Женька.

Водитель улыбнулся щербатой улыбкой, не удержав серьёзную мину перед такой пылкой речью этого чудака.

— Не бо*и*сь, я её и так достану.

Женька глянул на этот объект под названием «радость стоматолога» и сочувственно произнёс:

— А ты, случаем, не знаешь, у рыбы инфаркты бывают?

Этот вопрос, видимо, выбил мужика из колеи придирчивости, и он, пожав плечами, ответил:

— Не знаю. Наверное. Если сердце есть, значит и инфаркты бывают.

— Тогда понятно.

— Чего тебе понятно?

— Да я-то думал, как ты её доставать собрался!

— Тьфу ты! — дошло до мужика, и он беззлобно засмеялся вместе с Женькой.

Посмеявшись, водитель джипа проговорил уже более спокойным тоном:

— Ну ладно, зови хозяина машины.

— Так я ж за него. Чего, не похож, что ли?

— Ты? — хмыкнул мужик. — Умом не вышел... и усами тоже.

Женька уже открыл было рот, чтобы поспорить насчёт своего лучезарного интеллекта, но, услышав про усы, осёкся и внимательно посмотрел на водителя.

— Зови, зови, — поторопил тот, наблюдая за Женькиной реакцией.

— А зачем он нужен?

— Нужен и всё тут. Что, я отчитываться перед тобой буду?

— Ну, смотри мужик, — шутливо предупредил Женька на всякий случай. — Сам напросился. Я хотел как лучше, безопаснее для твоей персоны...

С этими словами он двинулся в сторону реки и скрылся за береговым склоном.

Сэнсэй и Николай Андреевич сидели на какой-то коряге, очевидно, перевидавшей за свою долгую лежачую жизнь всякие виды второго «основного рабочего инструмента» рыбаков. Каждый держал по удочке и глядел на свой поплавок так, словно рыба вот-вот должна клюнуть. Женька спустился по песчаной насыпи. На его приход никто из рыболовов-любителей не обратил внимания, столь велико было их сосредоточение на процессе ловли. Парень посмотрел на колыхающиеся в воде поплавки и задал извечный вопрос бродячего вдоль берега пешехода:

— Ну как, клюёт?

— Да так, мелочь долбит, — ответил Сэнсэй извечным ответом рыбака.

Женька ещё немного постоял с тайной надеждой, что в его-то присутствии начнётся грандиозный поклёв. Но, так и не дождавшись этого знаменательного события, возвратился к теме дня насущного.

— Слышь, Сэнсэй! Там какой-то борзой мужик тебя спрашивает. На джипе припёрся. Весь такой на понтах...

Сэнсэй, не отрывая взгляда от поплавка, усмехнулся и с улыбкой спросил:

— Такой худой, с рыжей бородкой?

— Да.

— Та гони ты его!

— Понял, — обрадовался Женька и шустро стал взбираться вверх по песочному склону.

— Эй, стой! — крикнул ему вдогонку Сэнсэй. — Я же пошутил... Это батюшка приехал.

— Батюшка?! — В несказанном удивлении Женька съехал по насыпи вниз. — Тот самый, про которого ты говорил, что к нам присоединится рыбачить?

Сэнсэй со смехом кивнул, глядя на растерянное лицо парня, и стал выходить из своей «рыбной засады».

Увидев друга, отец Иоанн (или как его с детства называл Сэнсэй — Вано) тотчас преобразился. В нём было уже не узнать прежнего, придирчивого водителя джипа. Он стал в смиренную позу и принял многострадальный вид. Необыкновенно проникновенным голосом, делая ударение на «о», гость начал изливать свои жалобы и давать наставления:

— Да что же это такое на белом свете творится? Мало того, что я вас еле нашёл и то с Божьей помощью, так ещё этот отрок лукавый хулы мерзостные тут разводит. Дело чуть до рукоприкладства не дошло...

И далее отец Иоанн со знанием дела красочно расписал сюжет его встречи с Женькой, естественно склоняя слушателей на свою сторону. А затем прочитал краткую наставническую проповедь о том, как нужно любить ближних. Сэнсэй с серьёзным видом «внимал» трогательной речи отца Иоанна, кивая ему в ответ и поглядывая с укором на Женьку. А тот от таких слов батюшки даже как-то сконфузился. Кончики его ушей покраснели, словно у нашкодившего школьника. И когда парень, благодаря пламенным речам батюшки, был доведён до состояния тупого разглядывания травы под ногами, готовый провалиться сквозь землю от такого позора за своё поведение, прежде всего перед Сэнсэем, отец Иоанн внезапно подозрительно затих. Женька сначала молчал, подавленный сокрушительным «обвинением», потом робко поднял «буйную головушку» и... увидел, как Вано и Сэнсэй содрогались в беззвучном смехе. И тут до Женьки, наконец, дошёл весь «сокровенный смысл» сказанного.

— Фу ты! — с облегчением выдохнул он.

Все трое раскатисто захохотали. На смех, как на живительную приманку, стали сходиться парни и девчата. Немного угомонившись, Вано тепло поприветствовал Сэнсэя и поздоровался за руку с остальными. Перейдя на свой обычный говор, он в шутку заметил:

— Нет, правда, я два часа вычислял ваши манёвры. Мы вроде договорились в другом месте встретиться...

— Как мне объяснили, где находится то место, так я тебе и передал, — весело сказал Сэнсэй, кивая на Женьку.

— А-а-а, так это он тебе объяснял?! — воскликнул со смехом Вано. — Тогда неудивительно, что вы здесь оказались. Тоже мне, Иван Осипович нашёлся...

— Чего? Какой такой Иван Осипович? — не понял Женька.

— Сусанин, молодой человек, Сусанин. Свою историю стыдно не знать, — с укором промолвил отец Иоанн.

Вся компания закатилась в новом приступе смеха. Имя прославленного крестьянина Костромского уезда, который в 1613 году завёл отряд польско-литовских интервентов в непроходимые лесные дебри, так и клеилось по жизни к Женьке, причём совершенно разными людьми. Но, похоже, парня это ничуть не смущало, даже наоборот, придавало ему некую гордость за своего исторического соотечественника. Женька притворно улыбнулся, находясь в центре всеобщего внимания, пожал плечами и комично произнёс:

— Каждый может ошибаться. Мало ли в жизни чего происходит? Между прочим, девиз моих предков гласил: «Вся оказия жития по случ*а*ям и возможност*я*м делится аккурат на две половины. Могёт быть, могёт и не быть».

Этими словами он вызвал новый шквал шуток и смеха в свой адрес. Впоследствии, когда окончательно все разобрались кто есть кто и какое место занимает под солнцем, начался хлебосольный приём дорогого гостя. Пытаясь как-то реабилитироваться перед вновь прибывшим, Женька неестественно для своей шкодливой натуры засуетился, предлагая широкий ассортимент своих услуг. Помог припарковать джип возле «лучшего дерева на поляне», создающего, по его мнению, самую широкую тень. Заботливо поднёс рыболовные принадлежности Вано к кромке воды. Даже сам накачал насосом его надувную лодку.

Пополнение рыбацких принадлежностей столь ценным средством передвижения на воде несказанно воодушевило всех присутствующих. Право «первой

гребли», естественно, перешло к заядлым рыбакам. Вместе с Вано они стали по очереди бороздить водные просторы в поисках рыбной поклёвки.

Женька же, убедившись, что предмет его «пылкой любви с первого взгляда» отплыл на значительное расстояние, хитро улыбнулся. Глаза его вспыхнули озорным огоньком. Когда все уже были охвачены процессом утренней рыбалки, «потомок Сусанина» тем временем отправился воплощать свой выстраданный коварный замысел. Тем более что настоящей рыбалки, как таковой, по его мнению, в ближайшее время ему не светило из-за безнадёжно запутавшейся сети.

Отыскав пустую баклажку, Женька со знанием дела сотворил из неё незатейливую брызгалку, проколов дырочки в крышке. Потом наполнил её водой и отправился в продуктовую палатку, где щедро насыпал в баклажку сахарного песка. Затем тщательно разболтал свою «гремучую смесь». И выбравшись из «бункера», посмотрел с довольной ухмылкой в сторону лодки. Прогулочным шагом парень подошёл к джипу, обошёл его, любовно осматривая этого иноземного монстра. Оглянулся и, не обнаружив лишних свидетелей, с неописуемым удовольствием стал прокладывать сладкую водяную дорожку от муравейника, находящегося за объёмным стволом «лучшего дерева на поляне», создающего блаженную тень (к которому, благодаря Женькиным непомерным стараниям, и была успешно припаркована машина), к ненавистному «трактору». Насвистывая под нос патриотический мотивчик, он с особым вдохновением облил колеса и нижние дверные щели джипа.

Об одном лишь сожалел парень: у этой сцены не было зрителей, чтобы по достоинству оценить выдумку и актёрский талант исполнителя. Лишь птица, сидевшая неподалёку на высокой сосновой ветке,

склонив голову набок, с любопытством наблюдала непонятную её птичьей натуре суету наземного двуногого. Опустошив всю ёмкость, «отомщённый Сусанин» выдохнул с огромным облегчением и, словно преданный член Гринписа, с наслаждением стал наблюдать, как первые муравьи-разведчики с успехом преодолевали прочерченную им невидимую дистанцию. Настроение у Жени явно повысилось. Но на этом его шкодливый энтузиазм не истощился.

Подождав, пока солнышко слегка прогреет воду, Женька решил заняться подводной охотой и поймать хотя бы одну стоящую рыбу. Окинув взором водные просторы в поисках рыбного Клондайка, Женька вновь остановил взгляд на дрейфующей у противоположного берега лодке, которая просто притягивала к себе как магнитом. В ней уже с полчаса находился Вано вместе с Виктором, напросившимся в напарники порыбачить на удочку с лодки. И тут авантюрный ум Женьки посетила его неизменная «муза» — по представлениям парня некая шикарная мифическая женщина с неистощимым чувством юмора.

Распаковав свой увесистый акваланг, Женька, пыхтя от тяжести, понёс его к камышам, не поленившись сделать небольшой крюк через лесные заросли, дабы остаться незамеченным. И в тот самый момент, когда парень увлечённо надевал акваланг, камыши подозрительно зашуршали. Среди них замаячила макушка Стаса. Его друг появился, как говорится, на самом интересном месте.

— О! А я думаю, куда ты пропал? Смотрю, взял акваланг и пошёл в лес, подземным плаванием, что ли, решил заняться? Дай-ка, думаю, потешу своё око столь занимательным зрелищем.

— Ещё чаво! — усмехнулся Женька. — Ишь ты, решил облапать мои светлые мысли своими грязными лапищами...

Перед появлением Стаса Женька как раз завершал в уме свою великую комбинацию по убеждению присутствующих рыбаков, что в этом месте водятся не просто рыбки, а рыбины гигантских размеров вроде акул. Его тешила мысль настоящего рыбацкого переполоха. Появление Стаса никак не входило в стратегические планы Женьки, поскольку давно известно: что знают двое, знает и свинья. Но в то же время ему не терпелось поделиться с кем-нибудь своим грандиозным замыслом этой смехотворной авантюры. И кто же, как не Стас, невольный свидетель его пожизненных приключений, оценит такой подводный спектакль по достоинству? Стас же, в свою очередь, сам скучал от такой неклёвой рыбалки. Поэтому, когда Женька изложил суть дела, друг его не только поддержал, но и изъявил желание принять самое непосредственное участие в подводном кипеже, дополняя Женькин план новыми изощрёнными подробностями. Притащив свой акваланг на исходную точку, то бишь в камыши, Стас надел снаряжение и вместе с Женькой погрузился в воду, предполагая, что они с другом остались незамеченными полусонной рыбацкой компанией.

Парочка подплыла на глубине к надувной лодке Вано. В это время Виктор сидел возле кормы с удочкой в руках. Рыба здесь не то что не клевала, но, похоже, даже и не приближалась к его жирному червяку, с любовью выкопанному вчера в бабушкином огороде. Витя усиленно боролся со сном, пытаясь сосредоточить взгляд на монотонно колыхающемся поплавке. Но зрачки всё чаще и чаще предательски сводились к переносице, и глаза сами собой закрывались, заманчиво сменяя однообразную картину речного пейзажа на сладкий, безмятежный сон. Лишь благодаря невероятному усилию воли, будоражимой совестью и осознанием рыбацкого долга, Виктору

периодически удавалось разомкнуть свои свинцовые веки.

Вано сидел на другом конце лодки со спиннингом. Его рыбалка была более энергичной. Он непрерывно забрасывал блесну в реку — то тут, то там — не теряя надежды поймать хоть что-нибудь. Казалось, этому человеку вообще неведомы слова «усталость», «сон», «упадок настроения». Наматывая в очередной раз прерывистыми движениями леску на катушку спиннинга, Вано скользнул взглядом по воде недалеко от лодки. Потом искоса посмотрел на куняющего носом Виктора и, загадочно улыбнувшись, предусмотрительно отодвинулся от края лодки. Он быстро смотал леску и, как ни в чём не бывало, стал увлечённо менять блесну.

В это время «диверсанты» уже находились в точно заданных координатах. Женька аккуратно подплыл к вяло подёргивающемуся на удочке Виктора червяку и с силой потянул за леску. Сонный Виктор от неожиданности чуть не плюхнулся в воду, инстинктивно вцепившись в удочку. Адреналин ударил в кровь чрезмерной дозой и словно внезапный ураганный ветер взбудоражил в человеческом «чердаке» всякий пылящийся там «хлам» в виде древних охотничьих инстинктов. Глаза Виктора вмиг округлились. И, напрочь позабыв девиз рыбака «рыба любит тишину», он с азартом крикнул Вано:

— Есть! Поймал, поймал!

Леска туго натянулась, согнув удилище в крутую дугу, и стала ходить по кругу. Виктор, не веря своему рыбацкому счастью, упорно пытался подтянуть её к себе.

— Ого! Такая рыбица! Наверное, щука огромная, — хвастливо приговаривал он, сосредоточив свой восхищённый взгляд на пучине мутных вод.

Вано изобразил непомерную радость за товарища

и суетливо стал помогать ему советами, как лучше вытащить эту «рыбину». На «корабле» разгорались рыбацкие страсти.

— Глянь, глянь, как водит! — опьянённый небывалой удачей хвастался «счастливый рыбак». Виктор от волнения даже привстал. — Сетку, то есть... подсак, подсачек давай, сейчас я её подведу!

В это мгновение леска резко потянулась к середине реки, и тут же последовал мощный удар по дну лодки. От этого неожиданного толчка Виктор, увлечённый погоней за «огромной щукой» не удержав равновесие, вывалился за борт. Чувство собственной безопасности перед такими речными монстрами мгновенно превысило рыбацкий инстинкт. Бросив удочку, Виктор с невероятной для себя скоростью стал взбираться обратно в лодку, чуть не опрокинув её в панике вместе с Вано. И если бы не своевременная помощь отца Иоанна, кто знает, чем бы это всё закончилось.

— Ничего себе! Ничего себе! — словно заклинание, повторял Виктор, стуча зубами не то от прохладной воды, не то от страха. — Нет, ты видел? Ка-а-ак дала! Вот такая, наверное, не меньше...

При этих словах ручная рыбацкая болезнь принимала всё большие размахи.

— Да, похоже на сома-старожила, — кивал Вано, выказывая всем своим видом пробудившийся интерес рыбака-любителя.

— Сом?! Ничего себе! Не, ну ты видел, видел?! Их тут целая стая! Такую удочку упёр, гад!

— Угу, этот сомик эдак килограммов на шестьдесят потянет, — разжигал страсти напарник, и начал налегать на весла. — С моим спиннингом мы точно с ними не справимся.

— Да, да, — поддержал его Виктор, тайно радуясь, что их лодка быстро удаляется от места его

недавней «радости», закончившейся для него полным ужасом. — Надо взять леску помощнее да крючки побольше...

Очевидно, от пережитого страха Виктора понесло в беспрерывном словесном излиянии. Он на ходу стал придумывать невероятные схемы поимки этих рыбин.

На берегу горе-рыбаков уже ожидала наиболее любопытная часть рыбацкой компании. Побросав свои удочки, они в недоумении созерцали невероятный пилотаж Виктора в воду и последующий счастливый кадр «спасения утопленника», мгновенно перешедший в скоростную греблю его напарника к берегу. Обретя почву под ногами, Виктор окончательно осмелел. Он взахлёб стал рассказывать ребятам про свой почти удачный улов, а также о героической борьбе с этими речными монстрами в воде, где он чуть было не схватил рыбину за хвост... Как известно, самыми большущими из пойманных рыб всегда бывают те, что непременно сорвались с крючка в решающий момент схватки.

Нагнетаемые рыбацкие страсти и охотничий азарт, немало подстёгиваемый Вано, перекинулись на других. Все стали усиленно готовиться к поимке трофейных экземпляров. Кто тащил огромные крючки, кто — капроновые нити, кто — случайно захваченный с собой большой алюминиевый финский подсак... Кто-то предупредил, что в воду лучше не заходить, потому что слышал трагическую историю про огромного сома, проглотившего целую собаку, якобы есть и сомы-людоеды. И далее последовал целый сериал различных «достоверных» случаев. После всех этих рассказов-страшилок народ стал дружно сооружать суперснасть, причём одну на всех.

Вано, как и положено, морально поддержал рыбацкую инициативу, но активного участия в реализации этого «проекта» принимать не стал. Любезно предо-

ставив лодку в распоряжение энтузиастов, он присоединился к Сэнсэю и Николаю Андреевичу, которые мирно сидели вдали от суеты на своей облюбованной коряге.

— Что там за паника? — поинтересовался Сэнсэй у отца Иоанна.

— Да, — махнул тот рукой, — Сусанин твой Ихтиандром прикинулся. С приятелем надели акваланги и разыгрывают нас.

— А-а-а... Этот может и не такое отчебучить... Рыбная ловля вообще полезное дело... особенно для развития воображения.

Они посмеялись, глядя в ту сторону. К тому времени Женька и Стас, как ни в чём не бывало, подошли к ребятам. Они активно подключились к общей суматохе, подливая масло в огонь возбуждёнными речами и интенсивным жестикулированием.

Поимка чудо-рыбы длилась у молодой компании почти три часа. Парни поочерёдно проборороздили вдоль и поперёк водный простор речки, пытаясь обнаружить «ценный улов» Виктора. В конце концов, все устали, изрядно измотав свои силы и нервы, и практически разуверились вообще что-либо поймать.

Где-то после обеда тайна о «чудо-рыбе» была раскрыта донельзя банальным способом. И, главное, кем? Самым неподражаемым сценаристом-юмористом, тем, кто брал в камышах торжественные клятвы с других о неразглашении тайны чуть ли не «государственной важности»... Сначала всё шло, вроде как по замыслу. Женька решил даже продемонстрировать перед зрителями-рыбаками своё мужество и героизм бесстрашного пловца. Вода уже достаточно прогрелась, но лезть в неё после всех рассказанных страшилок никто както не изъявлял особого желания. Один Женька с удовольствием предавался купанию, ныряя как утка в различных местах в поисках больших сомов.

Но в какой-то момент парень, находясь на глубине, вдруг отчаянно начал барахтаться в воде, словно утопающий. Сначала все подумали, что это его очередное дурачество. Но обычно подобное действие сопровождалось какой-то комической речью, оглашающей публике все «героические заслуги» обладателя сего тела. Однако сейчас Женька молча барахтался, периодически пропадая под водой. Стас первый кинулся на помощь. За ним, не раздумывая, в воду прыгнули Богдан и Сват. В это время Женьке наконец-то удалось освободиться от чего-то, и он с такой скоростью погреб к берегу, которая, наверное, даже не снилась чемпионам по плаванию. Пулей выскочив из воды, парень в ужасе обернулся и стал всматриваться туда, где чуть было не утонул.

— Что случилось? — подбегая, спрашивали ребята.

— Сомы атаковали?! — в волнении допытывался Виктор.

— Да какие, блин, сомы! — на полном серьёзе тараторил Женька. — То мы вас со Стасом разыгрывали. А сейчас действительно кто-то меня тащил на глубину. Такое цепкое, лохматое! Просто жуть! До сих пор, вон, мурашки по коже бегают. Я только одну ногу освободил, а оно своей клешней как ухватится за другую! Я поднырнуть хотел, а оно там, такое здоровое...

Сэнсэй, проходивший позади компании, остановился, немного послушал разговор, посмотрел на указанное Женькой место на воде. Обвёл взглядом всех присутствующих, улыбнулся и пошёл своей дорогой за запасными крючками.

Толпа ещё с недоверием внимала словам Женьки, как тот вдруг впал в ступор. Взгляд его застыл на воде. Все посмотрели в ту сторону. Во вздымающейся пучине появилось непонятное чудовище, обросшее длинной тиной. Оно стало медленно приближаться

к берегу. Народ стоял не шелохнувшись: кто из интереса, а кто и по природной слабости уже не мог сдвинуться с места. По мере того, как у этого «чудовища» стало появляться из воды человеческое туловище и его верхняя часть освобождаться от тины, впавшие в ступор начали проявлять первые признаки жизни. В конце концов этот объект непомерного Женькиного страха окончательно «трансформировался» в Вано, который, стряхнув с себя последний «клок» тины, окунулся в воду и приглаживая волосы руками со своей неизменной щербатой улыбочкой вышел на берег.

— Ну, как сомик? — насмешливо подтрунил он Женьку, и вся толпа покатилась со смеху.

После этого случая никто уже не боялся лезть в воду. Парни грузно плескались в речке, начисто распугав даже мелкую рыбёшку. Вано активно поддерживал весь этот сумбурный энтузиазм молодости своим нескончаемым потоком шуток. Он так запал в душу Женьке, что тот не заметил, как сдружился с ним и нашёл в его лице незаменимого напарника по своим «потешным делам». Практически все уже, бросив рыбалку, предались полноценному отдыху. Один Сэнсэй по-прежнему, как преданный рыбак, сидел со своей удочкой на берегу. Вано с Женькой уже не вытерпели и, демонстративно подплыв к сэнсэевой удочке, начали по очереди дёргать за леску, имитируя грандиозный поклёв. Сэнсэй терпел, терпел их издевательства, а потом не выдержал и с улыбкой произнёс:

— Если бы рыбалка так не успокаивала, я бы вас, карасей эдаких, уже давно бы «утопил».

Женька с оптимизмом выкрикнул ему в ответ:

— Рыба в воде не тонет!

На что Вано тут же с иронией подметил:

— Слышишь, Ихтиандр, а ты ничего не перепутал насчёт того, что не тонет в воде?

Над речными просторами вновь раздался уморительный хохот.

* * *

Когда компания после «водных процедур» блаженно растянулась на солнышке, к Сэнсэю подсел Володя.

— Что, тишина? — кивнул он на поплавок.

— Тишина, — с грустинкой промолвил Сэнсэй.

— Да бросай ты это неблагодарное дело, — с улыбкой посоветовал Володя. — По-моему, нормальной рыбы здесь отродясь не водилось.

— Э-э-э, нет... — с настойчивостью протянул Сэнсэй, однако после паузы, усмехнувшись, добавил: — Знаешь народную рыбацкую примету? «Хороший клёв бывает либо до того, как ты начал ловить рыбу, либо после того, как ты уже смотал удочки».

— Точно! Так что сматывай удочки, как советует самый «честный» в мире рыбацкий народ, — со смешком предложил Володя.

Сэнсэй поддержал его шутку:

— Это ты тонко намекаешь на тот «закон природы», согласно которому честные люди не могут быть хорошими рыбаками?

Они оба рассмеялись, вспоминая распространённую рыбацкую байку.

— Хотелось бы хоть одну приличную поймать. А то с такой, — Сэнсэй показал на бутыль, в котором мирно плавало несколько сельдявок, — кот не пустит даже на порог.

Володя вновь усмехнулся и посмотрел в сторону леса. Оттуда вышел Валера и направился в лагерь, волоча за собой длинный ствол сухого дерева.

— О, Валера... Опять бревно тянет...

Сэнсэй оглянулся.

— Молодец. Дрова на вечер заготавливает в отличие от некоторых, — он недвусмысленно посмотрел на Володю, а потом проговорил, — в том числе и меня.

— Я ему предлагал искупаться. Да он всё особняком от компании держится.

— Стесняется парень. Первый раз в новом коллективе. Никого не знает, кроме тебя.

— Это точно, — пробасил Володя. — Я, кстати, хотел переговорить с тобой по поводу него. Он парень неплохой. Судьба, конечно, у него тяжёлая. Помочь бы, чтобы снова в проблемы не влез... Мы с ним с детства вроде как дружим. Сосед мой по площадке. Раньше вместе и в спортзал бегали, и во дворе в одной компании были... Его родители на Севере работали, а Валерку бабушка воспитывала. Добрая женщина. Ну а когда его родаки с Севера приехали на постоянку, ему как раз четырнадцать стукнуло. Тут и началась у него «развесёлая жизнь». Отец запил, мать стал бить. Та, недолго думая, развелась. Вышла замуж за другого. А тот оказался ничем не лучше отца. Поменяла, что называется, шило на мыло. Только скандалов в семье прибавилось. Валерка психовать стал по поводу и без повода. И в тюрьму-то на первую ходку загремел по глупости. Ему как раз восемнадцать исполнилось. До призыва месяц не дотянул, мужика какого-то избил в уличной драке. Дали год. Вышел. Помыкался, помыкался... На работу не берут. А тут ещё отчим каждый день на мозги капал, мол, не собирается содержать уголовника за свой счёт. Короче, денег нет, а по молодости многого хочется. Ну и загремел ещё на трёшку за «гоп-стоп». Вернулся, дома житья как не было, так и нет. А чтобы квартиру снять — нужны деньги. Вот и связался с братвой. Женился. Но и года не прошло, его в обмен пустили. Подставили, как дурака под статью,

и пошёл пацан как лох по этапу... Хорошо, что «пятёркой» отделался. А пока сидел, жена от него ушла, родители погибли в автокатастрофе. Осталась из родных одна бабулька, и той уже сейчас под восемьдесят... Вот только освободился, ещё со справкой гуляет... Короче говоря, жизнь у него была не сахар. А вообще он неплохой пацан.

— Да уж, неплохой... всего лишь три судимости, — усмехнулся Сэнсэй.

— Просто жизнь так повернулась. Я же его знаю сколько лет! Письма ему в зону писал, так сказать морально поддерживал. Особенно последние четыре года мы часто переписывались. Пристроить бы его куда-нибудь, чтобы снова не сорвался... А то он парень слабохарактерный, неустойчивый...

— Неустойчивый, говоришь?! — вновь усмехнулся Сэнсэй и как-то странно посмотрел на Володю.

Тот засмущался.

— Нет, ну мало ли, попадёт снова под дурное влияние или ещё чего ненужного сотворит...

— Ладно, что-нибудь придумаем.

* * *

В шутках-прибаутках незаметно подкрался вечер. Олег со Сватом начали разминаться. Эта «дурная привычка», ставшая для многих присутствующих уже физиологической ежедневной потребностью, заразительно подействовала и на остальных. У спецназовцев была немного другая, чем у сэнсэевых ребят, техника тренировки. Это породило обоюдный взаимный интерес у разминающихся сторон. Слово за слово — и парни стали делиться между собой накопленным «военным» и «гражданским» опытом. Незаметно дело дошло до мелких спаррингов.

В это время отец Иоанн, Сэнсэй, Володя и Нико-

лай Андреевич всё ещё пытались рыбачить, выдёргивая мелочь, как они выражались «хотя бы на запах для ухи», и безутешно ожидая звона колокольчиков с «дорожек», которые по идее должны подать сигнал о крупной поклёвке. Будь они глубокими стариками, их, конечно, уже ничего бы не интересовало, кроме удочки в руках и самого процесса ловли. Но в жилах ещё бурлила молодая кровь. Поэтому они всё чаще и чаще оглядывались в сторону спаррингующихся. Наконец Вано не удержался и, оставив свою удочку на попеченье Володи, пошёл к бойцам.

— О! — усмехнулся Сэнсэй. — Раз батюшка проникся тренировкой, значит сейчас начнётся назидательный процесс. Пошли, посмотрим.

Когда они приблизились, отец Иоанн был уже в своём репертуаре. Во время спарринга Стас нечаянно разбил губу Женьке, когда тот в паре с ним пытался продемонстрировать Володиным ребятам интересный захват. Отец Иоанн хлопотливо засуетился вокруг Женьки, как заботливая курица над цыплёнком, чуть ли не насильно прикладывая холодный компресс в виде смоченного водой носового платка. Женька в удивлении сначала отмахивался, мол обычное дело, но под натиском уговоров отца Иоанна сдался. Эта сцена невольно привлекла внимание и остальных наблюдателей.

— Вот… вот… так всегда: при глупом разуме страдает тело, — растолковывал батюшка Женьке суть промаха. — Внутри тебя должна быть Божья сила. Без оной телеса твои лишь прах, бесконечность страданий.

— Так бесконечность страданий на тренировках в конечном счёте и приводит к «устойчивости положения тела во время боя», — с юмором ответил Женька, пытаясь встать с бревна «для проштрафившихся и пострадавших».

Но батюшка, очевидно не закончив свою поучительную проповедь, положил руку на Женькино плечо и вновь пригвоздил его к прежнему месту. Произносить свои наставления сверху вниз для отца Иоанна было гораздо удобнее, чем «дышать в пупок» этому почти двухметровому гиганту.

— Не скажи, не скажи... Главное в человеке — Дух Божий. Он, а не плоть суетная, есть истинный источник силы. На него надейся...

— ... а сам не плошай, — резво прервал отца Иоанна Женька, попытавшись опять встать.

Но Вано вновь его усадил «железной» рукой. Батюшка покачал головой и посмотрел на подошедшего Сэнсэя. Имитируя стариковский голос, со своим излюбленным ударением на «о», Вано промолвил:

— Не, ну молодёжь-то какова? И поступки, и слова? Мы-то были молодые, мы же так вот не дурили! А просили всё совета: «Можно то, да можно это?».

Сэнсэй с Володей заулыбались, глядя на батюшку.

— Я же те, дурья башка, талдычу, что не на груды своих мышц надейся, а на Дух Божий, что внутри тебя, — продолжал поучать отец Иоанн Женьку. — Без него ты — лишенец, отщепенец плоти!

— Это я-то лишенец?! Это я-то отщепенец плоти?! — возмутился Женька и встал во весь свой дюжий рост супротив худощавого батюшки.

Комизм ситуации вызвал хохот наблюдавшей за происходящим компании. Вано посмотрел на огромный торс Женьки с накачанными мышцами, измерил его презрительным взглядом и, махнув рукой, произнёс:

— Та, слабак! Разве это сила?! Это всего лишь надутый мешок с костями. Дунь на него — он и полетит. Вот я тебе сейчас покажу, что есть настоящая Божья сила, накопленная таинством неустанных молитв.

При этих словах отец Иоанн поучительно поднял указательный палец. Потом принялся демонстративно оголять верхнюю часть туловища. Перед присутствующими предстало жалкое зрелище: худой, костлявый поп, словно недавно вышедший из Бухенвальдских застенков. На его теле отсутствовало даже какое-то подобие мышц. Под бледной поповской кожей просматривались лишь необычно толстые жилы, что делало его похожим на изголодавшуюся корову в хлеву нерадивого хозяина. Но на этот немаловажный факт, да ещё на необычно широкие запястья и укрупнённые суставы в локтях и плечах, мог обратить внимание только настоящий профи. А для остальных его вид скорее вызывал чувство жалости, жгучего желания поскорее дать этому недокормленному чуду природы хоть что-нибудь съестное. Даже Женька, который было завёлся на поединок, увидев эти ходячие «мощи», что называется, осёкся и спустил пар.

Все с нескрываемыми улыбками смотрели на странного батюшку, призывающего испытать свою судьбу. Казалось, тронь его одним пальцем, он, бедолага, и рассыплется. Никто, то ли из сострадания, то ли из уважения, не решался приблизиться к отцу Иоанну, ставшему для всех другом всего за каких-то неполных двенадцать часов.

— Ну?! — Батюшка важно подбоченился, выжидающе стоя в гордом одиночестве. — Кто считает себя сильным? Выходите. Хоть два, хоть три, хоть восемь человек. Сила Духа — это великая сила. Она могёть и не такое.

Увидев сочувствие и жалость на лицах ребят, Сэнсэй пришёл на выручку отцу Иоанну:

— Давайте, давайте, не стесняйтесь, маловеры. Раз батюшка глаголет, что «могёть», значит «могёть».

С его «благословения» народ немного зашевелился. Видя серьёзный настрой Вано на спарринг, Женька

подошёл к Сэнсэю и, не отыскав в своём лексиконе слов, чтобы разом выразить всё своё возмущение, протянул пару раз руку в сторону батюшки.

— Сэнсэй, ну куда?! — наконец вырвалось из его жалостливой натуры. — Я же его ненароком и зашибить могу, грех на душу ещё брать... У меня же удар...

И не находя подходящих слов, Женька с силой врезал ногой «Йоко» в ближайшее дерево, объёмом гораздо больше торса отца Иоанна. От мощного удара дерево содрогнулось и сверху посыпались сухие ветки.

— Ну, куда?! — повторил он свой вопрос.

На что батюшка, оставшийся абсолютно равнодушным к демонстрациям Женьки, поповским голосом поучительно проговорил:

— Не в плоти, сын мой, сила духа человека, а в душе его. Иисус, вон, плюнул на смоковницу, плода не приносящую, она и засохла. А от твоих силёнок только веточки посыпались.

— Ладно, — напыжился Женька, готовый доказать свою правоту в деле.

Вано только того и надо было. Он оживился и, как зазывала на площади стал подогревать страсти публики.

— Кто ещё хочет ощутить на себе силу внутреннего духа? Что, только он один? — указал батюшка пальцем на Женьку. — Один в поле не воин супротив такой силищи... Давайте, выходите ещё кто-нибудь, кто смелый... Настоятельно рекомендую проявить себя на полном серьёзе, бо показываю первый и последний раз.

Парни заулыбались, восприняв его слова по-своему, и больше для смеха, чем для настоящего спарринга, стали выставлять свои кандидатуры против тощего батюшки. Сэнсэй же лишь загадочно усмехнулся, а потом предупредил не то в шутку, не то всерьёз:

— Смотрите, но помните: глаза обманывают. Батюшка любитель пошутить. Коли глаголет в такой форме, держите уши востро. Советую вам работать в полный контакт, — и с ноткой чёрного юмора добавил: — чтобы этот раз не стал для вас последним.

Наконец человек восемь желающих поучаствовать в этом анекдоте стали вокруг Вано, обступив его на расстоянии двух-трёх метров. Женька специально занял позицию напротив батюшки. С одной стороны, конечно, отцу Иоанну удалось распалить его на спарринг. Но, с другой стороны, парню искренне было жаль батюшку. «Он даже не догадывается, на какую силу нарывается, — рассуждал про себя Женька. — Трое спецназовцев, прошедших горячие точки, да ещё наши ребята. Ну куда он лезет на рожон? Да его тут одним ударом сотрут в порошок... Одним ударом?!»

И тут Женьке пришла в голову «великолепная идея». Он решил сыграть в «благородного рыцаря» — первым напасть на Вано и простым приёмом уложить его на землю, чтобы уберечь батюшку от ударов остальных нападающих и соответственно возможного «множественного травматизма». А лежачего, как известно, не бьют. Воодушевлённый такой мыслью, Женька встал в боевую стойку, выказывая всем своим видом готовность. И недолго думая, первым подскочил к Вано, нанося в грудь удар кулаком, после которого (Женька в этом абсолютно не сомневался) батюшка окажется на земле. Но не тут-то было!

Отец Иоанн свободно стоял, выставив вперёд ногу. Но в момент удара его худое тело быстро и легко отклонилось в сторону, как пёрышко под дуновением ураганного ветра. Сокрушительный удар Женьки, нёсший в себе силу более стокилограммового веса парня, пролетел буквально в нескольких миллиметрах от груди шклявого батюшки. В этот момент жилы отца Иоанна необычно вздулись. И правая рука Вано,

словно пуля во время выстрела, вылетела в грудь Женьки, нанося раскрытой ладонью мощный ответный удар, чем-то схожий с ударом «колокольчика». Вопреки всем законам физики, тело «благородного рыцаря» с такой скоростью отлетело от костлявой руки батюшки, будто Женька столкнулся на полном ходу с железнодорожным локомотивом, нагоняющим суточное опоздание. Не успел ещё «благородный рыцарь» приземлиться в заданном Вано направлении, как остальные бойцы, стоявшие до этого с ухмылками, моментально отреагировали на контратаку Вано. Вернее отреагировал их мозг, годами натасканный на различные экстремальные ситуации. Подсознание молниеносно оценило обстановку и тут же, блокировав эмоции, включило рефлекс самозащиты для обеспечения собственной безопасности.

Стас находился справа, ближе всех к батюшке. Поэтому во время показательной контратаки Вано его нога тут же вылетела в ударе «Маваши». Но почти одновременно, едва нога Стаса оторвалась от земли, отец Иоанн, присев, с ловкостью пантеры нанёс левой ногой мощную подсечку по опорной ноге Стаса. Ноги парня подлетели, и он завалился на спину. Правда, сразу же автоматически совершил перекат на безопасное расстояние. Только потом Стас начал приходить в себя и оценивать происшедшее. В бой его тело явно не спешило, отходя от падения. Поэтому Стас имел возможность лицезреть грандиозный спарринг во всех деталях. Из соседних зарослей выкарабкивался и Женька, восхищённые глаза которого тоже неотрывно созерцали сцену невероятного перевоплощения хрупкого батюшки.

В это время Вано грациозно расправлялся с остальными. Его ноги поочерёдно мелькали в общем нагромождении движущихся тел. Трое из бойцов сразу после Стаса, с разницей всего лишь в пару секунд,

вылетели за пределы общего круга, руководствуясь отнюдь не собственным желанием прочувствовать все прелести такого пилотажа.

Андрею пару раз удалось ловко уйти с линии атаки Вано, но, возможно, потому, что она была направлена не на него конкретно. Окрылённый такой призрачной надеждой на возможную победу, парень предпринял яростную атаку. Улучив мгновение, когда лицо Вано осталось открытым, Андрей со всей силой нанёс ему прямой удар ногой «Мае Гери». Но тело батюшки моментально отклонилось назад, как маятник. Вано тут же подбил рукой вверх летящую на него ногу, тем самым резко ускорив её движение. И вместо того, чтобы дать «спокойно» приземлиться на спину потерявшему равновесие парню, Вано поддал ему ногой под зад, да так, что тот, резко поменяв траекторию полёта из свободно-вертикальной в принудительно-горизонтальную, как торпеда, полетел в кусты. Видно уж слишком достал он батюшку своими «прыг-скоками».

Во время этого демонстративного полёта оставшиеся Костик и Руслан, не сговариваясь, резво отскочили в сторону от отца Иоанна, не собираясь испытывать дальнейшую судьбу на подобные мироощущения в состоянии невесомости. Отец Иоанн, оставшись вроде как не у дел, оглянулся и поманил их пальцем:

— Пожалуйста, будьте любезны...

На что те с улыбками ответили:

— Да нет уж, батюшка, спасибо. Мы с утра уже причастились...

Этими словами они вызвали всеобщий смех и соответствующее разряжение обстановки. Атмосфера вновь наполнилась неутомимым юмором и добродушными шутками, как отца Иоанна, так и тех, кто на себе испытал «Божью силу» шклявого батюшки.

Когда все бойцы приняли вертикальное положение и начали восхищённо обсуждать столь скоротечный бой, отец Иоанн вновь облачился в свою «камуфляжную» одежду. Подключаясь к разговору, он демонстративно поднял палец к небу и многозначительно промолвил:

— Вот видите, дети мои, какие силы нам даёт вера Божья, служение Господу...

Потом он улыбнулся и, покосившись на Сэнсэя, добавил:

— ...Ну и, конечно, долгие годы дружбы с Сэнсэем.

Толпа вновь отозвалась смехом, припоминая различные курьёзы, связанные с «долгими годами дружбы с Сэнсэем».

После этого случая авторитет Вано в компании стал ещё выше. Особенно непомерно он вырос в глазах Женьки, который на радостях от незабываемого полёта не знал, как лучше угодить батюшке. Он даже любезно предложил помыть его джип, превратившийся теперь в устах парня «в самую замечательную и самую практичную машину на наших дорогах». Мол, чего такому роскошному красавцу томиться грязному целую ночь вместе со спящим в нём хозяином. Лучше сразу привести его в надлежащее сверкающе-блестящее состояние. И глазу приятно, и легче дышаться будет. Отец Иоанн особо не сопротивлялся такому «чистосердечному» предложению Женьки и молча, правда с хитроватой улыбкой, протянул ему ключи.

Первым делом Женька перегнал машину на новое место, якобы площадка там была ровнее, да и до речки близко. А потом с суетливой поспешностью побежал с ведром за водичкой, в сопровождении шуток да подколов ребят, типа «лакей попа», «на постриг чай готовишься». Но Женька, знай, только улыбался в от-

вет. Он с такой тщательностью и любовью вымыл джип, как снаружи, так и внутри, словно целый день только и мечтал о том, как бы помыть машину отца Иоанна.

* * *

Сгустившиеся сумерки уже почти перешли в ночь, когда компания угомонилась в своих восточно-боевых страстях. Поплотнее усевшись у костра после ужина, все с наслаждением растягивали удовольствие, медленно попивая душистый разнотравный чай.

Дул лёгкий ветерок. На небе россыпью сверкали звёзды. Тепло костра, свежесть бодрящего соснового воздуха и завораживающая картина звёзд создавали особое мироощущение, которое, очевидно, возникает у многих людей, вырвавшихся из цивилизованной задымлено-механизированной коробки города на просторы живой природы. Приятно было сидеть в этой тихой ночи, непринуждённо разговаривать и посматривать то на костёр, то на сверкающее небо.

— Какая красота, — произнесла Татьяна, глядя ввысь. — Звёзды такие яркие, такие притягательные...

Не успела девушка выразить своё впечатление, как в её мир очарования влез Костик со своим неизменным логическим мудрованием.

— Это потому, что мы близко возле воды. Да и города со своей иллюминацией находятся далеко. Воздух разряжённый. Поэтому звёзды такие яркие.

Андрей хмыкнул и не удержался от сарказма:

— Ну, блин, у тебя и анатомия мышления! Будь здесь поручик Ржевский, он бы уже давно дрался с тобой на дуэли, причём рукою мастера прямо ногою по твоей морде. Тебе дама о звёздах, а ты о воздухе разряжённом.

Компания захохотала. Со всех сторон на Костика обрушился шквал шуток и анекдотов, которые тот еле успевал парировать своими любимыми афоризмами, порождая ещё большую волну смеха. В конце концов, не выдержав такого словесного напора, парень в шутку накинулся уже на Андрея, зачинщика сего «шкандаля».

— Вот так всегда! Как сказал французский комедиограф: «И где он только меня не задел! Повсюду только я мишень его остроконечных стрел». — И, посмотрев с укоризной на друга, продекламировал свой излюбленный стишок, который зачастую применял тогда, когда хотел выйти из щекотливого положения:

Я знаю, сударь мой, как вы красноречивы
У вас примерами набита голова.
Но, может быть, довольно? Позаботьтесь лучше
о себе
И предоставьте вы меня моей судьбе.

— Ну, что тут скажешь? — развёл руками Андрей. — Одно слово — дипло-мат! За что я его уважаю, так это за то, что он так пошлёт вдаль, что бежишь туда с превеликим удовольствием.

На что Женька, ухмыльнувшись, покосился в сторону батюшки:

— Да уж, такой вечерок, как сегодняшний, из кого угодно сделает искусного дипломата.

Все вновь захохотали. Когда же смех утих, возникла затяжная пауза. Народ вновь погрузился в молчаливое созерцание костра и ночного неба. Язычки пламени страстно выплясывали свой чарующий танец под мелодичное потрескивание сгорающих веток. От такой пылкости снопы искорок взлетали ввысь кружащимся вихрем, продолжая свои безумные «па» в пространстве темноты. И это делало их похожими на множество миниатюрных звёздочек, живущих своим одним неповторимым мгновением.

Первым нарушил тишину Николай Андреевич, рассматривающий небесные светила.

— Звёзды действительно необыкновенные... Как подумаешь, сколько миров вокруг нас, сколько галактик, которые живут своей отдельной жизнью, сталкиваются, разбегаются, разрушаются... Где-то происходят грандиозные катастрофы, где-то зарождаются новые формы. И вся эта жизнь постоянно кипит в такой огромной Вселенной. Как представишь эти невероятные массы, размеры, эти сумасшедшие скорости движения галактик в несколько сотен километров в секунду, да и вообще весь этот гигантский процесс, невольно возникает вопрос: кто мы вообще такие на фоне этих миллиардов звёзд? Так, даже не блик... И всё же мы осознаём эту бурлящую жизнь. И не просто осознаём, а познаём и изучаем процессы сотворения жизни и гибели этих огромных объектов. Создаётся такое впечатление, что нам позволили посмотреть в замочную скважину мироздания, причём заглянуть туда одним глазом, как в микромир, так и в макро.

— А почему одним? — со смешком поинтересовался Руслан.

— Как почему? — с юмором произнёс Костик. — Чтобы удовлетворить наше любопытство в том, как живут другие. Это же вечный «квартирный вопрос»!

Николай Андреевич улыбнулся и сказал:

— Я думаю, если бы это было только «квартирным вопросом», нам бы не давалась столь подробная информация в формулах и числах, в дотошных подтверждениях для человеческого ума очевидного. Тут уместен другой вопрос: «Зачем?» Явно ведь для того, чтобы мы что-то поняли, что-то очень важное относительно себя, своей сущности, своей природы...

Отец Иоанн кивнул головой, соглашаясь с ним.

— Бог, наверное, потому не скрывает от нас свои замочные скважины, бо зная нашу природу, хочет, чтобы мы сами поглубже вникли в законы Его созидания, дабы на основе исполнения оных и нам, чадам Его, стать соучастниками Его совершенного творчества. В Библии есть такие замечательные строчки в соборном послании святого апостола Иакова в 1 главе 25-м стихе: «...кто вникнет в закон совершенный, закон свободы, и пребудет в нём, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своём действовании». — И закончив цитату, дополнил речь объяснением: — Блажен, бо суть правильно исполняющий.

— Да-а-а, — задумчиво протянул Николай Андреевич, а потом оживился, что-то вспомнив, и обратился к Сэнсэю: — Кстати говоря, был у меня один уникальный пациент, астроном. Обычный депрессивный случай, ощущение одиночества по причине того, что жена ушла к другому. Так этот учёный довольно-таки занимательно выражал своё состояние, ассоциируя его с жизнью звёзд. И главное, в нём присутствовало понимание, хоть и в своеобразном закамуфлированном виде, что одиночество является фактически иллюзией психики, её вымыслом, поскольку объективно человек находится в окружении социума. И чувство одиночества возникает по большей части из-за неумения адаптироваться в нём. Все эти размышления астроном интересно интерпретировал на языке своей профессии. Он говорил, что если смотреть на звезду, то она тоже кажется нам одиноким объектом. На самом деле это всего лишь иллюзия нашего невооружённого глаза, потому что даже современные телескопы различают в такой звезде от трёхсот до пятисот звёзд.

— Та, это ещё ерунда, — махнул рукой Женька со знанием дела. — Если в современный микроскоп

посмотреть вот на этого... — Его палец двинулся в сторону отца Иоанна, но глаза вовремя встретились с недвусмысленным взглядом батюшки, что заставило Женьку резко сменить направление пальца в противоположную сторону, где сидел Стас. — На вот этого подозрительного субъекта, то чего там только не обнаружишь! Целая Вселенная всяческого содружества блох, микробов и различных мелкопакостных паразитов.

— Сам ты мелкопакостный паразит! — отпарировал с улыбкой Стас. — Это видно и невооружённым глазом...

Вся компания вновь рассмеялась. И когда веселье улеглось, Николай Андреевич продолжил:

— Ну, это лишь подтверждает, что звёзды и люди во многом схожие творения. Всё как в нашей жизни. Звёзды, как и люди, «живут» группами — скоплениями, в которых связаны между собой силами взаимного притяжения. И, что самое интересное, у них, как и в человеческом социуме, чаще всего встречаются бинарные системы...

— Какие, какие? — переспросил Виктор.

— Двойные системы, — пояснил уже Сэнсэй. — Это как два солнца, которые вращаются вокруг общего центра масс.

— Да, — подтвердил Николай Андреевич. — Тот астроном рассказывал, что это очень стабильные системы... И кроме двойных, есть ещё и трёх-, четырёх-, пятикратные звёзды. Правда, их встречается меньше, чем двойных. Но и, конечно, особое внимание он уделил теме тройных звёзд, сопоставляя это со своим случаем. Оказывается, тройные звёзды не могут устойчиво сосуществовать. И знаете почему? Две звезды третье тело просто выбрасывают, а сами стабильно обращаются долгое время рядом.

— Естественный закон механики, — промолвил

Сэнсэй, пожимая плечами. — Третье тело возмущает движение каждого из двух оставшихся и, как правило, ведёт к распаду такой системы.

— Удивительные законы и главное во многом совпадают с людским социумом, — проговорил Николай Андреевич.

— Это ещё как посмотреть на тот социум, — со смешком вставил своё словцо Сват. — Особенно на троицу. Ежели в совокупности с женщиной — это одно, вопрос деликатный, не спорю. А ежели это мужская компания... У них порой такие стабильные системы получаются, особенно в процессе соображения на троих, что порой диву даёшься такому взаимному притяжению. И, главное, вот какая оказия: соображают не на четверых или пятерых, а именно на троих, ни больше ни меньше.

— А так соображать легче, образуется некая целостность ума, — подметил с усмешкой Богдан.

— Правильно, — подтвердил Олег и уточнил. — Четверо — это уже излишек, это уже на одного больше.

— Самое интересное, что там всё то же самое, — смеясь вместе со всеми, Николай Андреевич указал на небо. — У них четырёх-, пятикратные звёзды тоже ненадёжный коллектив. И распадается гораздо быстрее. Это не иначе как действуют одни и те же законы природы. У звёзд подобные сожительства могут образовываться и распадаться много раз за время их существования. И звезда, как мне объяснил мой пациент, может постоянно менять своих партнёров. То есть, к примеру, в плотных звёздных скоплениях звезда может до шести раз за свою жизнь перелетать в разные «компании»...

Женька лукаво глянул на отца Иоанна.

— Батюшка, это же небесное прелюбодеяние. Куда церковь-то смотрит?

Отец Иоанн сотворил «умное» выражение лица, посмотрел на звёзды и поповским голосом объявил:

— На всё, чадо, воля Божья.

Чем вызвал смех у присутствующих.

— И то правда, — весело кивнул Николай Андреевич и вновь обратился к Сэнсэю. — В общем, у меня был не пациент, а целый кладезь психологических аргументов для наших депрессивных клиентов. Он меня так заразил своим сопоставительным анализом, что после бесед с ним я сам заинтересовался его наукой. Он мне даже книжки приносил по занимательной астрономии.

Сэнсэй усмехнулся и в шутку спросил:

— Я не понял, так кто у кого был пациентом?

— Ну, иногда случаются и такие казусы в медицине, — со смехом поддержал его юмор психотерапевт. — Знаешь как у нас порой говорят некоторые доктора: «Иногда попадается такой «талантливый» псих, что ты и глазом моргнуть не успеешь, как он легко введёт тебя в своё положение».

Компания вновь взорвалась смехом.

— Так ты представляешь, что я вычитал в этих книжках?! — продолжал Николай Андреевич, увлечённо делясь своими впечатлениями. — Оказывается, в сложных звёздных системах, состоящих из ста, двухсот, тысячи звёзд, ситуация взаимодействия меняется кардинальным образом, совсем не так, как в простых скоплениях. Звезда уже не чувствует каждого соседа. Она чувствует общее поле и движется достаточно равномерно. То есть, влияние соседей как бы сглаживается.

— Такие устойчивые коллективы часто встречаются в галактиках, — заметил Сэнсэй как само собой разумеющееся.

— Вот! И я обратил на это внимание. Всё как в человеческом обществе. Один в один психология

масс! Ведь, по сути, масса нивелирует индивидуальность человека, то есть во многих отношениях уравнивает совершенно разных людей и придаёт входящим в неё людям новые качества. Взять даже по Лебону. Какие главные отличительные признаки индивида в массе? Во-первых, анонимность, исчезновение сознательной личности. Во-вторых, преобладание бессознательной личности, снижение интеллекта и рационализма. В-третьих, ориентирование у масс мыслей и чувств в одном направлении. И самое главное — формирование у индивидов установки к безотлагательному осуществлению внушаемых им идей. Можно сказать, почти всё как у звёзд.

Но это ещё не всё. Меня заинтересовали цифры, количество звёзд в таких сложных скоплениях. Ведь в человеческом обществе наблюдается нечто похожее. И не только в человеческом, но и в животном мире тоже. У биологов есть интересные работы, связанные с темой психологии масс в аналогичном сравнении с поведением животных. Обрабатывая данные, учёные выявили оптимальную численность людского коллектива — не более ста пятидесяти человек. Причём эта цифра применима к самым разнообразным сообществам, начиная от племени охотников и собирателей и заканчивая церковными, военными, служебными коллективами. А началось всё с наблюдения биологов за поведением павианов и шимпанзе, когда была установлена положительная корреляция между объёмом коры головного мозга, в частности лобной и височной доли, и численностью стаи животных...

— А что такое корреляция? — поинтересовался Виктор, не совсем понимая профессиональный язык Николая Андреевича.

— Ну, это соотношение, взаимозависимость... Так вот, в экспериментах наблюдали за обезьянами.

Те жили группами, примерно по пятьдесят особей. Все члены стаи были знакомы друг с другом. Более того, они даже поддерживали разнообразные взаимоотношения: дружили, враждовали, заключали своеобразные союзы. Исходя из наблюдений, учёные произвели расчёты с учётом размера мозга хомо сапиенса и вывели эту цифру людского коллектива — не более ста пятидесяти человек! А также установили, что если сообщество разрастается, то люди начинают ощущать себя в нём чужими. То есть, по сути, они теряют способность следить за всем, что происходит внутри коллектива. Тот как бы, ну, обезличивается что ли, а затем распадается на отдельные группировки. И, главное, управлять таким коллективом становится практически невозможно. Значит что? Необходимы помощники. Следовательно, автоматически рождается аппарат власти... Так что звёзды и люди имеют много общего между собой.

— Естественно, — спокойно констатировал Сэнсэй. — Это мир материи. И её законы распространяются как на микромир, так и на макро. Для материи характерна определённая разумная организация, определённые законы выживания и ограниченные сроки существования. Материя начальна и конечна. Поэтому ничего нет удивительного в том, что звёзды и люди так похожи друг на друга.

Сэнсэй взял немного хвороста и подбросил его в огонь.

— Да и не только люди, но и остальной живой мир. Вот возьмите, к примеру, хотя бы муравьёв. Насколько у них тоже организована жизнь, их инфраструктура? Они создают новые колонии, каждый выполняет строго определённую функцию: одни добывают пищу, другие охраняют, третьи занимаются вентиляцией, четвертые создают новые шахты, пятые воюют. Есть среди них и мелкие воришки, и парази-

ты, нахлебники, есть и «рабовладельцы». То есть, та же иерархия, та же организация... Аналогичная ситуация и в галактиках, если посмотреть в масштабе. Вырывают друг у друга материю, планеты, «пожирают» друг друга, сталкиваются, разбегаются. Да и человечество ведёт себя точно также... Даже в маленьком коллективе кто-то стремится быть лидером. Два лидера не уживаются. Это всегда конфликт.

— Это верно, — согласился психотерапевт.

— Так что материя есть материя. Но несмотря на такую, скажем, обособленность, вся материя тесно взаимосвязана между собой.

— В смысле? — не понял Андрей. — Это что, означает, что я связан с какой-то звездой или каким-то микробом, живущим в далёкой галактике?

— Да, — просто ответил Сэнсэй, подбрасывая в огонь очередную порцию веток.

Андрей вскинул брови от удивления.

— Знаком с таким понятием, как гравитационные поля? — спросил Сэнсэй Андрея.

— Ну...

— Их свойства далеко ещё не изучены современным человечеством... А ведь для гравитационных полей характерны такие огромные скорости, что если сравнить с ними скорость света, то это будет равносильно сопоставлению движения самой современной ракеты с передвижением старой, немощной черепахи. Для гравитационных полей практически не существует понятия расстояния, зато есть понятие мгновенного перемещения. И именно благодаря общему гравитационному полю, основным элементом которого является частичка По, каждый атом на кончике твоего носа связан с каждым атомом солнца, других планет, звёзд и даже, как ты выражаешься, с атомом микроба, живущим в какой-то далёкой галактике... Ведь материя, как таковая, есть гигантский организм,

который постоянно видоизменяется благодаря преобразованиям его энергий...

— Трудно, конечно, представить эту огромную бесконечность с сотнями миллиардов звёзд в виде какого-то организма, — пробасил Володя, глядя в ночное небо.

— Что поделаешь, — промолвил Сэнсэй. — В нашей голове, например, тоже миллиарды нервных клеток, которые образуют практически свои галактики, вспыхивающие с момента рождения. Каждую секунду в головном мозге происходит около ста тысяч химических реакций. И если на это смотреть с позиции микросущества, какого-нибудь там кварка, который «населяет» одну из клеток, то для него мозг тоже будет казаться необъяснимой, непознаваемой бесконечностью. Это нормально... Наш разум очень ограничен. Да ещё покоя не даёт животное «Я» со своим эгоизмом, считающее себя «пупком» мировой эволюции, с таким неотразимым своим телесным видом. А по сути, чем мы являемся для этого огромного организма? Всего лишь прахом давно угасших звёзд.

— В каком смысле? — не понял Сват.

— В прямом, — ответил Сэнсэй. — Ты никогда не задумывался, что есть твой организм?

— Ну, как? Мышцы, кости, кровь...

— Глубже гляди, — по-дружески посоветовал Сэнсэй. — Это определённый набор химических элементов, который в среднем статистическом состоит из 65% кислорода, 18% углерода, 10% водорода, 3% азота, а всего остального меньше 1%.

— А кости?

— А что кости? Кости тоже сплошная химия, своеобразное «депо» минеральных солей. Тот же кальций, фосфор, магний. И ещё около тридцати микроэлементов. Ну и естественно та же вода, пресловутое H_2O. А теперь подумай, из чего состоят

звёзды, к примеру, в нашей галактике? Из тех же химических элементов, где одними из наиболее распространённых элементов являются водород и гелий... Как я уже говорил, имеется общая масса материи. Благодаря определённым силам, наборам и комбинациям она преобразуется в различные материальные объекты. К примеру, из межзвёздного газа путём конденсации постоянно образуются новые поколения звёзд, а из присутствующей в нём пыли, того же набора химических элементов — планеты. Тот же свет звёзд поддерживается чем? Выделением ядерной энергии в их ядрах в процессе синтеза тяжёлых элементов, того же углерода, кислорода, азота, кремния, железа и так далее. Когда же звёзды заканчивают свою жизнь, они возвращают в межзвёздную среду большую часть своего вещества, обогащая её при этом тяжёлыми элементами. Обычно происходят гигантские взрывы так называемых сверхновых звёзд, которые и производят практически все химические элементы.

— Что в таблице Менделеева? — осведомился Олег.

— Ну, скажем так, полной таблицы, включая туда и те элементы, которые на данный момент ещё не открыты этим человечеством... И опять-таки выделенный газ вновь становится строительным материалом для новых поколений звёзд, планет и жизни на них. Вот и получается, что то вещество, из которого образовалась, к примеру, наша Солнечная система, Земля и естественно мы, многократно использовалось в составе ранее существующих звёзд.

— Истину глаголешь, сын мой, — поддакнул отец Иоанн. — Потому в Библии и сказано, что Господь создал человека из *праха* земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою.

— Совершенно верно. Поэтому если человек рас-

трачивает свою жизненную силу прану, то есть «дыхание жизни», на своё Животное, своё материальное, к сожалению, прахом ему и быть в полном смысле этого слова. А если использует её для роста своей души, здесь начинают действовать совершенно другие законы — законы духовного мира. Это не означает, конечно, что материя человека со временем не переработается на удобрение для земли. Тело — это всего лишь оболочка для созревания духовной субстанции и как любая материя — оно смертно. Но если во время существования этой оболочки внутри её происходит синтез силы мысли, души и «дыхания жизни», то рождается совершенно новое духовное существо, если хотите Личность вечности, на которую законы материи перестают действовать.

Сэнсэй умолк. И тут Валера, не проронивший за время разговора ни слова, неожиданно спросил:

— А что такое жизнь в истинном её смысле?

Сэнсэй внимательно глянул на него и как-то попростому сказал:

— Это всего лишь **эзоосмос — внутренний толчок энергии.**

После такого ответа все некоторое время молчали, очевидно обдумывая услышанное. Потом Костик стал рассуждать вслух:

— Но если жизнь просто толчок энергии, то, по идее, её должно быть очень много и разумной в том числе. Но пока, к примеру, не обнаружено даже такой планеты, как наша, с необходимыми условиями для развития разумной жизни. Получается, мы и впрямь одиноки по своей разумности.

— Должен тебя «огорчить», — с иронией проговорил Сэнсэй. — Таких планет, как наша — миллиарды! И таких сидящих у костра и смотрящих на небо тоже миллиарды. Но это ни о чём не говорит.

— Но почему же они с нами не контактируют?

Женька усмехнулся, вспомнив что-то смешное:

— А зачем им контактировать с такими «гумноноидами», которые живут в своём социальном «гумне» и постоянно «ноють» и «ноють»? Знаешь, какие слухи ходят? — Он наклонился вперёд и заговорщицки прошептал, точно сообщая суперсекретную информацию: — Говорят, отсутствие контактов с Землёй из Космоса окончательно подтверждает наличие в нём разумных цивилизаций.

Парни захохотали, глядя на такого специалиста по «гумно-ноидноидам».

— Нет, кроме шуток, — возразил Костик, поправляя спавшие на нос очки. — Какая может быть разумная жизнь в Космосе, если, по большому счёту, там вообще ничего нет, пыль и тому подобное?

— Не только на других планетах, но даже в космическом пространстве есть разумная жизнь, — возразил ему Сэнсэй. — Понятно, что не нашей воздуходышащей формы, которой нужен кислород. Для жизни главное — это энергетический толчок, то есть эзоосмос. А давать толчок к жизни может, к примеру, тепловая энергия, те же энергии электромагнитных, гравитационных полей и так далее. И будет тоже жизнь, но другая, отличная от биологической. Это наше мышление просто привыкло думать, что строительными блоками живых организмов разумных существ могут быть только аминокислоты. И ничего, кроме этого утверждения, мы просто не хотим видеть и признавать. А что аминокислоты? В космосе этот «кирпич» разбросан повсеместно, ну и что? Это ещё ничего не означает. Аминокислоты сами по себе — далеко не «дом», в котором поселены разумные существа. Это всего лишь «кирпич», который ещё нужно сложить в форму «дома».

— А как может ещё выглядеть альтернативная жизнь? — спросил в недоумении Костик.

— Ну, к примеру, есть разумные существа, с наличием соответствующего интеллекта, которые живут вне планет, в межкосмическом пространстве. Они заполняют огромные территории. Это одна из самых больших популяций разумных существ... То, из чего они состоят, даже материей не назовёшь в человеческом понимании этого слова. В нашем земном сравнении их строение, так сказать «клеток» (в которых нет и намёка на аминокислоты), напоминает форму колбочек, таких цилиндриков. Но когда они совмещаются вместе, они меняют свою форму. Это разрозненные частицы. Их структура намного организованнее и выше нашей... В своём естественном состоянии данное существо не очень длинное. Впрочем, это зависит от его «возраста». Их размеры могут колебаться от нескольких миллиметров до нескольких метров. Когда данное существо находится в состоянии покоя, оно распадается и сливается с внешним миром. А при перемещении оно просто организовывается, вот и всё... В принципе, эти существа могут проникать на любые планеты.

— Что, и на нашу тоже? — удивился Руслан.

— Конечно. Только у нас их тяжело увидеть невооружённым глазом, разве только с помощью современных приборов. Потому что у них совершенно другие скорости... Они могут организовываться, могут распадаться на отдельные части, но в то же время продолжают при этом распаде существовать на энергетическом уровне, а при необходимости вновь собираться. Могут легко переходить в параллельный мир...

— Ну, если эти разумные существа есть, мы же должны как-то чувствовать их присутствие, — высказался Костик.

— Отнюдь. Мы с их скоростями просто не пересекаемся, потому и чувствовать их не можем. Но за-

фиксировать, в принципе, их движение возможно. Когда они заходят в нашу атмосферу, то в момент передвижения разрозненные группы их «клеток» сближаются. При передвижении они напоминают нечто вроде продолговатого тела, вокруг которого навита спираль, напоминающая шток у ручной мясорубки. В этот момент их, пожалуй, можно зафиксировать современными приборами, но должно быть сильное ускорение съёмки и фокусировка на этих объектах. Ну, а другим способом... В принципе, они не выделяют никакой энергии. Получаемое тепло расходуют на себя. Можно ещё увидеть их скопления, если проследить по спектру распределения тепловой энергии: за ними температура снижается, например, тех же солнечных лучей, поскольку идёт процесс «поглощения».

Немного поразмыслив, Костик вновь задал вопрос:

— А за счёт чего передвигаются эти существа?

— За счёт скольжения по гравитационным полям. Они используют гравитацию для перемещений. Их движение похоже на вращение спиралей. Создаётся впечатление, что, к примеру, в нашей атмосфере они как бы вращают воздух. Но на самом деле это не так. Это винтовое движение связано с нашими магнитными полями.

— А поймать его можно? — высказал свою «дикую идею» Андрей, в котором, очевидно, активно зашевелился первобытно-охотничий инстинкт.

— Поймать? — усмехнулся Сэнсэй. — Ну, это равносильно тому, что ты будешь пытаться поймать рыбу ободком невода без сетки.

— Почему?

— Потому что не всё так просто. Наши межатомные, корпускулярные клеточные расстояния слишком велики, чтобы мы как-то смогли ощутить прохождение через нас этих существ. Мы для них, словно пустота.

— Это как понять? — поинтересовался отец Иоанн.

— Ну, как... Человек, вернее его тело, по большому счёту, что такое? Пустота. Если заглянуть в наш телесный микрокосм, то можно увидеть, что наши молекулы, атомы, электроны находятся на больших расстояниях друг от друга. И чем дальше будем углубляться в их деление, тем больше будет присутствовать пустоты. Пустота в человеке составляет около 97,7%. В принципе, если убрать всю эту пустоту — то, всё что останется от человека, образно говоря, пролезет сквозь игольное ушко... В данном случае мы не соприкасаемся с этими существами, потому что этому препятствуют два фактора: межатомные расстояния и ускорение во времени. Их эзоосмос, как я уже говорил, работает с другой частотой. Поэтому мы практически не соприкасаемся. Это парадокс параллели, который ещё не описан и не изучен современной физикой.

— Чего-то не совсем догнал, — проговорил Андрей.

— Ну вот, к примеру, пока я вам всё это рассказывал, через наши тела, и твоё в том числе, прошли, вернее пролетели, миллиарды нейтрино. И вы этого даже не почувствовали. А нейтрино, между прочим, состоит из пяти По, в отличии от «колбочек» этих существ, которые состоят из трёх частичек По. И ко всему прочему мы, в своём существовании, движемся с определённой скоростью при определённом течении времени, — терпеливо растолковывал Сэнсэй. — Эти же существа потому и вездесущи, поскольку могут свободно ускоряться. Мы же себе так, как они, этого позволить не можем. Поскольку попросту не выйдем из своего времени, мы здесь ограничены. Ведь для перехода нужно... скажем так, ускорение энергетического потенциала внутри нас, чтобы мы перешли в

другое время или параллель вместе со своим астралом, менталом и иже с ними. Вот на этом уровне должно произойти ускорение. Тогда да, мы сдвинемся. Но опять же, как сдвинемся? Исчезнем здесь, а появимся в более ускоренном времени. Но когда мы появимся в том мире, попадём в принципе в аналогичную параллель. То есть не исключено, что с теми же морями, небесами, солнцем, но очутимся в совершенно другом мире, который по жизни (по своим частотным характеристикам) не пересекается с нами. К примеру, на том месте, где у нас стоит современное здание, там может быть пустыня или лес.

— Да, мир гораздо богаче на жизнь, чем мы думаем, — произнёс Николай Андреевич, — и далеко ещё не познан нами.

— Конечно, далеко не познан, — согласился с ним Сэнсэй. — Человечество, можно сказать, только из своего детского садика стало выходить, школьную дверь приоткрывать. Ведь сколько тут времени прошло, как интенсивно начали развиваться науки? Вон чуть более 160 лет миновало, как изобрели трансформатор и электромагнитную индукцию, почти 60 лет назад расщепили атомное ядро, 30 лет назад появились компьютеры с пузырьковой памятью... Это же элементарные знания... и смешные сроки, учитывая возраст человечества! Это всего лишь первые шажки в познании разнообразного мира...

А форм жизней действительно очень много! Если люди успеют, то смогут изучить и парадокс параллели. Ничего там сложного нет. Необходимо всего лишь... Впрочем не будем вдаваться в подробности. Короче говоря, ничего сложного нет, при развитии современных технологий это вполне реально — перейти в параллельный мир и там найти вполне разумную жизнь с соответствующим интеллектом. Зачем её искать где-то на Марсе с его опасными для людей

микробами, если она под боком? Жизни полно. По большому счёту Вселенная — это есть сама жизнь, жизнь в самом обширном проявлении и разнообразии.

Вокруг уже давно опустилась ночная прохлада, оттого тепло костра становилось всё ощутимее и приятнее.

— А выход в Нирвану, это что? — спросил Стас. — Это выход за пределы нашего временного цикла? Выход в другую параллель?

— Отнюдь. Это выход за пределы параллелей, за пределы времени и пространства. Это выход из материальных Вселенных... Ведь по сути, если разобраться, что такое жизнь в человеческой форме? Это временное пребывание духовной субстанции в чередующихся формах высокомолекулярных конгломератов материи. Скажем так, это своеобразная скорлупа для созревания внутреннего плода, коим и является душа. Этот плод в данной временно-пространственной скорлупе меняет лишь свои оболочки — тела. Духовно созревший человек не умирает, он уходит.

Когда человек духовно раскрывается, то осознаёт, кто он и куда попал. Наша Вселенная есть всего лишь одна из материальных параллелей. В ней также существует несколько параллелей. Все они интересны, все населены. И ничего здесь такого нет, это закономерно. Любая параллель в ней материальна и существует в своём времени, со своими скоростями, со своей разновидностью материи. А вот выход за пределы материи на духовный уровень... это уже более значимо. Это выход в реальность Бога. И точнее сказать или объяснить очень сложно, поскольку мы ограничены нашим материальным разумом с его ассоциативным восприятием... В принципе, за рамками материального мира существует намного больше интересного.

Любой человек может перейти в реальность Бога, потому что в нём есть частица этой реальности — это его душа. Но парадокс в том, что из-за своей закомплексованности в материи, люди свою душу-вечное принимают за выдумку, а те мгновения существования своей иллюзорной оболочки-тела принимают за реальность и считают это жизнью.

— Что-то я не совсем пойму, как это тело может быть иллюзией, если я его вполне ощущаю? — озадаченно спросил Валера.

— Твоё тело — это всего лишь сфокусированная волна, которая получает короткий импульс в виде жизненной энергии праны. Время её возникновения после импульса, время её скоростного пробега до полного затухания — этот отрезок и есть то, что ты называешь жизнью. Это слишком скоротечный срок. Оглянуться не успеешь, как жизнь уже пролетела. Весь вопрос в том, как ты будешь использовать эту жизнь во время пробега, как потратишь силу того внутреннего толчка, который тебе дан?

— А как я её могу рационально потратить, если события, которые происходят в моей жизни, от меня не зависят? Что ни день, то новый «геморрой», сплошной гнёт проблем.

— Запомни: всё в тебе! Изменишься ты внутри, изменится и мир вокруг тебя. Материальные проблемы — это явление временное, своеобразное твоё испытание... Ты не представляешь себе, насколько твоя мысль материальна и как она использует силу твоего внимания. Если ты отдаёшь предпочтение своим плохим мыслям — какодемону, то, извини, сам виноват, что твой «геморрой» перешёл в хроническую стадию. А если бы ты отдавал предпочтение хорошим мыслям, то есть ежедневно стимулировал свой центр положительных мыслей агатодемона, ты был бы поражён своими внутренними переменами и

тем, как мир меняется вокруг тебя, словно сам Бог обратил на тебя свой взор и пришёл к тебе на помощь. Это непередаваемые внутренние ощущения Присутствия. Когда ты пребываешь в огромной Любви ко всему тебя окружающему, когда даришь эту Любовь Богу, твоя душа, которая является Его частицей, просыпается. А когда душа проснётся, изменишься в первую очередь ты. А изменишься ты, значит, откроется и совершенно другая реальность, откроются такие возможности, о которых ты и не мечтал...

Этот разговор, невольно заставивший всю компанию притихнуть, также внезапно прервался, как и начался. Когда Сэнсэй закончил говорить, наступила тишина, нарушаемая лишь потрескиванием догоравших угольков. Все сидели молча, погружённые в таинственный мир своих мыслей. Пламя костра угасало, оставляя напоминание о своём былом существовании в красноватых трещинах раскалённых им угольков, да и те, постепенно остывая, потухали, превращаясь в кучку пепла.

Было уже около двух часов ночи. Лёгкий ветерок давно утих. Рыба по-прежнему не клевала, поэтому и колокольчики не издавали ни единого звука. Сэнсэй глянул на свои часы с подсветкой и сказал:

— Ну что, пока такая тишина, предлагаю немного поспать перед утренней рыбалкой.

Виктор засомневался:

— По-моему, если сейчас народ прикемарит, то вряд ли потом сможет встать в пять утра. Что тут осталось-то...

— Не боись, никто не проспит, я ручаюсь, — с хитроватой улыбочкой заверил его отец Иоанн. — Есть у меня замечательный будильник, который своим звоном разбудит весь наш рыболовецкий лагерь.

Сэнсэй глянул на друга и усмехнулся.

— Главное, чтобы твой будильник последнюю рыбу тут не распугал.

— Ну, этого я гарантировать не могу, — с иронией промолвил отец Иоанн.

На том и стали потихоньку расходиться, прибирая за собой раскиданные вокруг рыбацкие принадлежности.

Сэнсэй сматывал чью-то удочку, небрежно брошенную недалеко от бревна, где они сидели, когда подошёл Валера. Он стал ему помогать распутывать леску, подсвечивая фонариком. Парень явно хотел о чём-то спросить, но не решался. Сэнсэй, видя, что тот мучается, добродушно произнёс:

— Ты что-то хотел спросить?

Валера несколько засмущался и после некоторой паузы сказал:

— Да... А Бог действительно есть?

Сэнсэй внимательно посмотрел на него.

— А ты готов услышать ответ? Он может перевернуть всю твою жизнь, — и помолчав немного, добавил: — Если тебе просто эта тема интересна, то сейчас полно литературы, бери да читай. Вон, священник сидит, тоже неплохой собеседник.

Валера пристально посмотрел Сэнсэю в глаза.

— Для меня это не просто интерес. Я готов услышать ответ от тебя.

— Да, — утвердительно сказал Сэнсэй. — Бог есть.

* * *

Ночь медленно сдавала свои позиции, уступая место рассвету. Темноту сменила серость. Она точно подмастерье, ежедневно упражняющийся в живописи, сначала сделала лёгкий набросок очертаний

общего плана картины природы, а потом тщательно принялась прорисовывать своим простым карандашом каждую мелкую деталь. Постепенно картина становилась всё чётче, тени — контрастней. Вскоре за работу взялся и сам художник-рассвет, окрашивая готовый эскиз разнообразной гаммой цветов. Птицы принялись исполнять привычный утренний репертуар, наполняя всё вокруг гармоничным пением. И вдруг посреди этой дивной мелодии раздался такой сумбурный звук, похожий не то на рык, не то на рёв разбуженного от спячки медведя, что напуганные птицы разом все умолкли.

А дело было так... Женька поёжился в спальном мешке и проснулся от непривычного ощущения, будто его тело находилось в каком-то неудобном положении. Он попытался открыть глаза, но, к своему удивлению, увидел лишь непроглядную темень. Полусонный, ничего не понимая, он хотел повернуться на другой бок, мол мало ли во сне пригрезится. Однако вместо этого вышло какое-то непонятное шевеление, словно Женьку что-то цепко держало. Вот тут-то сознание в панике заработало, как говорится, на окончательное пробуждение. Внезапно парень понял, что руки его были связаны впереди, на глазах повязка, а спальный мешок в ногах туго чем-то перевязан. И главное, ноги находились в подвешенном состоянии, а голова и верхняя часть спины упирались во что-то мягкое.

Сон у Женьки как рукой сняло. Он начал интенсивно извиваться, пытаясь освободить себя от такого неожиданного плена. С каждым движением его «подушка» под головой становилась всё ниже и ниже, как будто проседала. Мало того, что-то мелкое и щекочущее стало ползать по лицу, шее и агрессивно кусать Женьку, как говорится, без разбору. Когда же парню наконец-то удалось связанными руками со-

рвать с глаз повязку, неизвестно откуда взявшуюся во время его сладкого сна, и расстегнуть молнию спального мешка, то он увидел весь ужас своего положения. Спальный мешок в области ног был охвачен верёвкой, да таким хитрым узлом, который при движении тела ещё больше затягивался. Верёвка же была привязана к толстому суку «лучшего дерева на поляне», а голова как оказалось опиралась на большой муравейник. Пытаясь освободиться, Женька невольно разворошил его верхнюю часть, и полчища крохотных воинов незамедлительно устремились на обидчика их родного дома. Парень замахал связанными впереди руками, пытаясь смахнуть с лица своих «вчерашних союзников», но только ухудшил своё и без того «щекотливое» положение.

В тишине дремлющей природы раздалась отборная трилогия и про «мать», и про то, по какому конкретно адресу и в каком направлении отправились бы те, кто додумался до такого прикола. Голос «ревущего медведя» переполошил весь лагерь, словно внезапная сирена ПВО. Сонные парни с очумелыми глазами от столь неожиданно прерванного сна повыскакивали кто из палаток, кто из машин. Женька тем временем, проявляя изрядное мастерство изворотливости, а также чудеса своего накачанного пресса, пытался освободиться от пут. Его мысли усиленно «грешили» не иначе как на проделку спецназовцев. Ну кто ещё так профессионально мог завязывать столь диверсантские узлы? Не батюшка же, в самом деле?! И уж тем более никто из своих, поскольку в сэнсэевой компании были совершенно другие люди и другие отношения.

Как ни странно, но первыми на выручку пришли спецназовцы. Освобождение Женьки сопровождалось такими бурными эмоциями с обеих сторон, что собрался весь лагерь. Подошли Николай Андреевич и

Сэнсэй. Позже присоединился Вано, и что интересно, вид у него был в отличие от остальных — как у свежего огурчика. Сэнсэю достаточно было взглянуть на своего друга детства, чтобы понять, что тут произошло. Он улыбнулся, тяжко вздохнул и, укоризненно покачав головой, отвёл глаза в сторону. Пока Женьку со смехом снимали с дерева, как мишку коала, и Володя с юмором доказывал ему, что его ребята тут ни при чём, все уже окончательно проснулись. Самое интересное, что на часах было ровно пять утра, то есть время «подъёма», обещанное ещё вчера отцом Иоанном. На что сам Вано поспешил отшутиться, оправдываясь чисто случайным совпадением.

После того, как улеглась общая шумиха и каждый занялся утренним моционом, Женька к своему несказанному удивлению в дополнение ко всем «прелестям» пробуждения обнаружил в своём «сладком дремотнике» (спальном мешке) сахарный песок. И тут-то его осенило, кто являлся автором и исполнителем сего коварного замысла, этого непредсказуемого покушения на его дражайшую персону. Ни минуты не медля Женька двинулся на «разборки». Деловито подбоченившись, он бойко подошёл к Вано. Тот в это время сидел на корточках, налаживая снасть на берегу реки. Женька, помня свой вчерашний полёт, на всякий случай остановился на некотором расстоянии от батюшки.

— Так это ты?! Вот кто мне «сладкое утро» устроил! — обвинительно выкрикнул Женька, словно прокурор.

— Слушаю тебя, сын мой, — со своей неповторимой улыбочкой произнёс отец Иоанн.

— Как ты мог?! Я ведь осознал свою вину, честно и добросовестно отмыл свои «грехи», а ты... Это же не муравьи! Это хищники! А если бы они залезли мне в уши, в нос?! Они ведь могли..., они могли... —

Женька не находил подходящие слова, чтобы выразить всё своё возмущение. — Мозги мне съесть! Вот!

— Мозги?! — удивился отец Иоанн и добродушно добавил: — Не печалься, сын мой, тебе это не угрожает. А насчёт отмытия грехов... — и тут в глазах Вано мелькнул весёлый огонёк. — Ну, если ты настаиваешь...

— Я?! Да я...

Не успел Женька и вякнуть в ответ, как отец Иоанн с быстрым подшагом ловко перехватил возмущённо размахивающую руку парня и с лёгкостью перекинул его в воздухе, используя элементы боевого айкидо. Причём он умудрился так подбросить тело Женьки, что оно улетело в воду на пару метров от берега. Парень грузно свалился в реку, как увесистый мешок, сопровождая своё падение не только брызгами, но и целыми речными «цунами». Когда Женька в ужасе вынырнул, первым его восклицанием было:

— За что?!

Отец Иоанн усмехнулся и как ни в чём не бывало, ответил:

— Вот видишь, сын мой, и я в долгу не остался. Отмыл тя водою святою с ног до головы.

— Инквизитор! Утопленник душ! Вода же холодная. Тут как в аду...

— В аду?! Это ерунда, сын мой, по сравнению с настоящим адом. Ты себе не представляешь, что ожидает там некоторых барахтающихся «водоплавающих»... — с чёрным юмором стал пугать ужастиками отец Иоанн.

Вся эта сцена вызвала смех у наблюдавших. А Сэнсэй, глядя с кручи берега на взбаламученную воду, покачал головой:

— Ну вот, последнюю рыбёшку распугали. Тоже мне рыбаки...

* * *

Утро выдалось чудесное. Стояла хорошая, тихая погода. И всё было бы прекрасно, да вот большая рыба по-прежнему не клевала. Отец Иоанн вместе с Женькой, хоть и постоянно подначивали друг друга, как заведённые, всё же, как ни странно, вместе уселись рыбачить с берега. Вернее уселся отец Иоанн. А Женька, от нечего делать, стал помогать ему, насаживая рыбные «деликатесы» на крючок. Он так проникся своим занятием, что даже проявил незаурядное творчество в этом деле, понатаскав из леса различных жучков, паучков, склизких личинок. Чем они только ни прикармливали рыбу, щедро бросая в воду различную приманку, однако результат оставался неизменным. Клевала одна только мелочь. Волей-неволей, но в это утро они действительно устроили рыбе праздник желудка, обкормив её самыми изысканными лесными лакомствами. В конце концов дело кончилось тем, что Женька вместе с отцом Иоанном устроили торжественное отпущение «грехов» всем пойманным маленьким рыбкам. Прочитали им напутственную речь, как не попадаться, если на их жизненном пути вдруг в пучине вод появятся крючки с бесплатной приманкой, а также как нужно в тяжких трудах добывать себе корм на день насущный. И потом, под торжественное насвистывание Женькой какой-то весёлой песенки, отпустили рыбок с миром обратно в речку.

Охладев к рыбной ловле, Женька и отец Иоанн стали придумывать розыгрыши над другими рыбаками, чем окончательно достали всю компанию. А когда им надоело это дело, они начали подтрунивать друг друга, упражняясь в сочинении новых шуток. И, естественно, особенно отличился в выдумке отец Иоанн. Благодаря его стараниям Женька весь день

находил в своих бутербродах и другой еде муравьёв, незаметно подложенных Вано. В общем-то, несмотря на их «межличностное противостояние», они полностью дополняли друг друга. Сэнсэй даже шутливо прозвал их «двумя половинками души Эзопа». Наверное, древнегреческий юродивый раб-баснописец был бы несказанно удивлён в своём VI веке до нашей эры, если бы ему кто-то рассказал тогда о возможной столь непредвиденной реинкарнации его души в далёком будущем.

День пролетел в мгновение ока. Ещё в обед, следуя примеру Валеры, вся компания стала дружно собирать ветки для костра, незаметно для себя очистив лесную территорию, прилегающую к поляне, от этого «мусора». В результате сухих веток и брёвен натаскали целую гору. После обеда лагерь несколько опустел. Спецназовцы вместе с Володей решили обследовать местность вдоль реки в поисках рыбных мест и обещали вернуться нескоро. Валера же изъявил желание остаться.

Очевидно Володины ребята сильно увлеклись рыбной «охотой», поскольку когда компания уже заканчивала ужинать, их всё ещё не было. Валера даже решил пройти вдоль берега в поисках Володи в том направлении, куда ушли спецназовцы, а заодно и проверить дальние «дорожки» на предмет поклёвки. Об этом он и сообщил Сэнсэю. После ухода Валеры Женька гордо заявил по поводу пропажи целого «отряда»:

— Вот! Меня не взяли, поэтому и заблудились.

На что Вано сразу заметил:

— Без тебя у них как раз больше шансов вернуться обратно.

Женька состроил комичную улыбочку, и ребята в очередной раз покатились со смеху от его клоунады.

Кстати, ещё во время ужина Женька вновь рассмешил присутствующих скрупулёзным досмотром своей еды, проверяя, как на таможне, чуть ли не каждый сантиметр поглощаемой пищи. К его счастью, «вражеских диверсантов» там не оказалось. И сейчас, во время чаепития, он даже несколько расслабился. Парень победоносно глядел на сидевшего напротив Вано, мол мы тоже бдим. Когда Женьке подали кружку чая, он решил пить его даже без сахара, чтобы не попасться на очередную уловку отца Иоанна. Приняв от Насти кружку ароматного, горячего напитка, он заметил в своём стакане плавающие чаинки и с улыбкой мягко проворковал:

— Так, девчата, кто заваривал чай? Нужно было покруче кипяток сделать. Вон, вся заварка плавает.

— Ты чего, Жека? — удивилась Татьяна. — Чай в пакетиках.

После этих слов улыбку Женьки как корова языком слизала. Он стал внимательно рассматривать свои «чаинки». Стас тоже с любопытством заглянул в его кружку и со смешком констатировал:

— Да муравьи это, муравьи.

— Ё-ёшкин кот! Но как?! — Он твёрдо был уверен, что девчата на такую провокацию точно бы не пошли. Женька в удивлении глянул на плутоватый взгляд Вано и только тут заметил стоящий рядом с ним чайник. — Блин! Гринписа на тебя нет! Международная конвенция по тебе плачет! Безобразие, я буду жаловаться в Организацию Объединённых Наций! Я письмо напишу Папе Римскому!

Женька юморно возмущался ещё добрых полчаса, оглашая вслух приблизительный текст своих «жалоб», каждая из которых непременно сопровождалась уморительными комментариями Вано. От шуток этой парочки и от столь продолжительного нескончаемого смеха у некоторых присутствующих даже животы

разболелись. Хорошо, что в процесс сочинения «официальных писем» вовремя вмешался Николай Андреевич, решивший более рационально использовать время для разговора с Сэнсэем. Тем более что можно было открыто поговорить о темах насущных, так сказать в отсутствии «посторонних лиц». Присутствовал, правда, Вано, но он лишних вопросов не задавал. Да и сам Сэнсэй не стеснялся при нём свободно говорить обо всём. Николай Андреевич, подождав, пока народ похохотал после очередной шутки, тактично начал направлять разговор в другое русло.

— Нет, действительно, куда пропал наш спецназ?

— Наверное, клёвое место нашли, если даже от ужина отказались, — предположил Виктор, поглощая одно печенье за другим.

— Да, если рыба клюёт, забываешь обо всём на свете. Полная прострация во времени, — пошутил Николай Андреевич. — Кстати, о времени. Всё хочу поподробнее об этом тебя расспросить, — обратился он к Сэнсэю. — У меня сейчас часто бывают периоды, особенно после медитации, когда понятие времени на субъективном уровне практически исчезает. Наступает такой эффект... я бы сказал... кристально чистого состояния сознания. Колоссально повышается работоспособность. Такое впечатление, особенно когда после медитации работаешь с бумагами, словно у тебя под рукой, вернее, в голове, целая библиотека и вся необходимая информация легко всплывает на поверхность сознания.

Вообще-то феномен времени меня давно интересует как таковой. И вопросов назрело много. Ну, с официальной частью всё понятно: в науке время используется в качестве единицы измерения определённых периодических процессов. Понятно, что в философии — это состояние материи, форма последовательной смены явлений. Ясно, что оно неразрыв-

но связано с пространством. И что универсальными свойствами времени является длительность, неповторяемость и необратимость, а свойствами пространства — протяжённость, единство прерывности и непрерывности. Всё это вроде понятно... Но, по большому счёту... По-моему, существует огромная разница между тем, как мы измеряем время и как его проживаем на самом деле. У меня создалось впечатление, будто в нашем сознании присутствуют сразу несколько восприятий времени, борющихся за право своего голоса. Одно — научное, которое пытается обосновать точность и количественное выражение временных правил. Другое — социальное, которое стремится эти правила нарушать. Третье связано с эффектом субъективного восприятия времени, например во время медитаций. Четвёртое поражает своими феноменами в стрессовых ситуациях. В связи с этим у меня к тебе целая серия вопросов. Но вначале я всё-таки хотел бы узнать, что представляет собой время в действительности?

— Время? — Сэнсэй покачал головой и промолвил. — Большую тему затрагиваешь... В принципе, ты правильно заметил, время — это довольно относительное понятие. Очень многое в суждении о времени зависит от того, кто, с какой системы отсчёта и зачем наблюдает данное явление. Если рассматривать его в действительности в своём проявлении, то время можно разделить на:

1) **истинное время**, которое напрямую зависит от силы Аллата; если помните, всё в этом мире (будь-то материя или энергия), включая и время, существует только благодаря Аллату, о котором я вам уже рассказывал;

2) **глобальное время** (или абсолютное время) — промежуток времени, проходящий от появления до полного исчезновения материи в масштабе Абсолюта;

3) **объективное время** — это привычное для нас времяисчисление — секунды, часы, месяцы, годы, которые обусловлены временем обращения Земли вокруг собственной оси и Солнца, то есть стабильно повторяющимися физическими процессами с равными промежутками времени;

4) **субъективное время** — индивидуальное восприятие времени каждым индивидом.

Но чтобы ты лучше осознал эти процессы, я, пожалуй, объясню тебе данные понятия времени на образной демонстрации. — Сэнсэй попросил у ребят коробок спичек и вытащил из него одну спичку. — Вот смотри. Представим, что огонь этой спички с момента его возникновения и до конца сгорания древка есть процесс возникновения и уничтожения всей материи. Момент движения, когда я возьму эту спичку, поднесу её к коробку, приложу усилия, чтобы выбить искру, когда спичка загорится и до полного её сгорания — это всё, образно говоря, в глобальных масштабах есть течение **истинного времени**, то есть момент возникновения, действия и исчезновения силы Аллата при процессе создания и уничтожения материи. Для нашего человеческого восприятия в этом времени нет настоящего, а есть только прошлое и будущее.

Глобальное время — это момент движения времени от начала первой искры до конца полного сгорания данной спички. Причём весь процесс будет правильнее характеризовать не при горении спички серной головкой вверх в вертикальном положении, а именно при направлении вниз. Обратите внимание на разность скорости движения пламени.

Сэнсэй зажёг спичку, продемонстрировав нам ровное, медленное пламя при положении серной головки спички вверх и тут же перевернул спичку серной головкой вниз. Пламя, подымаясь вверх, быстро

охватило древко спички. Сэнсэй сразу же потушил огонь, чтобы не обжечься.

— Остановим данное мгновение, — с улыбкой произнёс он. — Обратите внимание на те места, которые успело охватить пламя в таком перевёрнутом положении спички. — Сэнсэй передал потушенную спичку по кругу. — Так вот в глобальных масштабах происходит, грубо говоря, тот же процесс. Расширяющаяся с нарастающей скоростью Вселенная неизбежно ускоряет глобальное время, однако при этом никак не влияет на истинное время. В современной физике есть такая аксиома о времени: одинаковые во всех отношениях явления происходят за одинаковое время. Глобальное время относительно для человеческого понимания, так как логическая оценка данного процесса происходит через материальные структуры мозга. Поэтому в нынешней науке считается, что в природе нет реального физического процесса, которым можно было бы измерить глобальное (абсолютное) время. По этому поводу есть такой постулат, что течение времени зависит от скорости движения системы отсчёта.

— Как это? — не понял Андрей.

— Ну, как я уже говорил, во многом суждения о течении времени зависят от того, с какой точки системы отсчёта наблюдать данный процесс. К примеру, представьте себе гигантские размеры этой экспериментальной спички, допустим длиной в километр. Вы же — наблюдатель (то есть в нашем случае точка системы отсчёта), который для исследования данного процесса горения разместился на подъёмнике, или скажем на таком же гигантском подъёмном кране, который установлен параллельно спичке.

— Ага-а-а! — «уловил» мысль Женька и мечтательно произнёс: — Типа, я такой в каске, одежде пожарника с огнетушителем в руках.

Ребята усмехнулись, а Стас курьёзно пожаловался Сэнсэю:

— Нет, ну с ним невозможно ставить даже мысленные эксперименты! Я только, понимаешь, представил себя в белом халате учёного, с молодой ассистенткой, как в мою светлую ассоциацию влез этот тип чумазый с огнетушителем в руках!

— Во, во! — поддакнул Костик.

Коллектив усмехнулся.

— Ну, это уже частные вопросы качества восприятия, — полушуткой промолвил Сэнсэй. — Так вот, представьте себе, что начался процесс горения и пламя (которое в нашем сравнении представляет собой зародившуюся и начавшую расширяться Вселенную) пошло снизу вверх. Если ваша скорость движения на подъёмнике будет одинаковая со скоростью движения огня, то для вашего восприятия время будет относительно неподвижно. Если вы будете двигаться быстрее, чем огонь, то вам будет казаться, что время горения замедляется. А если вы будете двигаться медленнее, чем пламя, то увидите, что время ускорилось.

— Не понял?! — удивился Костик. — А почему я должен гадать, руководствуясь личным восприятием, если можно воспользоваться, к примеру, секундомером?

— Ну ты и лапоть с заземлённым мышлением! — добродушно усмехнулся Женька. — Где секундомер, а где космос! — При этом парень выразительно кивнул на землю и на звёздное небо.

Все вновь рассмеялись. На что Сэнсэй ответил:

— Смех, смехом, а Женя в некотором смысле прав. Что такое секундомер? Прибор для измерения промежутков времени, в тех же секундах. А что такое секунда? Это всего лишь условная единица измерения. Её определение неоднократно менялось с

ростом научных познаний в этом вопросе. Современное определение секунды принято в 1967 году. Ныне люди называют секундой интервал времени, в который укладывается определённое число периодов излучения определённой длины волны атома цезия. Это на сегодняшний день считается ими самым точным из всех эталонов основных единиц СИ. О чём тут ещё можно говорить?! — Последнее предложение Сэнсэй произнёс с неким двояким смыслом. Затем немного помолчал и продолжил: — Объективное время, на примере горения спички, — это есть момент времени физико-химических процессов, происходящих при горении. Ну и субъективное время — это индивидуальное времявосприятие частички данного процесса.

Но так как глобальное время постоянно ускоряется, то и объективное время соответственно ускоряется. Хотя с позиции субъективного восприятия человеком объективное время не меняется, то есть как было в сутках 24 часа, так и осталось. Получается парадокс времени: с одной стороны время ускоряется и человек чувствует это. Как говорится, не успел в понедельник проснуться, как уже суббота. А с другой стороны с позиции физики, объективное время как бы остаётся стабильным, я имею в виду год, месяц, дни, часы, секунды. И весь этот феномен времени обусловлен в первую очередь тем, что время, как и пространство, являются неотъемлемыми характеристиками материи. Не было бы материи, не было бы и времени, и пространства. Да, время, как и пространство, ещё очень плотно связано с гравитацией.

— С гравитацией? — удивлённо переспросил Николай Андреевич.

— Да. **Время, пространство и гравитация — это свойства Аллата, которые проявляются в энергии частички По. Аллат есть первопричина**

зарождения и существования материального мира. И именно внутренний толчок вперёд энергии По породил время. Сегодня время можно определить как огромную энергию при огромной плотности... И время, и гравитация, и пространство присущи всему материальному миру. В нематериальном мире, или духовном, реальности Бога, как угодно это называй, в общем в том мире за гранью, понятия времени, пространства и гравитации вообще отсутствуют.

— А что есть там? — поинтересовался Виктор.

— Понимаешь, логически объяснить, что есть там, за гранью, в принципе невозможно. Почему? Потому что мозг человека материален, он ограничен. И мысли его, хоть и более тонкая структура материи, но всё же материя. Почему во все времена духовные учителя всегда говорили людям: «Верь»? Потому что сознание человека не может полноценно воспринять тот мир. Оно может без сопротивления либо поверить, что называется чистой верой, если человек включает свой агатодемон; либо принять в качестве гипотезы, если человек колеблется между своими положительными и отрицательными мыслями; либо посчитать всё это фантастикой, если человек находится на волне какодемона, когда присутствуют множественные сомнения... Но то, что есть за гранью, вполне реально прочувствовать на внутреннем уровне. Для этого нужно достичь определённой степени духовного совершенства.

— А Шамбала тоже находится за гранью, в безвременье? — спросил Стас.

— Да. Поэтому там нет ни прошлого, ни будущего в нашем понимании.

Николай Андреевич воспользовался паузой и попытался вновь вернуть разговор в русло интересующей его темы о времени.

— А существует зеркальное отражение мира? Ведь если оно есть на самом деле, то можно говорить о физической роли направленности времени, как в одну, так и в другую сторону. По крайней мере доказательства вещества и антивещества уже найдены. И я думаю, если будет доказано существование зеркального эффекта времени, то вполне реально создать и машину времени.

— Машину времени? — усмехнулся Сэнсэй. — Могу тебя осведомить, что эти предположения так и останутся предположениями, не более.

— Но почему?

— Потому что машину времени для материальных объектов создать нереально. Объясняю почему. Время в материальном мире течёт одновекторно, то есть в одном направлении от момента проявления материи до момента её исчезновения. Ведь материальный мир подвержен одному и тому же временному циклу — истинному времени. Понятно, что материальный мир многообразен, в нём существует множество параллелей. Однако все эти параллели находятся всего лишь на разной частоте, но... в одном и том же истинном времени. То есть переместиться туда в пространстве ты сможешь. Мгновенное перемещение в пространстве для материальных объектов вполне реально. Но ты переместишься на другую частоту в тот же глобальный момент времени.

— Подождите, как это? — не понял Андрей. — Тут даже из одной точки земного шара в другую, когда перелетаешь на самолёте, и то есть разница во времени.

— То, о чём ты говоришь, это относится к понятию субъективного человеческого времени. Это мгновения. О них мы ещё поговорим... Кстати, о мгновении. По большому счёту истинное время жизни материального мира со всем его многообразием,

по сути есть всего одно мгновение, не более. Для нас оно растянуто в миллиарды лет. А по факту это время крайне ограничено. Бесконечность же и вечность в истинном своём проявлении присущи лишь той стороне, за гранью, то есть реальности Бога, но отнюдь не материальному миру. Материальный мир для той стороны — это как определённая вспышка, имеющая своё начало и конец. Материальную жизнь можно образно сравнить с каплей воды, попавшей на раскалённый под солнцем песок в пустыне. Не успела она появиться, как тут же мгновенно исчезает, испаряется. Хотя на самом деле она всего лишь переходит из одного состояния в другое. Но её мгновения пребывания на песке, к примеру для того же заряда электрона, находящегося в ней — это целая жизнь в «бесконечной Вселенной».

— Значит, антивремени, как такового, не может быть вообще? — уточнил Николай Андреевич.

— Совершенно верно.

— А как же существование частиц и античастиц?

— Это не нарушает закона материи. Они ведь существуют в одном и том же времени. Античастицы и частицы имеют те же величины масс и другие физические характеристики. Просто некоторые их характеристики, к примеру электрический заряд или магнитный момент противоположны по знаку. Вот и всё. Даже то, что откроют в будущем учёные, если то будущее, конечно, настанет для этой цивилизации, будет связано с изменением частоты как таковой, но не общего времени.

— Ну хорошо, а как же тогда то, что человек в процессе реинкарнации может попасть в любое земное время, в том числе и в прошлое? Это, в общем-то, противоречит твоим словам.

— Здесь нет противоречия. В этом и заключается человеческий парадокс. В человеке присутствует

душа, то есть вкрапление извне, из мира реальности Бога, закапсулированная в материи. В принципе, по всем понятиям она и является истинной антиматерией. Всё остальное, что люди называют «антиматерией», есть всего лишь преобразования энергии По. Когда у человека заканчивается жизненная энергия прана и он умирает, то его душа вместе с личностным отпечатком переходит грань материального мира в нематериальный, то есть в безвременье...

— А что это за личностный отпечаток?

— Это интересный момент. Личностный отпечаток, конечно, образное сравнение. Но это означает ту внутреннюю сущность, которую человек создал за свою жизнь, вместе со всеми его переживаниями, памятью, чувствами. Причём памятью всей своей жизни, каждого её мгновения от начала до конца. **Почему очень важно быть Человеком в течение всей жизни? Потому что, если «здесь» у тебя есть выбор, как в плане мыслей, так и в плане действий, то «там» ты получишь лишь то, что заслужил своим выбором.**

Так вот, это в человеческом понимании существует понятие «прошлого», потому что мы субъективно судим, находясь в настоящем. **А жизнь, по сути, есть череда мгновений, обусловленных эзоосмосом, то есть постоянным внутренним толчком энергии По в настоящем.** За гранью понятия прошлого, как впрочем и будущего, как такового, нет. Когда наша душа идёт на перерождение, то есть выходит из безвременья в материальный мир, она попадает в многослойный уровень реальности настоящего, которое мы бы восприняли в отдельных его проявлениях, в качестве прошлого для нас или будущего. Вот и всё. Поэтому душа в нашем человеческом понимании может так «кататься во времени», воплощаясь в новых телах. Но любым материальным объе-

ктам подобное не подвластно. Всё, что с ними может произойти в материальном мире, связано с преобразованием энергии По в настоящем моменте.

Николай Андреевич, видимо вновь мысленно прокручивая слова Сэнсэя, стал тихонько рассуждать вслух, словно сам с собой:

— То есть когда человек умирает...

— Кстати говоря, смерть смерти рознь, — добавил Сэнсэй. — То, что я рассказал, происходит именно в случае, когда заканчивается жизненная энергия человека — прана. Причём у каждого по-своему. Здесь уже всё зависит от субъективного времени и возраст, как таковой, роли не играет. У одних прана может закончиться в детстве, у других — в среднем возрасте, у третьих — в старости. Неважно. Главное, что потом душа переходит в цикл перерождения. Но бывают случаи смерти преждевременной, когда у человека ещё полно праны, а его, к примеру, либо умертвили насильственно, либо он сам по глупости лишил себя жизни. Вот тогда его душа, отделяясь вместе с астралом, своими тонкими оболочками, остатками неизрасходованной праны от погибшего тела, не уходит на перерождение, а начинает существовать здесь же, в этом времени, в этой жизни на тонком материальном уровне, скажем так, в виде... «призрака», как именуют этого «субъекта» люди. И бродит в этом состоянии «ни вашим, ни нашим» достаточно долго, гораздо дольше, чем человек бы жил в теле. Потому что энергия праны без материального тела расходуется очень медленно. Освободиться от этого затяжного кошмара душа сможет только тогда, когда израсходуется прана и разрушатся тонкие тела. Немаловажно и то, что в этом существе во много раз обостряются все его переживания, которые он накопил ещё будучи в теле. И с этими личностными переживаниями ему придётся существовать весь период «жизни» призрака.

— Хреновая перспективка, — хмыкнул Андрей.

— Понятное дело, — промолвил Сэнсэй. — Что же касается субъективного ощущения времени человеком, то оно во многом относительно. Почему? Прежде всего потому, что все процессы в микро- и макрокосмосе воспринимаются под углом человеческого зрения, посредством оценки происходящего человеческой мыслью. А мысль, в свою очередь, я напоминаю, зарождается в материальном мозге, который всё-таки ограничен в своём восприятии. Человечество накопило уже много своих понятий о времени, которые нужны людям лишь для того, чтобы удобнее было жить и познавать окружающий мир. Но все эти понятия условны, начиная от календарей и заканчивая делениями долей секунды со своими относительными погрешностями. Возьмите, к примеру, ту же хронобиологию, рассматривающую разнообразие внутренних биоритмов живых существ. В ней понятие времени для каждого организма тоже относительно...

— Ну, в принципе, да, — согласился Николай Андреевич с Сэнсэем. — Если взять того же человека, то у него каждый орган работает на своей частоте, со своим периодом колебаний: колебания волн головного мозга, равные одной десятой секунды, шестисекундный дыхательный цикл, секундные основные сердечные ритмы и тому подобное...

Женька же, услышав эти слова, тут же схохмил:

— Вот-вот... Я всегда говорил Стасу: «Ты не человек, ты случайный набор органов». А он не верил. — И, обращаясь к другу, добавил: — Слышишь, что умный человек говорит...

Посмеявшись вместе со всеми над Женькиным каламбуром, доктор всё же прокомментировал это шуточное впечатление:

— Это только на первый взгляд кажется, что каждый орган «случайный» по своим колебательным

процессам. В каждом организме есть свой главный «колебатель-времязадаватель», который синхронизирует общую работу всего организма, как центральный процессор в компьютере.

— Совершенно верно, — кивнул Сэнсэй и уточнил: — Но опять-таки, все эти секундные колебания тоже относительны. Если изменяются внешние условия или активно действует психологический фактор, внутреннее время может либо замедляться, либо ускоряться, точнее замедляется или ускоряется, в первую очередь, эзоосмос человека. А потом уже соответственно замедляется или ускоряется работа организма. Например при стрессовых ситуациях.

— Как писал Павлов: «В основе отсчёта времени в ЦНС лежит смена возбуждения и торможения», — вставил Николай Андреевич.

— Да. Так что время — понятие относительное, особенно в биосистеме. Все люди, растения, животные, насекомые живут неодинаковый срок, стареют с разной скоростью. Проще говоря, у каждого свой запас праны, поэтому и биологические часы каждого идут со своей скоростью. Соответственно для нас времявосприятие объектов материи разное.

— Со своей скоростью? — переспросил Руслан. — Это как?

— Ну, к примеру, возьми реликтовые деревья, тот же тисс ягодный, который живёт от двух до четырёх тысяч лет. Как и другие деревья-долгожители он медленно растёт, но зато и живёт дольше. Или взять черепах. Многие их виды живут до ста лет. Скорость реакции, к примеру, сухопутных черепах в два-три раза меньше, чем у нас. Если бы ты прошёл рядом с ними пешком, для них ты бы просто пролетел так, как для тебя пролетает мотоциклист, движущийся приблизительно со скоростью 50 км/ч... Или возьми муху. Мы воспринимаем её как существо с собствен-

ным временным циклом, совершенно отличным от нашего. По подсчётам один световой день для мухи длится примерно один наш календарный месяц. Мы для неё невообразимо медленные существа. А почему? Потому что скорость жизни мухи гораздо больше скорости жизни человека. Соответственно и скорость её реакции гораздо выше... Пока, например, Женька занесёт над ней руку и попытается поймать, она успеет почистить себе все лапки с крылышками, определить, откуда исходит угроза и куда ей лучше и безопаснее лететь, пока это ленивое существо соизволит опустить свою ручищу. При этом муха спокойно поднимется, делая крыльями десятки взмахов в секунду, и улетит.

— Я же не садист, — вступился за себя Женька и, покосившись на отца Иоанна, продолжил: — в отличие от некоторых, не будем показывать пальцами. Я природу люблю!

Однако тут же, увидев пристроившегося на своей руке комара, непроизвольно хлопнул по нему. Ребята засмеялись.

— Оно и видно, — усмехнулся Вано.

— У этого просто судьба такая, — оправдывался Женька, сбрасывая с руки останки комара.

— Интересно, а можно так распорядиться своим временем, чтобы, как говорится, жить долго и счастливо и умереть в один день? — спросил Руслан, пребывая в плену своих мечтаний.

Костик усмехнулся и с сарказмом подметил:

— Отчего нельзя? Истории даже известен такой случай. Вон в Помпее тоже жили долго и счастливо... и все умерли в один день.

Компания вновь рассмеялась, развивая сюжет и осыпая Руслана шутками. Когда же закончилась пятиминутка смеха, Сэнсэй сказал:

— Человек способен на многое. Проживая жизнь,

он практически не использует свои возможности, которые в нём заложены. Хотя в экстремальных ситуациях, я вам уже рассказывал, он может наблюдать их проявление. В том числе это касается и времени: когда субъективное времявосприятие сильно ускоряется, а внешнее обычное время, наоборот, как бы замедляется. Чаще всего, конечно, с этим феноменом времени сталкиваются люди опасных профессий: пилоты, гонщики, каскадёры и им подобные. Попадая в особо экстремальные условия, некоторые действительно ощущают, что время реально замедляется, и в этот промежуток успевают сделать всё возможное, чтобы исправить ситуацию. А когда выходят из этого состояния, то обнаруживается, что всего за доли секунды они совершили в десятки раз больше работы, чем могли бы сделать в обычной жизни.

— А чем это можно объяснить? Больше праны тратится в эти мгновения? — осведомился Николай Андреевич, высказав свою догадку.

— Да. Резкий выброс психической энергии порождает мощный всплеск праны, что, в свою очередь, влияет на эзоосмос человека. В данном случае он просто ускоряется, поэтому человек успевает за мгновение сделать гораздо больше, чем в своём естественном состоянии... Подобные ощущения переживают и обычные люди, сталкиваясь с острыми кризисными ситуациями. Так что выражение «жизнь пролетела перед глазами за мгновение» — это не просто слова.

Здесь, в том временном промежутке, в котором мы находимся, имеется общая волна времени... Или лучше скажем так, чтобы было легче понять, мы едем на определённой машине жизни, которая движется с определённой скоростью. Мы видим только то, что мы видим. Почему? Потому что наши атомы двигаются на определённой скорости. Если они начнут работать в несколько раз быстрее, это не

означает, что мы быстрее умрём, просто то, что мы видим, исчезнет и появится совершенно другое изображение или картинка. Измерений много, это вполне реально, и здесь ничего такого нет.

В разговоре возникла небольшая пауза. Николай Андреевич помолчал, обдумывая что-то, а потом вновь спросил:

— А вот насчёт перемещения в пространстве... Я помню наши с тобой разговоры о телепортации, но, честно говоря, до сих пор не могу реально себе представить, как это происходит в действительности...

— Точнее сказать, поверить, — поправил его с улыбкой Сэнсэй, называя вещи своими именами.

Доктор поморщился. Очевидно такой постановки вопроса он явно избегал в разговоре с Сэнсэем.

— Скорее понять для себя основы феномена, — выкрутился Николай Андреевич и как-то стыдливо потупил взор, словно пытаясь собраться с мыслями и сформулировать более точный вопрос по этому поводу.

И тут совершенно неожиданно, практически рядом с собой, услышал голос Сэнсэя с нотками иронии:

— Основы, говоришь? Основы, конечно, дело хорошее. Только раньше их должна быть вера...

Николай Андреевич в удивлении оглянулся. Рядом с ним на свободном месте, как ни в чём не бывало, сидел Сэнсэй, непонятно как успевший здесь оказаться.

— Правильно, — вновь раздался голос Сэнсэя, однако на сей раз доктор услышал его с прежнего расстояния.

И лишь здесь Николай Андреевич заметил, что Сэнсэя стало два. Один находился на своём месте напротив него, а другой, вполне реальный, как говорится из плоти и крови, сидел на бревне возле Николая Андреевича.

— Это что, гипноз? — изумлённо проговорил психотерапевт первое, что пришло в голову.

Два Сэнсэя одновременно усмехнулись.

— Хуже, — с улыбкой сказал тот, что находился рядом, и полушёпотом сообщил, как страшную тайну: — Это раздвоение личности... Как там у вас его величают?

— Шиза, что ли? — не отрывая глаз от второго Сэнсэя, автоматически промолвил не менее удивлённый Виктор, сидящий невдалеке.

Второй Сэнсэй затрясся в беззвучном смехе. Николай Андреевич же, слегка встряхнув головой, попытался совладать со своей растерянностью, обращаясь то ли к Виктору, то ли убеждая самого себя:

— Шиза, если бы ты один всё это видел, а когда массово...

Тут он запнулся и вновь пристально посмотрел на второго Сэнсэя.

— Да не гипноз это, не гипноз, — успокоил его Сэнсэй, сидящий напротив.

— Хм, как будто кроме гипноза ничего больше и не существует, — насмешливо заметил второй Сэнсэй, обращаясь к первому. — Вот что значит знания давать преждевременно... Сразу начинается прикидка нового шлема к старым панталонам.

Первый Сэнсэй улыбнулся такой трактовке «клона» и терпеливо начал объяснять Николаю Андреевичу:

— На самом деле здесь всё до гениальности просто. Пространство связано с гравитацией, гравитация связана со временем. А всё вместе неразрывно связано с действием Аллата... Этому явлению присущи самые обыкновенные фундаментальные законы...

Николай Андреевич в недоумении переводил взгляд то на одного Сэнсэя, то на другого, очевидно не совсем доверяя своим глазам и ушам. Женька же, увидев такое «чудо», вообще чуть не поперхнулся

вареньем, которое он до этого уплетал, как кот хозяйскую сметану. Не сводя удивлённых глаз с такого «прикола», словно боясь, что всё это вот-вот исчезнет, парень тихо толкнул Стаса в бок:

— Слышь, ну-ка ущипни меня...

Стас, сам испытавший лёгкий шок от этого видения, столь добросовестно исполнил просьбу друга, что Женька подскочил, как ошпаренный, опрокинув навзничь банку с вареньем.

— Ай! Ты чего, с ума сошёл?!

— Сам же попросил, — пожал плечами Стас.

— Ну не так же! Вон, синяк какой поставил, — и, глянув на разлитое варенье, с ноткой сожаления произнёс: — Блин, столько добра пропало!

Но варенье тут же было забыто, поскольку в следующее мгновение внимание Женьки полностью переключилось на второго Сэнсэя. Как ни странно, но во время этого небольшого курьёзного инцидента, отвлёкшего внимание части присутствующих, второй Сэнсэй не исчез. Да и позже, как народ ни старался совершать над собой «пробудительные» действия, второй Сэнсэй упорно оставался на месте. Тем временем Женька, отстранив опешившего Виктора, уселся рядом со вторым Сэнсэем и не придумав ничего другого протянул ему руку.

— Здрасьте.

— Привет, — усмехнулся второй Сэнсэй, крепко пожав ему ладонь.

Женька внимательно посмотрел на неё, словно на слиток золота, а потом, понизив голос до триллерного шёпота, с сомнением проговорил:

— Сэнсэй, это ты, что ли? — и, обернувшись к первому Сэнсэю, добавил: — Это...

Он стал мимикой «телеграфировать» свои вопросы о втором Сэнсэе. И хотя ему хотелось казаться вполне серьёзным, вышло довольно комично. Отчего

и первый Сэнсэй, кому была адресована эта «телеграмма», и второй Сэнсэй, о котором пытался расспросить Женька, расхохотались до слёз. Женька же, видя, что его беззвучные сообщения остались нерасшифрованными, попытался их озвучить.

— А можно... это... тебя... того... потрогать.

Первый Сэнсэй кивнул, не в силах произнести что-либо вслух. Женька осторожно пощупал бицепсы плеча второго Сэнсэя. На что тот, утирая накатившиеся слёзы, сказал сквозь смех:

— Вот видишь! А ты им ещё хотел поведать о высших законах. С чего ты взял, что они к этому готовы? Лично я, кроме смены традиционной ориентации, ничего не наблюдаю.

Второй Сэнсэй безнадёжно махнул рукой. Женька в это время, словно не доверяя своей правой руке, уже хотел пощупать плечо двойника и левой. Но в этот миг второй Сэнсэй исчез так же мгновенно, как и появился. Так что ладони парня вместо опоры на плечо резко прорезали воздух. Женька даже растерялся от такой неожиданности и недоумённо соединил ладони, глуповато оглядевшись вокруг.

Николай Андреевич сразу положил руку на бревно, где сидел второй Сэнсэй.

— Надо же, тёплое, — в несказанном удивлении констатировал доктор.

Услышав это, остальные ребята сорвались со своих мест, желая ощутить это тепло лично. Только Сэнсэй и Вано остались на своих местах. Причём отец Иоанн сидел не шелохнувшись, с серьёзным видом наблюдая за происходящим.

— Сэнсэй, как это ты сделал?! — поражённо спросил Андрей.

— Да, — махнул Сэнсэй рукой. — Забудьте.

— Как это забудьте?! Как это забудьте?! — очнувшись от столь шокирующего видения, завозмущался

Женька. — Я, понимаешь ли, ради истины половину своего бока на растерзание этому извергу отдал, — кивнул он на Стаса, — лишил свою «маньку» сладкого наслаждения, — он указал на опрокинутую банку с вареньем, — да и вообще чуть было свою крышу не спалил! И всё это ради того, чтобы забыть?!

Но Сэнсэй, усмехнувшись, лишь отшучивался в ответ. Очевидно, понаблюдав за такой реакцией ребят, ему перехотелось что-либо объяснять. Через некоторое время, когда все более-менее пришли в себя, Николай Андреевич изрёк:

— Нет, ну, правда, Сэнсэй... Понимаю, мы глупо выглядели со стороны. Но всё же обидно будет, если эта наша минутная человеческая слабость лишит нас познания столь серьёзных вещей.

— И, возможно, не только нас... — неожиданно для всех добавила Настя.

Сэнсэй внимательно посмотрел говорящим в глаза, потом одобрительно улыбнулся и промолвил:

— Ну, раз так, будь по-вашему.

Все оживились, усаживаясь поудобнее.

— Ты говорил о каких-то законах, присущих этому явлению, — напомнил Николай Андреевич.

— Совершенно верно, — подтвердил Сэнсэй и уже охотнее стал рассказывать: — Мгновенное перемещение в пространстве для человечества — это элементарная вещь. И здесь абсолютно не нужно ускорение, над которым сейчас ломают головы учёные. Просто телепортацией нужно научиться пользоваться. А для этого надо знать общие законы времени. Тогда телепортация станет для людей такой же обыденной реальностью, как, например, сегодня свет. Ведь когда Эдисон изобрёл лампочку, для многих людей это было шоком. Но потом изобретение стало настолько привычным, что сегодня мы, заходя в тёмную комнату, обыденно включаем свет, даже не

задумываясь о том, что такое электричество. А ведь по сути, люди не знают до сих пор, чем на самом деле является электричество, поскольку им даны лишь общие представления о нём. Но несмотря на это, они приспособились к такому проявлению этой силы и с успехом её используют. И даже дошли до создания компьютеров с их общей информационной сетью.

Так вот, то, что я сейчас расскажу, касается законов истинного времени, обуславливающих данное явление. Зная их, любому новоявленному Эдисону под силу разобраться в феноменах времени... Итак, время, как я уже говорил, — огромная энергия, которая зародилась в результате преобразования силы Аллата в частичку энергии По, которая в свою очередь породила эзоосмос По. Время течёт только в одном направлении из прошлого в будущее. Оно плотно связано с гравитацией. По мере распространения времени распространяется и гравитация. Для времени характерны причина и следствие. Между причиной и следствием имеется пространственно-временная точка, или настоящее. Она не принадлежит ни причине, ни следствию. Однако именно через неё происходит преобразование причины в следствие. Пока понятно, да? Теперь самое важное.

Рассмотрим принцип работы времени. В самом первичном толчке энергии По, порождающем время, произошёл скачок энергии из настоящего в будущее, то есть из настоящего в следствие, что и задало одновекторность времени. Благодаря той же частице По, запустившей время, появились и элементы гравитации. Причина притягивается за счёт гравитационных сил к настоящему, создавая тем самым гравитационное поле. И тут же за счёт внутреннего толчка По, то есть эзоосмоса По, образующего время, происходит скачок из настоящего в будущее. То есть причина переходит в движение энергии времени. При этом про-

цессе поддерживается постоянство энергии времени в зависимости от плотности материи. Если, к примеру, не было бы энергии времени, соответственно и гравитации, наше Солнце давно бы сгорело, магнитные поля не могли бы существовать, атом бы не смог удерживать свои электроны и так далее. Проще говоря, благодаря такому эзоосмическому проявлению времени поддерживается как внешняя, так и внутренняя среда материи...

В это время на свободном месте вдали от сидящих, снова неожиданно появился двойник Сэнсэя. Он по-хозяйски подбросил валяющиеся рядом ветки в костёр, а потом, как ни в чём не бывало, стал дополнять рассказ Сэнсэя, как само собой разумеющееся.

— Да, но ты не забудь упомянуть, что помимо своих общих характеристик время проявляет свойство индивидуальности в каждом образовании материи. Где идёт процесс уплотнения времени, там неизменно происходит процесс уплотнения гравитации. Постепенно увеличивается и сила времени. В материальном мире время и гравитацию можно считать самыми мощными энергиями, естественно после энергии По. Причём гравитация является предэзоосмическим состоянием времени в процессе эволюции материи. Гравитацию можно назвать одной из составляющих частей времени, относительно к прошлому. Настоящим является только сам момент проявления энергии По, порождающий внутренний толчок, то есть эзоосмос.

— Не забудьте сообщить, что времени свойственна асимметричность, — раздался голос третьего Сэнсэя, стоящего позади Женьки. Пока все удивлённо оборачивались, он положил руку на плечо парня. Тот аж вздрогнул от неожиданности и с опаской покосился на стоящего рядом с ним Сэнсэя, который, увидев его реакцию, подмигнул ему как старый зна-

комый и дружески похлопал его по плечу. — Да, да, мой друг, именно благодаря асимметричности времени происходит прогресс, всё материальное отживает свой срок и идёт на преобразование энергий в новые материальные формы. Энергия переходит из одной формы в другую благодаря эзоосмосу.

Пока он говорил, Женька искоса смотрел на него так, как смотрит медведь на объект своего сильного испуга. Парень медленно повернул голову и глянул на руку Сэнсэя, лежащую на его плече. Казалось, Женька даже не дышал. Тем временем из темноты послышался голос четвёртого Сэнсэя.

— Ну, уж если пошла такая гулянка, — сказал он, подходя к костру со стороны продуктовой палатки и лакомясь печеньем, пачку которого держал в руках, — тогда расскажите им заодно и о скорости света. Сколько можно наблюдать в их сообществе эту черепаху Тортилу?

Четвёртый Сэнсэй усмехнулся своему же шутливому сравнению и, приблизившись к Вано, по-дружески протянул пачку, угощая сладким гостинцем. Вано осторожно взял одно печенье, растерянно кивнув в знак благодарности. Но есть не стал, держа печенье в руках, словно реликвию. Сэнсэй же, глядя на него, засмеялся и тут же поперхнулся. Не обнаружив рядом бутылки с минеральной водой, он поспешно выхватил из рук Вано кружку остывшего чая и сделал пару глотков.

— Благодарствую, — довольно промолвил он, возвращая кружку хозяину.

Вано снова кивнул в ответ.

— Да, расскажи им о скорости света, — попросил второй Сэнсэй.

— Давно бы пора об этом знать, — согласился третий Сэнсэй. — А то один на один умножать умеют, а два на два уже силёнок не хватает... Как,

например, в 1972 году подсчитали «с большой точностью» по квантовым стандартам частоты, что в вакууме скорость света составляет «приблизительно» 299,79 х 10^6 м/с, на том и успокоились. Это же анекдот, до сих пор считать эту скорость предельной скоростью распространения физических воздействий! Скажи им, что на самом деле это далеко не так.

— Ну, если вы так считаете, — пожал плечами первый Сэнсэй. — Пожалуйста... То, что сегодня скорость света связывают со временем, это действительно неверно. Свет распространяется благодаря гравитационному полю. Первичный толчок, который сообщает ускорение фотону, значительно превышает скорость света. Движение скорости света обусловлено всего лишь физическими свойствами света. Гравитация же придаёт свету скорость и поддерживает его, так как подтягивает к себе фотоны, тем самым ускоряя и притягивая его к эзоосмосу. Если смотреть с позиции времени, то свет движется скачками, замедляясь в переходной точке времени и ускоряясь после. Это доказывает, что гравитация больше скорости света. Без гравитации и эзоосмоса свет бы стоял на месте да и не было бы даже первичного выброса света. Поскольку этому соответствует причина. А причина, переходя в следствие, проходит через точку настоящего, то есть временной внутренний толчок. Весь этот процесс обусловлен первичной силой притяжения из прошлого в настоящее и благодаря эзоосмосу — в будущее, то есть следствие.

Сэнсэй замолчал, и собеседники в его образе исчезли.

— Самое интересное, что в современной физике гравитационные взаимодействия считаются самыми слабыми из действующих сил. Имеется в виду гравитационное взаимодействие материальных тел, к примеру кирпичей на дороге или планет в космосе. Весь

юмор здесь заключается в том, что несмотря на массу различных теорий, никто так и не понял, что на самом деле представляет из себя гравитация. Правда надо отдать должное, чисто теоретически вычислили, что гравитация состоит из частиц, даже название им придумали — гравитон. Но что это за гравитон, никто и понятия не имеет. И это несмотря на то, что в истории человечества не только упоминается этот самый гравитон, но и довольно подробно расписываются его физические характеристики. Так как гравитон не что иное, как частичка По. Из этих самых частичек состоит, как я уже говорил, вся Вселенная. К примеру, то же нейтрино, как вы уже знаете, состоит из пяти частичек По. При этом имеет правильную форму пятиконечной звезды. Кстати, в связи с тем, что через нейтрино в значительной степени проявляется Аллат, его часто изображали в виде пятиконечной звезды, которая имела двойной смысл: как символ женского начала и как Аллат. Хотя по большому счёту, в принципе это одно и то же.

— Подожди, Сэнсэй, что значит в значительной степени проявляется Аллат?! Я что-то не совсем понял,— проговорил Николай Андреевич.

— Видишь ли. Нейтрино в значительной степени отличается от других так называемых элементарных частиц. Во-первых, нейтрино может иметь массу, а может не иметь. Может взаимодействовать с гравитационным полем, с теми же магнитными или электромагнитными полями, а может и нет. Более того, нейтрино способно перемещаться со скоростью света, но в отличие от него может замедляться и менять свою траекторию. И пожалуй, самые фантастические с позиции современной физики возможности нейтрино заключаются в его способности мгновенно перемещаться на неограниченные расстояния.

— Это как? — спросил Женя.

— Элементарно. Взаимодействуя с гравитационным полем, нейтрино переходит из одного состояния в другое. Скажем так, из состояния частицы в состояние энергии со строго определённой частотой, при этом «возбуждая» гравитационное поле, к примеру, в определённой точке нашей солнечной системы, оно вызывает ответное возбуждение в определённой точке гравитационного поля в другой галактике. И таким образом, без потери времени и независимо от пространства нейтрино исчезает здесь и сейчас и появляется там и сейчас. Как говорят физики, образует «червоточину» во времени и пространстве.

— Вот это да! — вырвались возгласы ребят.

— Используя естественные, вернее физические свойства нейтрино, люди также смогут преодолевать любые расстояния без потери времени и минимуме энергозатрат.

— Ну, если честно, то звучит как фантастика, — скептически заметил Николай Андреевич.

— Ну, если честно, — Сэнсэй сделал акцент на первых словах, — то ещё сто лет назад атомная бомба тоже была фантастикой... А что касается нейтрино, то я скажу даже больше: не было бы нейтрино, то не было бы жизни. Нейтрино играет колоссальную роль в образовании видимого вами мира. И кстати имеет, так же как и Аллат, цельную единицу времени — 11 минут 56,74 секунд.

— Ничего себе элементарная частичка! — удивился Женя. — А чего в ней осталось то от элементарного?

— Одно название, — пошутил Стас.

— Как сказать. В общем-то, первоначально термин — «элементарная частица» обозначал, вернее подразумевал под собой нечто абсолютно элементарное, как говорят физики, первокирпичик материи. Однако после того, как в 1960-х годах были открыты

сотни адронов с похожими свойствами, которые обладают внутренними степенями свободы и состоят из кварков, был придуман новый термин «фундаментальные частицы», обозначавший уже самые элементарные частицы, такие как лептоны, кварки и другие, якобы бесструктурные частицы, которые «невозможно расщепить на составные части». Пожалуй, я не буду вдаваться в тонкости физики, вряд ли вам это будет интересно. Но так сказать для общего понимания приведу простой пример. Давайте возьмём электрон. Надеюсь, все знают, что это такое?

— А как же! Конечно знаем, — хвастливо заявил Женька. — Это такие маленькие-маленькие отрицательно заряженные частицы, которые носятся вокруг атома, прямо как блохи по собаке.

Все рассмеялись. Сэнсэй махнул рукой, мол ладно, хоть такое понимание присутствует в этой буйной головушке и то хорошо, и продолжил:

— Так вот, электрон был первой элементарной частицей, которую в 1897 году открыл английский физик по фамилии Томсон. А вот первой открытой античастицей был позитрон. Это частица с массой электрона, только с положительным электрическим зарядом. Этот позитрон был обнаружен американским физиком Андерсоном в 1932 году. Ну о том, что электронное строение атома определяет его свойства, в том числе и важную для химии способность атома образовывать химические соединения, я надеюсь, вы тоже знаете.

— Да! — гордо подтвердил Женька. — И собаки и блохи состоят из атомов, окружённых электронами. Количество электронов определяет кто из них собака, а кто блоха!

Под смех ребят Сэнсэй одобрительно кивнул:

— Пример, конечно, грубый, но по своей сути указывает на важность электронов. Итак, электроны,

по мнению современных физиков, относятся к фундаментальным, то есть бесструктурным частицам. Но на самом деле электрон состоит из 13 частиц По или гравитонов. Так как гравитон чисто гипотетическая частица и экспериментально не доказана, но теоретически вычислена, и наиболее подходящая для обозначения частички По, то чисто гипотетически можно с уверенностью утверждать, что из всех «фундаментальных» частиц истинно таковым является только гравитон. Остальные состоят из 3, 5, 7, 12, 33, 70 и так далее частичек По. Причём многие «фундаментальные» частички, состоящие из одного и того же числа частичек По, но имеющие разные формы и знаки заряда, соответственно играют и разные роли в этом театре материи. Примером тому служит тот же электрон и позитрон. Что в одном 13 частичек По, что в другом, что один имеет спиральную форму, что другой. Разница всего лишь в том, что один имеет отрицательный внешний заряд, «левую» спираль и положительный внутренний потенциал, а другой всё то же, только наоборот — положительный внешний заряд, «правую спираль» и отрицательный внутренний потенциал.

Николай Андреевич, внимательно выслушав Сэнсэя, тактично заметил:

— Я, конечно, не физик, спорить не буду. Но насколько я помню, электрон действительно имеет отрицательный заряд, а позитрон — положительный. О спиральной форме тоже ничего не могу сказать, не видел. Но Сэнсэй, о каком внутреннем потенциале ты говоришь, это ведь элементарные частицы? Что-то тут я не совсем тебя понимаю...

— В твоём непонимании виноват не я, — усмехнулся Сэнсэй, — а Бор.

— А он тут причём?

— Бор? А кто это? — поинтересовался Руслан.

— Был такой датский физик, который в своё время, а точнее в 1912 году, предложил решить проблему движения электронов вокруг ядра выделением для них так называемых стационарных орбит, двигаясь по которым электрон не утрачивает энергии.

— Ну и чегось набедокурил сей мужик? — с неизменным чувством юмора спросил Женька.

— Терпенье, друг мой, терпенье, — с улыбкой произнёс Сэнсэй и продолжил: — На самом деле всё гораздо проще, чем представляют нынче учёные. К примеру, наша планета Земля имеет внешний отрицательный заряд и внутренний положительный потенциал, а Солнце имеет положительный внешний заряд и отрицательный внутренний потенциал. Земля и Солнце двигаются с огромной скоростью в гравитационном поле вместе со всей Галактикой. Это можно сравнить, чтобы вам было более понятно, к примеру, с двумя гантелями, сброшенными с борта корабля в океан. Проходя толщу океанских вод, гантели взаимодействуют с молекулами воды, образуя различные возмущения и завихрения. Так и Солнце и Земля, проходя через толщу гравитационного поля, вызывают его возмущение и завихрения, создавая, таким образом, электромагнитное поле, которое в свою очередь, образует внешний заряд согласно внутреннему потенциалу движущихся тел. То есть если внутренний потенциал положительный, то соответственно внешний заряд будет отрицательный, как у электрона и Земли. Именно разница во внутреннем потенциале и внешнем заряде и создаёт «стационарные» орбиты как для планет вокруг Солнца, так и для электронов вокруг ядра. Иначе бы объекты просто слипались или разлетались и никогда не имели бы «стационарных» орбит. Поскольку внешний заряд колеблется и не является постоянным, то есть стабильным в отличие от внутреннего потенциала, то

он, я имею в виду внешний заряд, не может создавать «стационарных орбит» без участия стабильного внутреннего потенциала. Внутренним потенциалом обладают все материальные объекты от кварка до звёзд, иначе они бы не могли быть материальными. Именно качество внутренней энергии и характеризует материальный объект. К примеру, если взять чисто гипотетически планету и звезду одинаковой массы и разрушить их, скажем разорвать, то планета выделит малое количество разрушительной энергии, а звезда просто огромное по сравнению с планетой. Аналогичный результат будет, если «разорвать» электрон и позитрон. Но, пожалуй, самым лучшим примером, который вы сможете понять, будет атомная бомба. При малом количестве вещества происходит взрыв огромной мощности. То есть высвобождение отрицательного потенциала атома. Так что в заключении хотелось бы сказать, что датский физик Бор был отчасти прав, но только отчасти (что касательно стационарных орбит электронов), и во многом по данному вопросу ошибался. Заряженный электрон теряет энергию, но за счёт эзоосмоса восстанавливает внутренний потенциал.

А вот квантомеханическая теория строения атома, которая рассматривает атом как систему микрочастиц, не подчиняющихся законам классической механики, абсолютно не актуальна. На первый взгляд доводы немецкого физика Гейзенберга и австрийского физика Шрёдингера кажутся людям убедительными, но если всё это рассмотреть с другой точки зрения, то их выводы верны лишь отчасти, а в целом, так и вовсе оба не правы. Дело в том, что первый описал электрон, как частицу, а другой как волну. Кстати и принцип корпускулярно-волнового дуализма также неактуален, поскольку не раскрывает перехода частицы в волну и наоборот. То есть куцый

какой-то получается у учёных господ. На самом деле всё очень просто. Вообще хочу сказать, что физика будущего очень проста и понятна. Главное дожить до этого будущего. А что касательно электрона, то он становится волной только в двух случаях. Первый — это когда утрачивается внешний заряд, то есть когда электрон не взаимодействует с другими материальными объектами, скажем с тем же атомом. Второй — в предосмическом состоянии, то есть когда снижается его внутренний потенциал.

— Кстати, о внутреннем потенциале, Сэнсэй, ты говорил, что его имеет любой материальный объект. А человек? — поинтересовался Николай Андреевич.

— А как же! Для человека это не просто энергия жизни, а определяющий фактор. Кто он, Человек или думающее животное?! Дело в том, что человек, в отличие от других материальных объектов, может менять свой внутренний потенциал с отрицательного (разрушительного) на положительный (созидательный).

— ...А также управлять другими материальными объектами, — появился второй Сэнсэй. — К примеру, положительно заряженными частицами с отрицательным внутренним потенциалом мы довольно ловко и весьма охотно пользуемся. Кстати, может пора рассказать им, что это такое на самом деле и как можно этим более эффективно пользоваться?

— Это ты про электричество что ли? — спросил третий Сэнсэй и, глянув на глуповато-удивлённые лица слушающих, с юмором изрёк: — Не думаю, что это их сильно заинтересует. Тем более что это ерунда по сравнению с тем, что они сейчас имеют возможность видеть меня в трёх экземплярах. Хотя на самом деле...

Оба фантома Сэнсэя так же неожиданно исчезли, как и появились.

— ...Хотя на самом деле, — продолжил как ни в чём не бывало, Сэнсэй рассказ третьего исчезнувшего Сэнсэя, — всё это очень просто и доступно каждому человеку, как и электричество, и совсем не нарушает законов физики.

Наступила длительная пауза. Если бы кто-нибудь глянул на эту компанию, сидящую у костра, со стороны, то подумал бы, что попал в какое-то застывшее время. Очевидно, народ тщательно пытался собраться с мыслями после такой ударной дозы свалившихся впечатлений, не говоря уже о не совсем доходчивой для большинства информации, а для некоторых и вовсе непонятной. Даже Николай Андреевич, незаменимый «здравый смысл» этой компании, после долгого молчания спросил у Сэнсэя:

— Это сейчас что было? Это ты поведал о том, как создать компьютер на примере электричества?

Сэнсэй улыбнулся и также шутливо ответил:

— Да нет, это всего лишь предтеча к созданию лампочки.

— Ну, блин, ты даёшь! — не выдержал и отец Иоанн, восхищённый не то двойниками, не то всем услышанным. — Сколько лет свои таланты скрывал! Я, конечно, тоже умный, но чтобы до такой степени?!

Вано посмотрел на остатки своего чая и растерянно пожал плечами.

— Сэнсэй, я чего-то не понял, — промолвил Витя, точно прислушиваясь к собственному голосу. — А как объяснить это множественное раздвоение?

— Да всё это элементарно, если владеешь чистотой мысли агатодемона, — как-то печально произнёс Сэнсэй, словно его труд так и не был оценён по достоинству. Но это было лишь мимолётное проявление его скрытых чувств, поскольку дальше он вполне бодрым голосом продолжил: — Ведь именно благодаря этому энергия Аллата преобразует частицу По.

А По, как вы знаете, является составляющей всей материи... Но, ребята, этой чистоты мысли надо сначала достичь. На разности потенциалов вашего какодемона и агатодемона, как на сухопутной черепахе, далеко не уедешь. То есть мы опять возвращаемся к нашему первоначальному...

Но судя по дальнейшим расспросам, компанию больше всего интересовал вопрос именно техники перемещения. На что Сэнсэй, с грустью созерцая этот ажиотаж и видимо уже сожалея, что устроил такую наглядную демонстрацию, ответил:

— Да все эти «чудеса в решете» — ерунда! Я вам неоднократно говорил и повторяю: для индивида гораздо важнее стать Человеком, взрастить внутреннюю веру и любовь к Богу. Вот это да! Это заслуживает внимания... Человек, по сути, — это духовная сущность, за гранью всей этой материи...

— Нет, Сэнсэй, просто хочется логически понять... — начал было оправдываться Андрей и запнулся на полуслове.

— В этом-то и вся проблема, и не только ваша, но и всего человечества, — вздохнул Сэнсэй. — Почему существует масса религий, почему идут постоянные споры, все эти склоки, взаимные обвинения? Из-за того, что человек предпочитает интуиции души логику мышления... Всё, что он воспринимает, он воспринимает через объяснения, через логику. «Это я вижу. Этого я не вижу. Я вижу, едет автомобиль. Если выйду ему навстречу, он меня собьёт. В лучшем случае — травматология». Это он понимает. Розетка под напряжением. Электричества он не видит. Но он знает, что если засунет туда палец, его шарахнет током, несмотря на то, что ток не видит. Это логическое объяснение... А Бога он логически объяснить не может. Это не укладывается в человеческом сознании, поскольку сознание ограниченно...

Почему без внутренней Любви и абсолютной Веры человеку невозможно прийти к Богу? Потому что пока он не отделит в своём сознании духовную жизнь от материальной и не возведёт духовное во главу, человек даже не сможет осознать, что Бог существует. Он может много читать, красиво рассказывать, может играть, примеряя на себя маску высоко духовного индивида, но в тайне желать лишь материальной жизни. Парадокс заключается в чём? Человек видит проявление Бога в каком-то необъяснимом явлении или обстоятельстве. А объяснить логически не может. И человек восклицает: «Вот чудо Божье!» Чуть ли не бьётся головой о землю, испытывая религиозный экстаз. Но как только экстаз прошёл, человек забывает о Боге. Он опять Его не воспринимает. Поэтому все эти проблемы человечества относительно Бога связаны с тем, что человек не хочет искренне воспринять и понять Его. Почему в разных уголках Земли те немногие, кто смог достичь духовного совершенства, говорят своим последователям — «верь и иди»? Потому что без чистой веры прийти к Богу невозможно. Малейшее сомнение убивает всё.

Мозг не способен осознать всю полноту Бога. Здесь должна быть вера без сомнений. Когда зарождается вера без сомнения, человек сажает своё животное начало на цепь и становится совершеннее в духовном. Почему-то люди считают, что это очень сложно. Хотя по сути сложного ничего нет. Вся сложность в простоте. Просто послать эту материю, с её подленькими мыслишками, куда подальше. Не допускать плохие мысли на территорию своего сознания, как на таможне. А материя, она по природе своей должна долбить тебя постоянно, дёргать и кричать, что всё это ерунда, посмотрите, какая она конфетка в красивой обёртке! И неважно, что иногда

вкус ощущаешь дерьмовый. Главное видимость, создание иллюзии, «объективной» для тебя «реальности» относительно того, какая прекрасная жизнь ждёт тебя, если ты ей поверишь. Это нормально. Это есть, я бы сказал, профессиональная работа Люцифера. Он, образно говоря, как хороший программист создал для человека игру со множеством материальных лабиринтов-соблазнов на пути к духовной цели. Кто выиграет у него эту игру, тот сможет зрело прийти к Богу. И Люцифер не виноват в том, что люди больше Бога возлюбили его виртуальную реальность материи. Ибо человеку дано в этой игре главное орудие победы — сила мысли и право выбора. И вся ответственность за выбор в своей жизни лежит на человеке. И если он выбрал себе жизнь раба материи, так и будет кувыркаться в своих реинкарнациях, пока для него не наступит полный «game over». А если захочет стать свободным и жить настоящей жизнью в Любви — он сможет достойно выйти из лабиринта материи.

Смысл заключается в чём? Чем выше человек сможет подняться духовно, тем больше и положительнее сумеет влиять на неорганизованные материальные субстанции. Ведь истинное покаяние — это когда человек прекратит игру в иллюзию и начнёт жить по-настоящему, по законам духовного мира. Если же ты не можешь жить по-настоящему из-за слабости духа, то выбери хотя бы игру, достойную Человека.

Сэнсэй замолчал. В это время из темноты послышались шаги. Все посмотрели в сторону берега. Одинокий луч фонарика скользил по береговой тропинке, освещая дорогу ночному путнику... К костру подошёл Валера. Женя даже выдохнул с облегчением. Несмотря на довольно прохладный вечер, Валера вытер пот со лба.

— Что-то не видать Володи. Я вдоль берега прошёл... Куда они делись?

Сэнсэй глянул на часы и покачал головой:

— Ну Володя даёт! Ребята отдохнуть приехали, а он, наверное, устроил им кросс по пересечённой местности.

— Может, они заблудились? — высказал предположение Руслан и, глянув на усмешки старших ребят, осёкся.

— Угу, спецназ заблудился. Это прямо анекдот, — хмыкнул Стас.

— А почему бы и нет? — подхватил Женька. — Я, значит, могу быть Сусаниным. А Володя чем хуже? Да он уже «пересусанил» меня по всем статьям. Я хоть два часа водил, а он битых пять с половиной.

— Не беспокойся, Жека, тебя вряд ли кто «пересусанит». Ты у нас эксклюзив! — засмеялся Виктор.

— Точно, — поддержал его Стас, подтрунивая над Женькой. — Редкий природный экземпляр полупроводника.

— Да уж, не в пример Моисею, — отец Иоанн растянул губы в своей щербатой улыбке. — Знаете народную «мудрость»? Моисей сорок лет водил евреев по пустыне, да всё без толку. А наш Сусанин управился со своими за пару дней.

Волна смеха вновь прокатилась по компании.

— Ладно, ладно. Я вам ещё припомню эти шуточки в следующем походе. Дайте только срок! — не без юмора пригрозил Женька.

С этими словами он поднялся с бревна и стал ходить вокруг костра. Вано исподтишка следил за ним. В это время Николай Андреевич стал о чём-то тихо переговариваться с Сэнсэем. Женька походил, походил, потом остановился, напустив на себя маску великого мыслителя-комбинатора. Наконец его уста озвучили терзающую парня мысль:

— Нет, ну не сидеть же сложа руки?! Надо помочь брату Сусанину! Вдруг он, правда, со своей гвардией перестарался...

Ни с кем не советуясь, Женька принялся с энтузиазмом сооружать суперкостёр, кинув в огонь три большие охапки сухих веток. Пламя вспыхнуло гораздо быстрее, чем он предполагал. От такого сильного жара и близости огненного столба все моментально повскакивали со своих мест и разбежались в разные стороны на безопасное расстояние.

— Ну, блин, детский сад! — еле успев отскочить от упавшей горящей ветки, произнёс Сэнсэй. — Жека! Вот вредитель! На кой ты его развёл?

Женька сам растерялся от такой неожиданности, но старался сохранить спокойствие, как всегда находя оправдания своему содеянному.

— А чего добру сухому пропадать? Завтра с утра всё равно уезжаем. Спалить такую гору не успеем. А так польза для леса, вроде золы для удобрения, да и сигнальный костёрчик неплохой.

— «Костёрчик»! — комично передразнил его Вано. — Тоже мне ... нашёлся. Ты кому сигнализировать этим пионерским костром собрался? Летающим тарелкам, что ли?

— Ага! — Женька сотворил восхищённое лицо и «с надеждой» посмотрел в космос. — Братьям по разуму.

Ребята заулыбались, а Сэнсэй махнул рукой в его сторону. Вано же, кивнув, с ним согласился:

— Точно, не исправим.

После этого они оба повернулись и отошли подальше от костра, продолжив беседу с Николаем Андреевичем. Женькина выходка невольно разбила компанию на отдельные кучки. Все с нетерпением ожидали, когда прогорит основная масса подброшенных веток.

Огонь полыхал ярким пламенем, жадно поглощая гору хвороста. Казалось, его сила нарастала с каждой секундой, порождая захватывающее зрелище своей могучей стихией. Огромный огненный столб, словно живое существо, извивался ввысь в неистовой пляске тысячами ярких язычков пламени. Они контрастно выделялись на фоне тёмного леса, создавая громадное зарево.

Всё бы ничего... Но именно в этот момент произошло невероятное событие, которое буквально захлестнуло единой волной все острые впечатления от недавно увиденного... Валера подошёл к Сэнсэю. В это время Николай Андреевич о чём-то увлечённо рассказывал, а Вано и Сэнсэй внимательно его слушали. Но как только Валера остановился возле Сэнсэя, очевидно намереваясь что-то сказать и, судя по его виду, очень важное, тот повернулся к нему сам. Их взгляды встретились.

— Валера, ты что-то хотел спросить?

— Да, — твёрдо ответил тот.

Стоящие рядом замерли, затаив дыхание. Валера открыто смотрел Сэнсэю в глаза. Может оттого, что его взгляд стал именно таким открытым, а не обычным — исподлобья, может быть костёр слишком ярко освещал его или по какой-то другой причине, но лицо Валеры изменилось. Оно приобрело какие-то идеально правильные неуловимые черты. То, что Валера произнёс дальше, точно вкладывая в каждое слово частицу своей души, пожалуй, поняли далеко не все.

— Я осознаю, что я всего лишь человек. Но **я хочу познать Его**.

— Путь к нему и прост, и сложен. Готов ли ты?

— Я не знаю дороги, но я пойду, куда ты укажешь.

Отец Иоанн, стоявший рядом, не удержался от комментария и с сарказмом проговорил:

— Что значит «я пойду, куда ты укажешь»? А если

он тебе укажет, к примеру, пойти в воду? Ты что, пойдёшь?

— Пойду в воду, — уверенно ответил Валера, не сводя глаз с Сэнсэя.

— Ну, в воду ладно, — не унимался отец Иоанн. — А если в огонь?

— Пойду в огонь, — так же убеждённо отозвался Валера.

И тут Сэнсэй неожиданно для всех присутствующих протянул руку вперёд и сказал, указывая на огонь:

— **Иди**.

Валера молча повернулся и как человек, начисто лишённый страха, двинулся к огромному костру. Вано сначала наблюдал за парнем с улыбкой, но по мере приближения того к огню губы его дрогнули и улыбка вмиг исчезла с лица. Валера разгрёб ногой горящие ветки и... спокойно вошёл в огонь, как будто это была не огненная стихия, а всё тот же прохладный ночной воздух. Сказать, что окружающие были в шоке, значит ничего не сказать. Они испытали самый настоящий животный страх и ужас, вызванный ощущением нереальности происходящего. Вано, Николай Андреевич и Стас первые всполошились, пытаясь предпринять попытки к спасению Валеры. Но Сэнсэй жестом остановил их, не сводя глаз с Валеры.

Пламя тем временем вспыхнуло необыкновенно ярким огнём, охватив Валеру в плотное кольцо. Невероятно, но его одежда и он сам оставались целыми. Время как будто остановилось. Валера медленно развернулся в сторону Сэнсэя. Взгляд его по-прежнему был уверенным и открытым. Он сохранял абсолютное спокойствие, граничащее с каким-то безразличием ко всему происходящему вокруг него. Казалось, в этот момент он видел и чувствовал совершенно другое «нечто», которое не дано было видеть наблюдавшим

за этой сценой. Те имели несчастье лишь созерцать его бренное тело, объятое пламенем. Наверное прошло всего лишь каких-то пять-десять секунд перед тем, как Сэнсэй поднял руку и молча поманил парня обратно из огненного столба. Но для всех присутствующих это время растянулось в целую вечность. Реальность и нереальность происходящего перемешалась в их головах, безжалостно стирая свои границы при созерцании невероятного зрелища.

Валера стал выходить из костра. Пламя трепетно потянулось за ним, полыхая необычно живо, словно не желая отпускать своего добровольного пленника. Парень вышел совершенно невредимым. Он молча подошёл к Сэнсэю. И тут произошло то, что называют «великой тайной». Случайными свидетелями этого стали четыре человека, стоявшие возле Сэнсэя: Николай Андреевич, Вано, Анастасия и Стас. Когда Валера приблизился к Сэнсэю, тот разжал ладонь и протянул парню изумительно чистого цвета белый камень, на котором были прочерчены какие-то иероглифы. Рассмотреть их более внимательно оказалось практически невозможно из-за необычного света, которым они отсвечивали. И это мерцание света, сливаясь в один поток, порождало странное ощущение, как будто свет исходил не от надписи, а изнутри, из глаз самого смотрящего. Валера молча взял белый камень и скрыл его от любопытных глаз в своей ладони. Всё снова стало на свои привычные места, точно ничего и не было. Только лишь разворошенный костёр да шоковое состояние компании напоминали о невероятном недавнем инциденте.

* * *

В темноте послышался топот. На поляну выбежали запыхавшиеся спецназовцы.

— Тьфу ты! — Володя вытер пот со лба. — А мы думали, здесь палатки горят, летели, в полном смысле, как на пожар. Вы чего такой костёр развели?

Отец Иоанн, как всегда не теряя самообладание, повернулся к Володе и ответил:

— Все претензии к этому оболтусу, — кивнул он на Женьку. — Глючит парня. У него сегодня явно передозировка адреналина.

— Вот олух царя небесного! — насмешливо возмутился Володя. — Бензина в огонь, что ли, ливанул? Так и лес спалить недолго.

Но Женька, поражённый всем увиденным, не произнёс даже и пары слов в своё оправдание, как делал обычно, чем несказанно удивил Володю. Тот глянул на выражение лиц остальных присутствующих и недоумённо спросил:

— Что здесь произошло?

— Да как обычно, — автоматически ответил Николай Андреевич.

Ну, «как обычно», значит «как обычно», Володя расспрашивать не стал. Если надо, сами расскажут. И поспешил к Сэнсэю сообщить радостную новость.

— Мы тут такое рыбное место нашли! Вон видишь, какого леща и даже щуку поймали! — Володя хвастливо продемонстрировал улов. — Здесь недалеко, километров пять вниз по реке. Давай завтра зорьку там возьмём, а потом уж домой.

— Давай, — согласился Сэнсэй, рассматривая, как ни в чём не бывало, трофей спецназовцев. — Только пораньше надо лечь, чтобы зорьку не проспать.

Последние слова Сэнсэя вывели Женьку из продолжительного ступора, словно разряд электрического тока. Он глянул в сторону улыбающегося Вано и громогласно заявил:

— Нет уж, я завтра будильником не буду! Я вообще сегодня не буду ложиться спать...

Своим непомерным возмущением он вновь рассмешил всю компанию и невольно переключил всех на бурное эмоциональное излияние по этому поводу. Во время всей этой шумихи Валера незаметно удалился в сторону берега. Очевидно именно сейчас ему хотелось побыть одному. Тем временем свидетели происшедшего принялись обсуждать недавно увиденное, найдя в лице вернувшихся преданных слушателей.

Сэнсэй тем временем покуривал сигарету, стоя в компании Николая Андреевича и Вано. На все просьбы ребят о разъяснении произошедшего феномена он лишь улыбался и упорно отмалчивался. Это ещё больше распалило их страсти. Оттащив бревна подальше от костра, компания уселась на них и принялась выдвигать свои версии, пытаясь объяснить необъяснимое.

— Как такое может быть? — размахивал руками Руслан.

— Ну, по углям же люди ходят, — убеждал его Андрей.

— То по углям, а это...

— Нет, подождите, — перебил их Женя. — По углям понятно, там зола служит изолятором. А здесь как?

— Это ведь невозможно! — настаивал Руслан.

— Почему невозможно? — Костик, как обычно, в таких вопросах пытался привлечь общее внимание к своей персоне. — Я, к примеру, читал, что аборигены с островов Фиджи... Это острова, находящиеся в юго-западной части Тихого океана, — с гордостью пояснил он, хвастаясь своими познаниями в области географии. — Короче, эти аборигены вообще исполняют ритуальный танец на кусках лавы, раскалённой до нескольких сот градусов. И между прочим, несмотря на такой сильный жар, у них даже кожа на

подошве не повреждается. Так то ж куски лавы! А это обычный костёр.

— Ну зайди в него, если это так просто, — ехидненько посоветовал Руслан.

— Я что, дурак, что ли? — огрызнулся Костик. — Мне и на свежем воздухе живётся неплохо.

— Может, он в состоянии медитации был? — предположил Виктор.

— А он хоть знает, что это такое? — хмыкнул Андрей.

Все посмотрели на Володю, который пытался вникнуть в суть произошедшего тут события.

— Нет, ну я ему писал про «Цветок лотоса», — сказал тот. — Но так, чтобы ещё что-то серьёзное...

В это время Сэнсэй, стоявший недалеко от компании и слушавший ребят, глянул на Николая Андреевича. Тот, поняв его без слов, поспешил присоединиться к спорившим. Усевшись на бревно, он дал возможность высказаться ещё паре человек, а потом непринуждённо вступил в дискуссию.

— Да всё это ерунда, ребята, — начал он привычными словами Сэнсэя. — Всё это вполне объяснимо с научной точки зрения. Весь фокус кроется в возможностях психики и реальности физики. У парня, несомненно, были и раньше проблемы с психикой, сопровождающиеся неадекватностью поведения. И хотя перед его выходом из костра мы наблюдали в нём некую отрешённость от внешнего мира, отсутствие эмоциональных проявлений, я всё же более чем уверен, что перед входом в костёр он неизбежно испытал шоковое состояние, что сопровождается интенсивным выбросом адреналина в кровь. А действие адреналина в ряде случаев вызывает обильное и длительное потоотделение. Возможно, ещё от пережитого стресса у него произошло возбуждение определённых участков коры головного

мозга при одновременном торможении других. А это, в свою очередь, повлияло на терморегуляционные центры гипоталамуса, что и привело к изменениям в их работе. Вследствие этого возник гипергидроз, короче — повышенное потоотделение. Ну помните этот рефлекторный путь? — Николай Андреевич обвёл взглядом присутствующих. — От гипоталамуса к продолговатому мозгу, потом к нейронам спинного мозга грудных и поясничных позвонков, через узлы пограничной симпатической цепочки к потовым железам. Причём произошло не обычное потоотделение, а обусловленное, как я уже говорил, гипергидролизом с повышенным преобладанием компонентов воды. Впоследствии, при вхождении в высокотемпературную среду началось интенсивное испарение и образование своеобразной защитной прослойки. И, обратите внимание, пробыл он там всего лишь несколько секунд. Как раз этого хватило до полного испарения этой прослойки. А если бы он пробыл чуть дольше, с ним было бы то же, что бывает со всеми...

— Да, вполне логично, — поддакнул Вано, разыгрывая роль активного слушателя.

— ...А теперь разложите на составляющие само пламя и его послойный температурный режим. И сразу всё станет на свои места...

По мере того, как Николай Андреевич убедительно разъяснял происшедшее «с научной точки зрения», Женька встал и начал усиленно разминаться, даже пытался бегать на месте. Со стороны можно было подумать, что он отсидел ноги и решил просто сделать зарядку, поэтому никто на него особого внимания не обращал, увлечённо слушая Николая Андреевича.

— ...Процесс горения протекает только при наличии и определённом соотношении трёх составляющих: свободного кислорода, горючего материала и

источника тепла. Как вы знаете, горение — это сложное, быстро протекающее химическое превращение, сопровождающееся выделением значительного количества тепла. Горение тесно связано с физическими процессами. В частности, переносом массы в энергию, а конкретнее в тепло, и характеризуется соответственно гидро- и газодинамическими закономерностями. Понятно, что основу горения составляет именно химическое превращение, то есть разложение одних молекул вещества и образование других. В нашем случае давайте учтём законы, при которых происходят химические реакции, их механизм, скорость... В общем, давайте немного разберёмся в химической физике, в частности, в одном из её разделов химической кинетики...

Пока Николай Андреевич утруждался в пояснениях взаимодействия атомов и молекул при горении перед уже туго что-либо соображающей публикой, Женька тем временем закончил свою разминку. От физической нагрузки тело его покрылось потом. Оглядев себя, парень самодовольно улыбнулся и сказал сам себе: «Ну адреналина и так хватает». И смело подошёл к костру. Деловито закатил одну штанину до колена, снял кроссовок, носок и не раздумывая сунул ногу в костёр. Не прошло и полсекунды, как Женька резко выдернул ногу, сопровождая своё движение специфическими выкриками по поводу «кузькиной матери». Вокруг стал распространяться противный запах палёных волос. Своими непредсказуемыми действиями парень сначала напугал, а потом рассмешил всех. Особенно над его поступком хохотал Вано.

— Андреич! Вся твоя теория — фуфло! — пытался перекричать смех толпы Женька. — Я вспотел, адреналину хоть отбавляй, а только шерсть себе на ноге опалил! Теперь и на пляж не выйдешь с разными

ногами. Называется, почувствуйте разницу! А зимой как? У меня же теперь эта нога мёрзнуть будет! А всё ты, Андреич, виноват!

— Чего это он виноват? — вступился за Николая Андреевича отец Иоанн. — Он всё правильно глаголет. Ты, перед тем как свои конечности в костёр совать, хоть бы с умными людьми посоветовался. У тебя же при перегреве изменилось соотношение CO_2 и O_2 в крови, вместе с кислотно-щелочным равновесием. Кроме того, у тебя сегодня совсем другой состав пота. Там же, помимо воды и хлорида натрия, в больших дозах присутствует горючее, кислородосодержащее органическое соединение $HCOOH$.

— Чего-чего?! А это что такое? — удивился Женька.

— Как что? Насыщенная монокарбоновая кислота.

— Не понял.

Отец Иоанн склонил голову набок, словно замучившись объяснять, и с улыбочкой произнёс, с наслаждением растягивая слова:

— Муравьиная кислота-а-а...

Компания взорвалась таким хохотом, от которого, казалось, сотряслись деревья.

— Ну... ты... ты! — мучительно выдавил из себя Женька, еле сдерживаясь от более острых слов. — Ты раньше не мог предупредить?!

— Да откуда мне знать, какой ветер гуляет в твоей пустой башке? Сам костёр распалил, сам поджарился, а я виноват, — смеясь, ответил ему Вано, а потом успокаивающе запричитал: — Ничего, ничего, будешь теперь у нас ходить, как смолёный поросёнок, — и лукаво добавил: — начинённый муравьями.

— Я же говорил — Инквизитор! Ну и достал ты меня со своими муравьями!

— Разве достал?! — сделал удивлённое лицо Вано. — Подожди, дорогой, вся ночь ещё впереди.

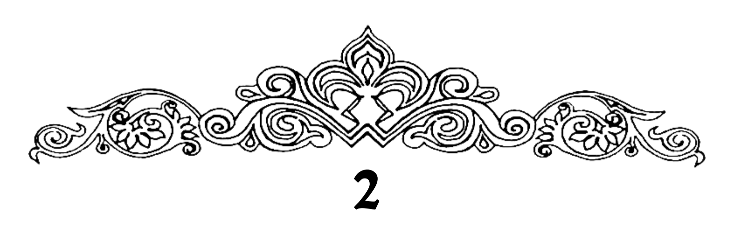
Этими словами он окончательно развеселил публику и полностью переключил её на обдумывание его «муравьиной стратегии» по отношению к Женьке и, соответственно, всевозможных ночных приключений. В конце концов, вдоволь насмеявшись, компания разбрелась на ночлег, дабы хорошенько выспаться к утренней рыбалке. Один Женька остался сидеть у костра, пригрозив Вано, что не сомкнёт глаз. На что Вано с улыбкой ответил:

— Ну-ну, давай, давай. Поохраняй мой сладкий, безмятежный сон.

Из дневников Анастасии:

«*Невозможно выразить в словах всё то великолепие, которое я дважды пережила за столь короткий промежуток времени. Я боюсь утратить то необыкновенное чувство, которое ещё живо во мне, поэтому спешу описать его в дневнике. Потрясающая внутренняя свобода, безграничная Любовь, невероятное реальное* **ощущение Его присутствия**... *Валера понял, он открылся. Это действительно* **Настоящая Жизнь**, *от которой трепещет душа, пропадает иллюзия. В Его реальности нет препятствий. Безграничное чувство свободы, яркий свет и поразительное внутреннее ощущение единения с Ним! Как жаль, что так скуден человеческий язык и нет возможности описать Его реальность! Но как же это потрясающе здорово — быть в ней хоть несколько мгновений! Это ни с чем не сравнимо!* **Это действительно есть великое счастье Человека, Человека, возвращающегося в свой истинный Дом!!!**»

2
Скрытая реальность

Наступила унылая, дождливая осень. Бушующий океан зелёной листвы сменил свой окрас на ярко-пёстрый цвет, устроив себе прощальный бал-маскарад перед натиском холодных ветров — предвестников зимы. Деньки всё реже стали баловать людей проблеском солнечных лучей, всё больше погружая в свою непроглядную серость. Да и сами люди, в унисон погоде, угрюмо передвигались по улицам, охваченные проблемами рабочих будней. После солнечных дней лета, отдыха, наполненного весельем, всё вновь вернулось на привычные круги своя.

Женя постучал в белую дверь. И не просто постучал, а выбил прямо-таки барабанную дробь, после чего вошёл в кабинет Николая Андреевича.

— Доктор, к вам можно? — с улыбкой произнёс парень и свёл для смеха глаза к переносице.

Николай Андреевич оторвался от рутинной писанины и, глянув на вошедшего, рассмеялся:

— Входи, входи, безнадёжный пациент!

Он встал из-за стола, пожал Жене руку и жестом пригласил сесть в кресло. Парень сначала скромно присел, но по мере утопания в мягких подушках и вовсе развалился в кресле, деловито закинув ногу на ногу.

— Эх, хорошо тут у вас, — сказал он, осматривая чистый, просторный кабинет. — Тишина. Суета не суёт... Отдыхай, не хочу.

— Что, понравилось наше заведение? — усмехнулся Николай Андреевич. — Так в чём вопрос?! Могу устроить тебе недельный отдых. Хочешь, вон помещу в соседнее отделение, в палату к особо буйным. Весело, интересно и главное как раз по твоему темпераменту. А какое «интеллектуальное общение»! Могу определить на вакантное место... в палате с Наполеоном!

— Ну, Андреич, ты даёшь! Меня, любимца славян, вольного Сусанина — и в палату к какому-то французишке?!

Они рассмеялись.

— Ну, чего звонил? Что-то там протараторил по телефону и трубку положил, — в ироничном тоне изрёк психотерапевт.

— Да тут такое дело... У одного моего приятеля с сестрёнкой не всё в порядке. Вернее, совсем не всё в порядке. Ей пятнадцать лет только исполнилось. А она вдруг ни с того ни с сего решила свести счёты с жизнью. За неделю два раза пыталась руки на себя наложить. Они уже в своём семействе боятся её одну оставлять, даже в школу не пускают. Дежурят рядом с ней по очереди... И главное, сказать, что она совсем того... не скажешь. Вроде нормальная девчонка, симпатичная, хорошо учится, с юмором в порядке. Откуда у неё эта дурь? Загадка.

— Может, несчастная любовь?

— Да вроде бы нет.

— А в роду душевнобольные были?

— Откуда я знаю? Вроде не было, — и весело посмотрев на Николая Андреевича, парень лукаво добавил: — Тут, блин, в своём роду до сути не докопаешься. Откуда же мне знать про чужие «мухи» в голове?

Николай Андреевич усмехнулся и привычно махнул рукой.

— Ну, с тобой и так всё понятно.

— Кому как, — возразил Женька с тяжким вздохом. — Короче говоря, они не знают, что им делать: ложить её в психушку или нет. Ищут сейчас хорошего доктора. Я и посоветовал к вам обратиться, так сказать по моему великому знакомству. Надо же людям помогать.

Николай Андреевич усмехнулся его шутливому деревенскому акценту и промолвил:

— Ну раз надо, значит поможем. Тем более по твоему великому знакомству...

Они договорились, когда Женька приведёт к нему на приём девочку с её родными. Записав в еженедельнике дату и время, Николай Андреевич облегчённо вздохнул и серьёзно сказал:

— А я уж думал, с тобой что-то...

— Да не, со мною полный порядок, — с довольной ухмылкой ответил Женька и хвастливо добавил: — Я здоров!

— Здоровых людей не бывает. Бывают недообследованные, — мягко уточнил Николай Андреевич, пристально всматриваясь в глаза Женьки.

— Да ну тебя, Андреич! — заёрзал тот в кресле и заулыбался. — С тобой только свяжись! Ты и меня сейчас в шизики запишешь.

— А что тут такого, в каждом из нас есть росток шизофрении. Главное же что...

— Что?

— Его не поливать.

Женька усмехнулся.

— Ну спасибо, доктор, учту ваш совет... для своего древа.

Они вновь рассмеялись, и на этой весёлой ноте Женька постарался побыстрее распрощаться.

* * *

Алине было всего пятнадцать лет. Пятнадцать лет... Какой же это малый срок для истории государств! И каким кажется большим, значимым в плане личного познания мира, особенно когда это твои первые пятнадцать, прожитые на белом свете... Сколько нового открывается перед тобой, сколько ещё тайн ждёт впереди, там, в полноводной реке жизни, которая людским потоком течёт за семейной скорлупой бытия. Как же хороша кажется эта река издали, как притягательно её движение, когда его наблюдаешь из тоскливого семейного убежища! Так хочется окунуться в неё, так и хочется поскорее обрести долгожданную самостоятельность и надёжный плот, чтобы беззаботно плыть по этой реке и испытывать лишь счастье от такого увлекательного путешествия. Сплошные грёзы, надежды и полное отсутствие опыта погружения в реальную действительность...

Молодость имеет своё неповторимое очарование, особенно когда она только-только распускает свои прекрасные нежные лепестки. Алина была симпатичной девочкой, как и большинство её сверстниц. Ей были свойственны те же увлечения, что и многим девчонкам в этом возрасте. Так же, как и все, она всеми силами старалась выделить свою индивидуальность из толпы, используя обычный набор средств подростка. На сердечном фронте дело пока ограничивалось публичным выражением любви к молодёжным любимцам эстрады, а также тайными воздыханиями о популярных в школе мальчиках. У некоторых девчонок из её класса уже были свои парни, с которыми они, при удобном случае, пытались продемонстрировать «семейные отношения» перед подругами. Но больше всего девчата любили обсуждать эти вза-

имоотношения перед своими сверстницами. Алина, не зная как себя проявить в подобной теме, всем рассказывала, что есть, дескать, и у неё парень, который якобы живёт в другом городе. Мол познакомились они на море, он отслужил армию и у него есть свой бизнес, вместе с братом открыл продовольственный магазин. В общем, всё самое лучшее, что могло нарисовать девичье воображение, воплотилось в образе этого жениха. А для достоверности Алина таскала подругам в школу письма «от него», которые сама с успехом сочиняла и писала, копируя почерк брата. Ну а с его фотографией, тайно изъятой из армейского альбома того же брата, она вообще не расставалась, демонстрируя при каждом удобном случае своё нежное отношение к образу возлюбленного.

Но однажды в её жизни всё переменилось. В школе появился новый мальчик-старшеклассник. Звали его Владом. Он сразу привлёк внимание многих девчонок, как непознанная, притягательная личность в их серой, скучной школьной жизни. Многие девчата им просто заболели. Не обошла эта сердечная болезнь и Алину. Вместе со своей подругой Мариной она стала следовать тенью по его пятам. Помимо прочих своих достоинств, парень хорошо разбирался в современной музыке. Поэтому, когда его взяли в дискжокеи для проведения школьных дискотек, он стал для многих обожаемым местным кумиром, не говоря уже о давних его преданных поклонницах — Алине и Марине.

Влад был типичным лидером. Девушек поражала его галантность и поведение взрослого мужчины. Он умел постоять не только за себя, но и за свою компанию, отчего быстро завоевал авторитет и уважение среди ребят. По школе стали ходить целые легенды. Даже преподаватели разговаривали с ним

как-то особенно, с уважением, не так как со всеми, и пророчили ему карьеру дипломата или политика. Были в его взгляде, манерах, разговоре некая скрытность, взрослая опытность, что разительно отличало его от сверстников и придавало ему особый таинственный шарм.

Так получилось, что Алина и Марина стали постоянными членами его тусовочной компании. Они обожествляли своего кумира и тайно ревновали его друг к другу, если он позволял себе уделять немного больше внимания сопернице. Влад встречался с разными девчонками. Но однажды, после его размолвки с очередной подругой, случилось казалось бы невероятное для Алины. Влад предложил ей быть его девушкой. Алина от свалившегося на неё счастья чуть сознание тогда не потеряла. Ведь она так об этом мечтала и готова была пожертвовать всем, лишь бы мечта стала реальностью.

Но, как впоследствии оказалось, её счастье в виде охов, вздохов и невинных поцелуйчиков длилось далеко не вечность, а всего лишь «один месяц и пять дней», как она вывела для себя, словно конечную формулу. Всё рухнуло в один день, когда парень, не сильно утруждая себя лишними объяснениями, начал встречаться... И с кем?! С её лучшей подругой. Марина стала очередной его фавориткой, разорвав ради «великой любви» всякие отношения с Алиной. От отчаяния та впала в депрессию. Благо её классная руководительница была опытным педагогом, не первый год работавшая с подростками. Видя состояние девочки, она стала нагружать её различными поручениями, касающимися организации школьных мероприятий. Общественная нагрузка и новая компания постепенно отвлекли Алину от сердечных проблем, благодаря чему она благополучно вышла из депрессии.

Но жизнь — штука непредсказуемая. Однажды, когда душевные раны Алины более-менее зажили, произошёл неожиданный для неё поворот событий. Как-то домой к Алине заявилась со слезами... Марина. С ней почти точь-в-точь повторилась та же история, но с ещё более трогательным концом. Пытаясь удержать Влада возле себя, Марина зашла гораздо дальше, чем подруга, и пожертвовала девичьей честью. Но не прошло и четырёх дней после этого события, как Влад внезапно охладел к ней. В тот вечер Марина была предельно откровенна с подругой. Она не переставала просить у неё прощения и горевать, что, очевидно, Влад покинул её по причине неопытности в постели. Марина безутешно оплакивала свою сбежавшую любовь. И Алина, расчувствовавшись, тоже не удержалась от слёз. Правда, плакала она не из-за того, что в своё время разорвала дружбу с Мариной, а потому, что вспомнила всю горечь и боль своей утраты. И когда подруги, всё простив друг дружке, уже вместе рыдали о потерянном счастье, внезапно раздался телефонный звонок.

Как ни странно, это был Влад, непонятно откуда узнавший, что Марина находилась сейчас у Алины. Но ещё более невероятными прозвучали его слова. Влад просил прощения у обеих подруг за то, что с ними так поступил. Он каялся, уверял, что обе они ему очень нравились, что не может разобраться сам в себе, кого же больше любит: рядом с Алиной он думал о Марине, а с Мариной — об Алине. Мол они для него как родственные души. Через десять минут разговора подруги уже с восхищением слушали Влада, припадая ушками к трубке. Трепетно застучали сердечки в груди, а в глазах засверкали блёсточки былого счастья. Влад тем временем пригласил их к себе домой на вечеринку, чтобы как-то загладить свою вину и примириться. После этого разговора

Алина с Мариной от радости завизжали так, что казалось эхо от этой девичьей радости услышали на другом конце планеты.

В долгожданную пятницу подруги навели самый изысканный марафет, надели самые лучшие свои вещи и пошли на вечеринку. У Влада было человек двадцать молодёжи, многие из гостей были незнакомы девочкам. Всё это выглядело довольно интересно и привлекательно. Ведь на незнакомых людей, как известно, каждый человек жаждет произвести самое хорошее впечатление и показать себя только с наилучшей стороны. Звучала хорошая ритмичная музыка и было достаточно весело.

Среди присутствующих находилась одна девушка из старшего класса по имени Катя. До прихода Влада в школу она ничего собой не представляла. Так себе, как называла её Марина — «серая мышка». Но, судя по сплетням «школьного радио», именно с ней первой Влад открыл «коллекцию» своих девушек этой школы. Сейчас её было не узнать. Из гадкого утёнка она превратилась даже не в лебедя, а в роскошную пантеру. В школе её стали звать не иначе как Кэт. За право просто постоять рядом с ней на переменках ребята выясняли отношения друг с другом в подворотнях школы, соперничая между собой. Складывалось такое впечатление, что вся мужская половина школы разом обратила на неё внимание. У Кэт появился какой-то изысканный, не присущий ей ранее шарм. Более того, раньше учёба девушки оставляла желать лучшего. А тут, откуда что взялось, точно кто-то невидимым ключом открыл кладовые её памяти. В общем, преобразования с ней случились более чем разительные, отчего про Влада пошли по школе просто фантастические легенды.

На вечеринке Влада Кэт вела себя достаточно скромно, что Марине и Алине понравилось, несмотря

на обычное девичье противостояние. Кэт не вешалась на шею Владу, как демонстративно это делали другие, да и вообще пришла на вечеринку без обычной своей преданной свиты парней, что в некоторой степени уравновешивало её шансы на фоне других девчонок.

В этот вечер Кэт сама подошла к Марине и Алине и без всякого высокомерия, по-простому познакомилась с ними поближе. Уже через два часа подруги в ней души не чаяли, делясь с ней своими самыми сокровенными девичьими тайнами. Кэт, в свою очередь, рассказала им много интересного, подняв Влада в глазах девчонок на недосягаемый пьедестал. И между делом поведала им, что есть якобы более узкий круг людей, куда входит Влад. Это больше чем семья. Тот, кто попадёт в этот круг, роднится с её членами навеки и никакие силы их уже не смогут разлучить. Девчонки были заинтригованы. Им страсть как захотелось открыть загадочную страничку из жизни их обожаемого Влада и самим попасть в эту «элиту элит человеческого общества». Но Кэт встретила их желание с некоторым сомнением, сказав, что попасть туда очень сложно, надо пройти испытания и быть готовым выполнить всё, что им скажут. Эта таинственность ещё больше заинтриговала подруг, и они без промедления высказали своё согласие. Кэт обещала замолвить за них словечко где нужно, ведь, по её мнению, они были просто «классными девчонками, достойными лучшей жизни». Первую весточку она пообещала им принести уже в воскресенье и договорилась о месте встречи.

Марина и Алина были вне себя от счастья. Возвращаясь после вечеринки довольно поздно, они всю дорогу обсуждали, как горячо любят Влада и как ради его любви готовы на всё, лишь бы быть навеки с ним. С особым вдохновением они смаковали тему

о Кэт, как же такая серая мышка стала царицей среди парней. И сошлись в едином мнении, что это произошло исключительно благодаря преданности какой-то тайной семье.

Алина жила в девятиэтажке, Марина — в частном секторе по соседству. Подружки благополучно дошли до Алининого дома, пребывая в самом лучшем расположении духа. Глядя на звёзды, они вдруг решили залезть на крышу Алининой девятиэтажки, дабы, как в детстве, рассмотреть получше этот сказочный звёздный мир. Поднявшись в их бывшую «поднебесную», они немного посидели и, созерцая огромное звёздное небо, стали мечтать, как счастливо будут жить, став такими же крутыми, как Кэт. В конце концов их разговор вновь перешёл на Влада, на его обаятельную внешность, достоинства, потом на его поступки, на то, что он, очевидно, не поверил до конца в их искреннюю любовь к нему. И тут Марина неожиданно предложила доказать своей смертью преданность и любовь к нему и к тайной семье. Мол когда они умрут, все поймут, насколько они сильно его любили. А Влад будет горько убиваться, что никто из них ему не достался и сожалеть о содеянном. Всё больше распаляя друг дружку словами, подруги взялись за руки и, пребывая в необыкновенном счастливом порыве, смело приблизились к карнизу. Алина торжественно сказала, что отдаёт свою жизнь за самую лучшую подругу и за их «великую любовь», а Марина с вдохновением заверила Алину в том же и добавила, что теперь их дружба будет вечная. С этими словами девочки ступили на край карниза, поцеловались на прощанье и...

Сильные мужские руки резко отшвырнули их назад, на крышу. От падения и боли девчонки точно очнулись. Они вдруг отчётливо услышали, как Алинин брат, стоявший перед ними с перепуганным лицом,

орал на них чуть ли не матом. То ли от собственной боли, то ли от крика парня, но до девчат внезапно дошло, что они действительно чуть не расстались с ЖИЗНЬЮ в самом расцвете молодости, с ЖИЗНЬЮ, которой они так наслаждались в последнее время и «где стали наконец-то счастливы». Мороз шёл по коже от одного только осознания своего поступка, который они и сами не могли толком объяснить. Что на них в этот момент нашло? Если бы парень вовремя не подоспел...

Алинин брат как раз возвращался домой и видел, как с противоположной стороны шла Алина с подругой. Пока прощался со своими друзьями, заметил, что девчата вдвоём зашли в подъезд. Парень пошёл за ними почти следом. Лифт, судя по светящемуся указателю, остановился на девятом этаже. Алинин брат сначала значения этому не придал, подумав, что вместе с девчонками ехал кто-то из жильцов дома. Но когда он не обнаружил сестрёнку с подругой дома ни через пять, ни через десять минут, вот тут-то ему пришла в голову тревожная мысль проверить чердак и крышу. Мало ли кто мог к ним подсесть в лифт... И, как потом оказалось, его проверка была ненапрасной.

Отшвырнув девчонок от края карниза и пережив не меньший страх, чем они, парень долго церемониться с ними не стал. Схватив за воротники, он потащил их домой. Родители Алины были в шоке, узнав эту историю. Алине, конечно, досталось больше всего. Но Марининым родителям сообщать не стали, ограничившись тем, что Алинин брат проводил девочку до ворот её дома в частном секторе.

Выходные прошли более-менее спокойно, правда Алина по велению родителей и старшего брата находилась под домашним арестом. Она сама пребывала в панике от такой глупости, от этой неестественной

для её характера попытки самоубийства. И даже где-то внутри себя была рада такому домашнему затворничеству среди своих родных. Все эти дни она помогала матери по хозяйству. В воскресенье вечером сделала уроки, уложила книжки в сумку и со спокойной совестью пошла спать.

В полночь, с воскресенья на понедельник, Алина внезапно проснулась от жуткой головной боли. Она видела, как мать употребляла «цитрамон» в подобных случаях, спасаясь от болевого приступа. Алина решила её не будить, а просто выпить таблетку. Она достала аптечку и стала искать это обезболивающее средство среди пачек других лекарств. И тут Алина с ужасом вспомнила, что обещала в воскресенье встретиться с Кэт. Эта встреча из-за последних событий совершенно вылетела у неё из головы. Алина впала в страшное отчаяние и не переставала себя корить: «Как я могла забыть об этом?! Наверное, Кэт пришла на встречу с новостями. Может ей удалось договориться с «тайной семьёй». А я так её подвела! Это же сама Кэт! Она ведь может сделать так, что в школе все отвернутся от меня и я стану изгоем!» На Алину нахлынула волна такого страха и безнадёжности, что от нервного перенапряжения она стала непроизвольно распаковывать все таблетки подряд. Растерянный взгляд девочки упал на кучу белых кругляшек. И от безысходности ей вдруг жутко захотелось проглотить их все разом, чтобы немедленно покончить со всеми тяготами своей жизни и больше никогда, никогда не мучиться. Она сходила на кухню за водой и стала разворачивать и ссыпать в стакан все таблетки и порошки. Но очевидно включённый свет и подозрительные шорохи разбудили мать.

— Да что же ты делаешь! — вскричала женщина, внезапно появившаяся за спиной Алины, и бросилась к девочке.

Отшвырнув стакан с мутным раствором, она чуть ли не силой заставила дочь выплюнуть те таблетки, которые та поспешно совала в рот. Но какую-то небольшую часть Алина всё же успела проглотить. На крик матери прибежал отец и брат. Пока вызывали «скорую», пока промывали желудок, мать, сама не зная почему, позвонила родителям Марины. Звонок, разбудивший всех членов их семьи, оказался более чем своевременным.

Выражая своё беспокойство, мать Алины просила проверить, всё ли с Мариной в порядке. Мать Марины, удивлённая тем, что, собственно, может случиться в столь поздний час с дочерью, всё же пошла в её комнату. Но когда заглянула туда, то просто обомлела: ноги в страхе подкосились, к горлу подступил тошнотворный комок. Перед матерью Марины предстало ужасное зрелище: дочь, судорожно дёргаясь, свисала на чулке, привязанном к ручке оконной рамы. Девочку еле успели спасти, вовремя вытащив из петли. Как впоследствии оказалось, именно в те минуты, когда Алина глотала таблетки, Марина пыталась повеситься.

Из последующих телефонных разговоров с матерью Алины мать Марины узнала, что, оказывается, попытка самоубийства была у её дочери не первой. Слово за слово и вместо слов благодарности о своевременном звонке посыпались грубые обвинения. Мать Марины считала, что именно Алина повлияла на её дочь, поскольку та никогда бы сама не додумалась до подобного. В общем, как это часто бывает, толком не разобравшись, женщины разругались друг с другом.

После попытки отравления дочери родители Алины всерьёз задумались о психическом здоровье девочки и стали искать хороших врачей.

* * *

В назначенный час Женька привёл в кабинет психотерапевта Алину и всю её семью. Николай Андреевич познакомился с ними, внимательно выслушал и наедине переговорил с каждым. Долго беседовал с девочкой, протестировал её. Алина вела себя вполне нормально. Никаких явных психических отклонений и патологий врач у неё не обнаружил. Психика вполне соответствовала её возрасту. Семья, в которой она жила, была положительная. Каких-то особых трудностей в отношениях с родителями у Алины не было. В школе девочка училась хорошо, была общительна, активно участвовала в общественной жизни школы. На её поведение учителя не жаловались. В общем, по большому счёту придраться было не к чему. Конечно, в девочке присутствовал страх за совершённый неестественный для себя поступок. Слушая её, Николай Андреевич всё больше убеждался, что она скорее, стояла на жизнеутверждающей позиции. Чувствовалось, что кое-чего она не договаривала, но обычно все эти тайны выяснялись при дальнейшем общении. В целом Алина проявила себя вполне нормальным человеком. Психотерапевт даже пошутил, вынося свой вердикт родителям, что мол были бы все его пациенты такими милыми жизнелюбами.

Как таковой явной причины, подтолкнувшей девочку к попыткам самоубийства, он не обнаружил. Отклонение в состоянии поведения в первом случае психотерапевт расценил как проявление состояния аффекта, то есть нервно-психического возбуждения с утратой волевого контроля вследствие временного торможения деятельности коры головного мозга. Он связал это с естественными процессами развития мозга подростка. Во втором случае наблюдалось про-

явление аутоагрессии, вызванной депрессивным состоянием девочки. Поэтому Николай Андреевич порекомендовал принимать антидепрессанты, а также пройти курс психотерапии.

Семья немного успокоилась и пошла домой. Доктор всем понравился, в том числе и Алине, своей вежливостью, юмором и внимательным отношением. Родители поблагодарили Женю за такое знакомство и сказали, что к специалисту такого уровня они вряд ли смогли бы сами попасть.

Вечером мать Алины даже затеяла праздничный семейный ужин, чтобы ещё больше поднять всем настроение. Алина поддержала эту идею «на ура» и стала помогать матери. Во время приготовления пищи они шутили и рассказывали друг другу анекдоты. Мать уже стала накрывать на стол, а Алина принялась за последнее блюдо. Делая бутерброды, она начала намазывать ножом масло на хлеб. И тут вновь внезапно случился рецидив. Только мать вышла из кухни, как Алина, словно отключившись на несколько секунд от внешнего мира, тут же резанула себе вены на руках. Такие её непредсказуемые действия вновь несказанно шокировали семью. Девочку быстро перевязали, дали ей успокоительного, а мать созвонилась с Николаем Андреевичем.

Доктор в это время находился на дежурстве. Сообщение о девочке поразило его. Случай оказался более серьёзным, чем он предполагал. Другой бы врач поскорее открестился от такого «неперспективного пациента», но только не Николай Андреевич. Он, не мешкая, договорился с коллегами о срочной госпитализации девочки в соседнее психиатрическое отделение и организовал машину для доставки. Алину поместили в отдельную палату, выделили сиделку, сделали укол снотворного.

Хотя ночь дежурства выдалась спокойной, Нико-

лай Андреевич не сомкнул глаз до утра. Он перелистал имеющуюся у него в кабинете всевозможную литературу по суицидологии, психологии, социологии, психиатрии, неоднократно анализируя возникшую ситуацию с разных сторон. Но однозначного ответа, удовлетворяющего его как профессионала, найти не смог. Единственное, что он выявил, обдумывая прошлый разговор с родителями девочки, это то, что, возможно, он не придал должного значения информации о матери. Она имела определённое влияние на девочку. А отец в беседе с ним обмолвился, что к его жене в последнее время стали приходить люди из какой-то новомодной секты. Они якобы с ней вместе читали Библию, какие-то их брошюрки и проводили беседы. Мать была домохозяйка, свободным временем располагала. Отец же отрицательно относился к этому увлечению жены. Он считал себя православным. Значит, вероятно, был конфликт между родителями в присутствии девочки. И это отрицательно повлияло на неё. А может быть, эти «братья и сестры» успели как-то обработать её сознание. Да и девочка что-то недоговаривала. В любом случае в этом стоило разобраться поподробнее и ещё раз опросить родителей. По крайней мере, другой причины, заслуживающей особого внимания, психотерапевт в данный момент не видел.

Выполнив свою «рабочую» медитацию, Николай Андреевич решил заглянуть к Алине. Девочка мирно спала, а сиделка, с книжкой в руках, старательно боролась со сном. Выяснив обстановку и переговорив с сиделкой, Николай Андреевич ещё некоторое время постоял возле кровати Алины, размышляя о происшедшем. И тут, то ли оттого, что он недавно вышел из состояния медитации, то ли благодаря интуитивным ощущениям, он явно почувствовал сильное отрицательное поле, исходившее от девочки. Ему даже

самому стало как-то не по себе. Николай Андреевич практически автоматически поставил «защиту», которой когда-то его обучил Сэнсэй. Он поинтересовался самочувствием сиделки. Но пожилая женщина как всегда ответила: «Терпимо». Выйдя из палаты, Николай Андреевич насторожился ещё больше. Что-то с девочкой было явно не так. На интуитивном уровне он понимал, что суть происходящего с ней кроется за пределами простых причин, которыми он пытался объяснить это явление. Данный случай требовал срочной консультации с Сэнсэем. Николай Андреевич решил дождаться утра и позвонить ему в офис.

Но утром оказалось, что Сэнсэй ещё вчера куда-то уехал из города. Пришлось действовать по схеме обычных методик. Николай Андреевич, помимо психотерапевтической и медикаментозной работы с девочкой, попросил коллег провести дополнительное обследование ЭКГ, ЭЭГ, сделать МРТ головного мозга и проконсультировать её у невропатолога, окулиста и терапевта. Случай с Алиной серьёзно заинтересовал Николая Андреевича, в первую очередь как учёного. Дело в том, что в последнее время такие происшествия стали достаточно распространёнными в области. Словно накатившая волна, по городам прошла целая серия самоубийств детей и подростков, совершивших суицид без видимых на то причин. Пользуясь этим случаем, Николай Андреевич задался целью приблизиться к разгадке этой непонятной «детской эпидемии» вполне здоровых детей и по возможности попытаться обнаружить пусковой механизм суицидального поведения. Случай с Алиной стал для него идеальным объектом для изучения.

Обдумывая возможные причины подобного аффективного поведения девочки, Николай Андреевич решил созвониться с отцом Иоанном. После взаимного приветствия Николай Андреевич спросил:

— Не знаешь, когда Сэнсэй возвращается? Срочно нужен.

— Точно не знаю, но обещал скоро быть. А что за спешка?

— Да мне тут твоё «муравьиное чадо» такой случай подбросило...

Вано усмехнулся.

— «Муравьиное чадо»?! Этот всегда приключения найдёт на свою голову. А что за случай?

Николай Андреевич вкратце рассказал историю девочки, не забыв упомянуть свою версию по поводу влияния секты.

— Ты знаешь, я почему-то уверен, что именно здесь кроется внутренний конфликт девочки, — ответил отец Иоанн, внимательно выслушав психотерапевта. — Сейчас этих новомодных сект хоть отбавляй. Еле успеваем расхлёбывать негативные последствия их разрушающего влияния на психику людей. И всё на молодёжь метят. Ты себе не представляешь, сколько появилось религиозных организаций деструктивного толка! Час от часу не легче! Уже напропалую используют технику психологического манипулирования сознанием для вербовки и удержания своих членов. Охмуряют народ своими кривотолками, всё рвутся к тотальному контролю над мыслями, чувствами, поведением своей паствы. А истинные цели фактически более чем земные — незаконное обогащение и власть их лидеров, а то и вовсе заинтересованность определённых организаций в рабском сознании народов. Вот и зомбируют всех подряд. А что подростку стоит мозги испортить? Они тут со взрослыми не сильно церемонятся, а то дети... Пользуются их неопытностью, неинформированностью, обманывают как хотят. Кстати, а девочка крещёная?

— Да, её крестили два года назад.

— Это хорошо... Тем более возможен конфликт!

Девочку воспитывали в традициях православия, крестили уже довольно взрослого ребёнка. А тут эти... пожаловали, по-своему грузить начали. И кого? Мать. Может, здесь у девочки и произошёл надлом. Ты же говорил, что отец жёстко стоит на позициях традиционного христианства.

— Да. Насколько мне удалось выяснить, в семье несколько раз в присутствии девочки происходили скандалы по этому поводу. Отец говорил, что, мол, его крестили и он не будет перекрещиваться. А мать не видела в простом чтении брошюр и посещениях этих людей ничего плохого. Кстати, отец неоднократно повторял фразу, что его жену зомбируют.

— Вот видишь! Если мать пытались зомбировать, то и девочке могли что-либо внушить эти «братья и сестры»...

— Родители утверждают, что девочка с этими типами не общалась. Хотя... Алина говорила, что в последнее время ей иногда кажется, словно ею кто-то управляет.

— Управляет?! — отец Иоанн немного помолчал, а потом произнёс: — Есть идея! Давай в качестве психотерапевтической процедуры инсценируем перед девочкой и её семьёй обряд экзорцизма!

— Изгнание сатаны? Ну ты скажешь!

— А ты не спеши, подумай хорошенько. Ведь для девочки это будет хорошим психологическим подспорьем. Если она верит, что кто-то ею управляет... А мы как бы выведем этого демона из неё, внушим, что благодаря Церкви она будет спасена. Да ещё родители на сеансе будут присутствовать, да уберут псевдолитературку из дома... Глядишь, девочка успокоится, и всё в её психике станет на свои места.

— В принципе вполне возможно. А почему инсценируем, а не проведём?

— Видишь ли, доказать, что в девочке сидит сата-

на, очень сложно. И соответственно получить разрешение от высшего духовенства на этот обряд тоже не просто. А инсценировка станет неплохой психологической поддержкой для девочки. В конце концов, если она вместе с родителями будет присутствовать при молитвах, хуже не станет, даже наоборот, это внесёт гармонию в семью. Заодно девочка будет видеть, что мать никуда не ушла из христианства и всё в их семье осталось по-прежнему.

— Ну что ж, давай попытаемся, может и правда поможет... Надо же что-то предпринимать. Не будешь ведь постоянно держать её на снотворном. Я переговорю с родителями. Если они согласятся, то попробуем.

На том и порешили.

В назначенный день к церкви отца Иоанна подъехала семья девочки в полном составе вместе с психотерапевтом и Женей. Отец Иоанн тепло всех поприветствовал, в том числе и Женьку, лишь слегка едва заметно улыбнувшись. Женька же просто не мог пропустить такого мероприятия, да ещё связанного с деятельностью отца Иоанна. В то же время, понимая серьёзность ситуации, доходчиво разъяснённой Николаем Андреевичем, Женя вёл себя более чем корректно, сделав вид, что этого батюшку он видит впервые. И надо отметить, что в этот день парень открыл для себя совершенно нового человека в лице отца Иоанна.

Несколько часов подряд батюшка вместе со своими церковными помощниками читал молитвы. Его голос был не просто хорошо поставлен, а пробирал своей интонацией и силой до глубины души. Очевидно, сказывалась его предыдущая профессиональная подготовка в области психологии. Даже Женя, скептически относившийся ко всей этой процедуре, и то настолько проникся, что даже встал на колени и

начал креститься. В конце концов девочку окропили святой водой. Эта процедура оказала большое эмоциональное влияние на всех присутствующих. Николай Андреевич, прощаясь с отцом Иоанном, отметил:

— Да уж, впечатляет... Такая акустика, такой свет... А девочка, смотрю, почти впала в транс. Правда, она ещё не совсем отошла от действия антидепрессантов. Хотя это должно усилить эффект... А вообще, молодцом, молодцом! Просто нет слов!

— Старались, — скромно отозвался отец Иоанн.

— Честно говоря, я такого не ожидал, аж самого за душу пробрало... Дай Бог, чтобы ей помогло.

— На всё воля Божья, — ответил отец Иоанн.

* * *

После этой психологической процедуры Алина попросила выписать её домой. Николай Андреевич пообещал, что переговорит с коллегами, мол нужно хотя бы пару дней, якобы необходимых для оформления документов на выписку. На самом деле он рекомендовал врачам подержать её эти дни под усиленным медицинским присмотром, хотя состояние девочки не вызывало особых тревог у его коллег, судя по данным проведённого обследования. И всё же когда девочку выписывали, Николай Андреевич, руководствуясь больше своей интуицией, попросил родителей особо приглядеть за дочкой. Ведь по статистике наиболее опасными в плане рецидива для человека считаются первые три месяца после совершения им попытки суицидальных действий.

Родители старались придерживаться советов психотерапевта, создавая соответствующую благоприятную атмосферу в доме. Убрали всю «неблагонадёжную литературу». Вечером, отужинав, Алина приняла успокоительное, как рекомендовали врачи, и легла

спать вместе с матерью в комнате. Отец с сыном уселись на кухне играть в шахматы. Памятуя слова психотерапевта, они решили хотя бы первое время подежурить ночью. Эта ночь выпала отцу. Закончив очередную партию, сын уже собирался уходить, как внезапно вышла заспанная Алина, направлявшаяся в туалет. Сонным голосом она поинтересовалась, почему они не спят. Те ответили, что уже собираются ложиться. Отец с сыном переглянулись. Она, как ни в чём не бывало, сходила в туалет и пошла зевая назад.

— Ну всё, и я пошёл спать, — заявил сын отцу. — А то завтра рано вставать на работу.

— Давай, — кивнул отец.

Проходя мимо комнаты Алины, брат с ужасом увидел, что его сестрёнка спокойно пошла на балкон и стала наклоняться через перила. Парень, не раздумывая, бросился к ней. Он еле успел ухватить её за одежду в тот самый миг, когда девочка кувыркнулась вниз. Брат с трудом удерживал сестрёнку на весу. Её шёлковая ночнушка быстро выскальзывала из рук. Он закричал, зовя на помощь отца. В это время девочка, словно очнувшись, сама истошно заорала, увидев перед глазами головокружительную тёмную бездну. Она задёргалась в попытках спасения, отчего её ночнушка стала стремительнее выскальзывать из рук брата. Ещё мгновение — и случилось бы непоправимое. Но успела подбежать проснувшаяся мать, а за ней отец. Общими усилиями девочку вытащили.

Всё произошло в считанные секунды. Однако семья пережила настолько сильный стресс, что некоторое время никто не мог прийти в себя. Телефонные звонки разбуженных диким криком соседей, которые возмущались их поведением и нарушением покоя отдыхающих граждан, как ни странно, несколько привели семью в чувства. Напичкав девочку сно-

творным, родители и брат так и не сомкнули глаз до утра. Сидя в отчаянии возле спящей Алины, они размышляли над нависшей бедой и вопросом: «Как же жить дальше?»

* * *

Николай Андреевич, узнав о случившемся, конечно был не в меньшем шоке, чем вся семья девочки. Но он быстро совладал со своими эмоциями и всецело погрузился в новый анализ данной проблемы. Такого в его практике ещё не было. Этот случай не выдерживал никаких объяснений. Чтобы человек без психических расстройств и патологий, без всякой на то мотивации, да ещё находясь под действием антидепрессантов, вот так спокойно мог совершить суицидальные действия?! Ну, это было уже слишком!

Чем больше Николай Андреевич сопоставлял факты, тем сильнее затруднялся объяснить даже свои старые предположения. Всё было достаточно странно и непонятно. Он знал, что по статистике этот случай не единичный. Из всех суицидников лишь треть страдала расстройствами психики и отличалась психическими патологиями, а остальные же, то есть больше чем в половине случаев, это были люди вполне нормальные. И если раньше Николай Андреевич списывал эти случаи на временные депрессии, жизненные неурядицы, личное мировоззрение людей, то случай с Алиной заставил его взглянуть по-другому на свои старые выводы. Какое могло быть сформировавшееся мировоззрение у пятнадцатилетней девочки? Скорее отсутствие такового. Николай Андреевич думал, что разгадав первопричину данного случая, он получит ответ на вопрос, что толкает вполне нормальных людей на самоубийство. А установив диагноз, как известно, проще подобрать необходимую терапию.

Девочка вновь оказалась в больнице. Уже испробовав разные психотерапевтические подходы и приёмы, Николай Андреевич решился на гипноз. Именно решился, так как с тех пор, как у него по поводу гипноза был серьёзный разговор с Сэнсэем, который отрицательно относился к подобной практике ввиду её негативного влияния на индивидуальные механизмы человеческой психики, Николай Андреевич очень редко стал использовать гипноз. Но в данном случае посчитал положение безвыходным. Да ещё и самого Сэнсэя не было в городе, чтобы проконсультироваться по поводу столь сложного случая...

С помощью внушения Николай Андреевич ввёл Алину в состояние гипноза, приказав вспомнить всё, что произошло в момент первой суицидальной попытки. То, что он услышал, поразило его как специалиста. Обычно вся реальная информация, получаемая извне, фиксируется на уровне подсознания, образно говоря, сохраняется там, как на жёстком диске компьютера. Многое из этой информации минует сознательный анализ. Человек может не помнить в своём рассказе каких-то мелочей. Но подсознание, если умело им руководить, воспроизведёт всё в точности, в том числе и мелочи.

То, что обнаружил Николай Андреевич, было более чем невероятным. Вместо реальной картины действия подсознание девочки выдавало какую-то совершенно иллюзорную картину восприятия. Поразительно, но её подсознание даже не зафиксировало, что она стояла на краю крыши. Алина якобы находилась возле небольшой речки. Сильный огонь полыхал позади, а впереди на другом берегу была красивая, тихая, уютная поляна. И нужно всего-то перепрыгнуть эту небольшую речушку...

Николай Андреевич был поражён. Ведь, по сути, если даже у человека стереть информацию из созна-

ния, то всё равно глубоко в подсознании останутся утраченные «файлы» памяти. А здесь получается, что в той глубине, где записывается реальность, она полностью изменена. Выходит, что именно в эту недосягаемую глубину подсознания была вложена совершенно другая информация, благодаря чему инстинкт самосохранения девочки был блокирован и подсознание работало в совсем другом режиме. Значит, и её сознание воспринимало всё абсолютно по-другому. Оно принимало иллюзию за реальность. Иначе какая могла быть речка на краю девятиэтажки?! Следовательно, реальность произошедшего надо искать глубже, чем на уровне подсознания, на Востоке этот кладезь называют истинным «я», а у нас «душой».

Николай Андреевич проверил и другие суицидальные попытки Алины. Оказалось, только в случае отравления подсознание девочки выдавало более адекватную картину переживаний, вполне соответствующую описанию очевидцев, да и самой девочки. Тут он не заметил ничего особенного. Вполне типичная ситуация — суицидальная попытка совершалась в состоянии тревоги, паники, выраженной депрессии, «туннельного» сужения сознания. Но в остальных случаях полная загадка. Общая картина вырисовывалась просто ужасающая. Получалось, что у Алины, которая пребывала в самом хорошем настроении, внезапно наступал провал памяти и она безотчётно шла на самоубийство. Причём не на инсценировки самоубийства в качестве шантажа или привлечения внимания к своей персоне, а на жёсткое самоубийство с заведомо летальным исходом. Каков же был истинный пусковой механизм её суицидальных действий?

Чем больше Николай Андреевич углублялся в эту тему, тем больше вопросов у него возникало. В медицинской литературе он тоже натыкался на сплошные

вопросы и незначительную толику ответов, да и то на грубом физиологическом уровне. Создавалось такое впечатление, что наука в этом вопросе шла на ощупь по трясине совершённых людьми самоубийств, да ещё в непроглядном тумане возможных причин. Каждая её поступь была достаточно осторожной, а исследование случаев объяснялось с однобокой позиции догадок и предположений. Николай Андреевич ощущал себя именно таким путником, заблудившимся в этом непроглядном тумане в поисках вразумительного ответа на столь загадочное явление психики человека. Можно сказать, что практически он зашёл в своих исследованиях в тупик. Единственным, кто смог бы пролить свет на эту проблему, как предполагал Николай Андреевич, был Сэнсэй. Но он уехал. И Николай Андреевич решился использовать в качестве «исключительного исключения» технику Сэнсэя по изменению состояния сознания, которая позволяет пробудить и вызвать для диалога истинное «я» человека.

Тот день стал для Николая Андреевича не просто днём, а, как он считал, эпохальным открытием в истории человечества. То, что он услышал от Алины, благодаря применению спецтехники Сэнсэя, в очередной раз поразило его в осмыслении глобального понимания жизни человеческой Сущности до и после смерти.

* * *

В первый же день, как только Сэнсэй вышел на работу, Николай Андреевич примчался к нему в офис со своим «грандиозным открытием». Он подробно изложил всю историю с Алиной, а также поведал о своих попытках найти истинную причину пускового механизма суицидального поведения девочки. Сэнсэй

слушал его как обычно молча и внимательно. Лишь один раз произнёс странную фразу: «Понятно, девочка открылась». Когда психотерапевт дошёл в рассказе до своих экспериментов с использованием гипноза, Сэнсэй осуждающе покачал головой.

— Да я понимаю, понимаю, — поспешил оправдать свои действия Николай Андреевич. — Но другого выхода не было. Тем более, как потом оказалось, не зря были мои старания...

Подробно остановившись на подсознательном восприятии девочкой несуществующей реальности, он с воодушевлением перешёл к главному своему открытию, которое он совершил, использовав технику Сэнсэя.

— Ты представляешь, я сделал даже два грандиозных открытия. Невероятно, но факт! Во-первых, оказывается, «чёрный ящик» подсознания можно перекодировать. Ведь сейчас считается, что глубокие слои подсознания фиксируют всё и навсегда. То есть, если в верхних слоях подсознания ещё как-то можно стереть информацию, подменить её в гипнозе, то в глубоких слоях подсознания сделать это практически невозможно. Оно ведь работает, как запись «чёрного ящика» в самолёте. У нас в практике были случаи, когда люди во время операции находились под общей анестезией в бессознательном состоянии, однако потом, под действием гипноза они в точности воспроизвели всё, что делали и говорили врачи во время операции. Вообще считалось, что этот «чёрный ящик» подсознания невозможно перекодировать. А тут такое! Глубокие слои подсознания девочки выдают несуществующую реальность. Значит получается, что перекодировка возможна!

Но это всё мелочи по сравнению со вторым открытием. Оказывается, Личность человека действительно сохраняется и после смерти, вернее после

реинкарнации, и в течение последующей жизни! Ведь это подтверждает, в первую очередь, существование реинкарнации! Это же может стать эпохальным открытием для человечества! Ведь многие люди, впадая в депрессию, видят своё душевное спасение от жизненных проблем в смерти. А смерть-то, хотя бы взять то же самоубийство, получается в действительности не спасает, а, наоборот, всё усугубляет. И главное, люди ощущают это на глубоком внутреннем плане подсознания. Вот в чём заключается их страх перед смертью! Подсознательно человек чувствует, что самоубийство — это не спасение, а напротив, усугубление внутреннего кризиса, причём с абсолютной невозможностью потом что-либо исправить.

Сэнсэй сначала слушал, как обычно, то, что рассказывал Николай Андреевич. Но когда тот заговорил о «чёрном ящике», Сэнсэй как-то напрягся и стал слушать внимательнее.

— Беседа с истинным «Я» девочки меня просто поразила! Ещё несколько таких доказательств — и можно будет говорить о научном открытии этого феномена. Представляешь, как данные знания о душе могут изменить жизнь человека и человеческого общества в целом?! Это же практическое научное доказательство, что после смерти Личность продолжает существовать!

— Так, стоп! — резко прервал Сэнсэй восхищённого психотерапевта. — По-моему, у нас с тобой был уже когда-то разговор и об использовании этой техники, и о научных открытиях, связанных с ней.

— Да я всё прекрасно понимаю! Каюсь, обещал, что не буду использовать эту технику. Но так получилось... А тут такое открылось! Это же... Этому же знанию цены нет! Ты пойми, как это мир перевернёт...

— Это точно, мир перевернёт. Только в какую сторону, ты об этом не задумывался?

— Как «в какую»? В хорошую, конечно.

— В хорошую? С доминацией какодемона в обществе?! Понять сейчас ценность этих знаний способны лишь единицы, для общества время ещё не пришло. И я тебе об этом уже неоднократно говорил. Каждому ростку свой срок.

— Но это ведь так важно для людей, для народа. Такая польза...

— Польза? Для народа? А ты вспомни, много ли ты принёс пользы своей докторской диссертацией? Не успел написать, как её тут же засекретили. Хотя в ней, фактически, нет серьёзных знаний. А ты говоришь, для народа... Всему своё время.

Николай Андреевич тяжело вздохнул, понимая правоту Сэнсэя. Но тут же вспомнив о том, что не договорил самого важного, продолжил:

— Да, основное, что удалось выяснить... Но лучше изложу всё по порядку. Когда я начал вести диалог на уровне истинного «Я» девочки, то оказалось, что со мной говорила Личность мужчины, который жил совсем недавно в Калужской области. Умер он в 1979 году в возрасте сорока восьми лет. Неудачная операция на сердце. Был он инженером. Жил как все, по стандартной схеме: детство, школа, армия, институт, женитьба, дети, работа. Он помнит свою прошлую жизнь до мельчайших подробностей, даже пребывая в новом теле. Много поведал о себе, о своих ощущениях после смерти, во время реинкарнации и особенно при теперешней его жизни. Конечно, для меня эта информация шокирующая!

Сэнсэй улыбнулся и уже более мягко заметил:

— Не переживай, не ты один был в шоке. Для него это тоже небывалое явление подобного общения.

— Да? Я так жалею, что не записал разговор на плёнку... Он говорил, что пережив то, что с ним про-

изошло после смерти, начал совершенно по-иному понимать и ценить жизнь. Но это озарение оказалось слишком поздним, так как он уже не может ничего исправить. Находясь в новом теле, он ощущает парадоксальную ситуацию. С одной стороны, очень чётко ощущает близость вечности, близость огромной духовной силы. И ему очень хочется окунуться в эту Божественную силу и избавиться от постоянных страданий, порождённых его мыслями и действиями прошлой жизни. С другой стороны, он ощущает себя как бы внутренним наблюдателем новой Личности с новым телом. И в ужасе созерцает, как новая Личность, то есть Алина, совершает те же самые ошибки. Но повлиять на это не может. От преобладания плохих мыслей и поступков новой Личности его страдания усиливаются в несколько раз. По его словам, это состояние и есть то, что мы называем адом.

— Это ещё что, — пожал плечами Сэнсэй. — Если копнуть глубже эту Личность, то в ней можно обнаружить Личность из предыдущей реинкарнации, причём страдающую не меньше, чем эта. А под той есть свой страдалец. И так далее.

— Интересно, интересно... А как это можно объяснить?

— Объяснить, конечно, можно. Но понимаешь, если я начну тебе объяснять языком своей науки, ты вряд ли что-либо поймёшь.

Николай Андреевич улыбнулся и вздохнул.

— Это я уже знаю. Но я на это и не претендую. Ты мне просто образно объясни, как говорится доходчивым для меня языком.

Теперь усмехнулся Сэнсэй.

— Доходчивым, говоришь? — И немного подумав, с юмором проговорил. — Ну, ладно. Представь себе, что душа — это яйцеклетка, а сперматозоиды — это Личности в теле после реинкарнаций. Во время сво-

ей жизни Личность, в нашем случае сперматозоид, приближается к яйцеклетке. Вертится, крутится всю жизнь около неё, но оплодотворить не получается. Так он, бедный, вымотавший всю свою жизненную силу, и остаётся возле неё, ну, скажем так, усохшим, в виде Личности с полным набором своего комплекса неполноценности. Прошла реинкарнация. Следующий сперматозоид-Личность устремляется к той же яйцеклетке-душе. Но и этот всю жизнь промахал хвостиком, двигаясь в материальном направлении. И вместо духовного оплодотворения яйцеклетки свою жизненную энергию потратил на собственный эгоизм. Кончилась жизненная сила, и с этой Личностью случилась та же история неполноценности, которая повергла её в чувственное мучение похуже, чем ад. Снова реинкарнация. Третий сперматозоид устремился к яйцеклетке. Попытка оплодотворить опять провалилась. И так далее. По прошествии определённого периода, в случае, если ни одному из сперматозоидов-Личностей так и не удалось оплодотворить яйцеклетку-душу, все эти усохшие сперматозоиды с чувственными комплексами, находящиеся возле души, просто уничтожаются.

— А яйцеклетка?

— Она тоже в некотором смысле. Поскольку кому нужна неоплодотворённая яйцеклетка-душа, если она не выполнила свою функцию? Поэтому она тоже аннигилируется в другое состояние. Ведь по большому счёту цель-то какая? Чтобы Личность своей силой Любви, чистой Верой смогла соединиться со своей душой. Зачем это нужно? Затем, что при таком оплодотворении рождается совершенно новое по качеству духовное существо, скажем так — ангел. Вот в нём-то и проявляется в реальности свойство, образно говоря, генов вечности души и генов мощной жизненной силы. Всё это, конечно, очень грубо и

очень примитивно сказано. Но тем не менее полагаю, что вполне доходчиво... В общем, тут приблизительно так, как в химии — если знать законы происходящих процессов и умело соединить два разных химических элемента, то получится совершенно новое по качеству вещество, субстанция с неимоверным запасом энергии.

— Химия — это, конечно, хороший пример. Но лучше давай остановимся на физиологическом уровне. Это, как ни смешно признать, но действительно более понятно, — с улыбкой отозвался Николай Андреевич. — Я что хотел спросить, а если человек духовно пробивался в течение жизни к этой самой яйцеклетке-душе, но, к примеру, не успел за жизнь это сделать? Тогда что?

— По большому счёту, каждый человек имеет свой шанс в течение жизни оплодотворить душу и стать новым существом. Главное — захотеть добиться своей цели, отказаться от негативных мыслей и сомнений и полностью сосредоточиться на одной цели: взращивании внутренней Любви своего Духовного начала... Если же человек идёт по духовному пути медленно, но уверенно, то, образно говоря, оболочка яйцеклетки-души начинает поддаваться натиску Личности. Даже если этот «сперматозоид» не успел оплодотворить, а пробил всего лишь маленькую брешь на пути к духовному, то следующий «сперматозоид» — Личность занимает его вахтовое место. Работать ему приходится уже в чуть лучших условиях, нежели прежнему собрату. То есть в нём будет больше добра, больше положительного с момента рождения.

Вот посмотри на детей. Два ребёнка рождаются в семье. При одинаковых условиях воспитания один эгоистичный, злой, старается загрести всё себе, равнодушен к боли окружающих, а другой ребёнок доб-

рый, щедрый, открытый людям. Вот тебе и показатель работы предыдущих Личностей в них. Первому ребёнку надо ещё хорошенько потрудиться в течение всей жизни, чтобы хоть чуть-чуть стать добрым. То есть, грубо говоря, выехать из гаража какодемона. А второй уже в духовном пути и имеет возможность усиливать свой агатодемон силой Любви. И после своего жизненного рубежа каждый из них будет жить тем плодом чувств, что взрастил для себя в течение жизни.

— Да... Действительно, это истинное «Я» что-то говорило о «плоде горечи». Единственное, что облегчает его боль, это когда у новой Личности идёт всплеск силы Веры и Любви. Для него это не просто облегчение, это даже похоже на некоторое успокоение, такую сладкую дремоту истерзанного болью, когда эта боль временно утихает. Но как только новая Личность включает свой центр отрицательных мыслей, муки начинаются заново.

— Совершенно верно. Почему всегда и подчёркивалась важность именно Духовного в жизни людей, доминации агатодемона, — добавил Сэнсэй.

Николай Андреевич внимательно слушал, думая, что Сэнсэй расскажет что-то ещё, но, так и не дождавшись продолжения, сказал:

— Если бы люди знали, что их ждёт за гранью, то, может быть, и не допускали бы подобных ошибок. У нас ведь как? Святые из поколения в поколение глаголют «Верь!», а нас всё сомнения гложут.

— Вот именно. А сомнений в Вере быть не должно! Сомнения допустимы в мире Животного начала. Но в Духовном мире, в мире серьёзных энергий, любое сомнение чревато глобальными последствиями.

— Да... Самое же интересное по нашему случаю! Оказывается, этот внутренний наблюдатель видел совершенно иную картину. На девочку давила какая-

то мощная отрицательная сила, которая и изменила ей реальность в глубоких слоях подсознания. И именно эта сила, господствуя в её разуме, толкала на совершение суицидальных действий.

— Сила, говоришь... — промолвил Сэнсэй, и его лицо стало суровым.

Он некоторое время молчал задумавшись, а потом хотел было что-то сказать, но тут в офис ввалились гурьбой ребята, и Сэнсэй лишь промолвил:

— Ладно, разберёмся.

Он договорился с Николаем Андреевичем, когда подъедет для осмотра девочки, и переключился на очередную порцию новостей от прибывшей компании.

* * *

Николай Андреевич приветливо встретил Сэнсэя возле входа в клинику и повёл словно гид по запутанным лабиринтам больничного комплекса. Наконец, они добрались до нужного отделения, в палатах которого лежали потенциальные суицидники и люди, страдающие глубокими депрессиями. Сэнсэй задумчиво шёл по длинному больничному коридору вместе с психотерапевтом. Николай Андреевич рассказывал о последних данных обследования девочки.

Дверь одной из палат была открыта настежь. В углу на койке лежал заросший мужчина средних лет, безразлично глядя в дверной просвет. Проходя мимо палаты, Сэнсэй внезапно остановился и, глянув в глаза этому пациенту, резко свернул к нему.

— Куда? Нам же дальше, — не понял Николай Андреевич, думая, что Сэнсэй ошибся.

Но Сэнсэй никак не отреагировал на его слова. Он целенаправленно вошёл в палату и сел возле больного. Николай Андреевич в удивлении последовал за ним. Мужчина даже не удосужился взгля-

нуть на посетителей, всё так же безразлично глядя в дверной проём.

— И давно ты тут бьёшь баклуши? — спросил Сэнсэй, глядя на мужчину как на своего давнего знакомого.

— Да уже почти месяц, — ответил за него Николай Андреевич, стоящий возле Сэнсэя. — Третья попытка суицида. Глубокая депрессия. Абсолютно неконтактный. Вот так и лежит целыми днями...

Но Сэнсэй словно проигнорировал слова психотерапевта. Неожиданно он стал читать странное стихотворение:

— Высший дар нерождённым быть,
Если же свет ты увидел дня –
О, обратной стезёй скорей
В лоно вернись родное небытия.

При первых же строчках в глазах больного вспыхнула искорка интереса. Он повернул голову к необычному посетителю и едва тот закончил читать восхищённо изрёк:

— Софокл?! Вы тоже читали этого древнегреческого драматурга?!

Сэнсэй лишь загадочно улыбнулся.

— Приятно встретить единомышленника, — в восхищении пробормотал больной, словно самому себе. Но после этого его прямо-таки прорвало бурной речью. — Не думал, что в сих кулуарах раздастся глас, вещающий эти бесценные строки человека, творившего почти две с половиной тысячи лет назад! Поразительно! Я ведь только что размышлял о них. Какие правдивые слова...

— Но, помнится мне, он произносил и другие слова: «Как страшен может быть разум, если он не служит человеку», — заметил Сэнсэй.

— Ах, бросьте... «разум». Разум — это дар человека и одновременно его проклятие. Помните, у Фран-

суа де Ларошфуко: «Разум всегда является жертвой обмана сердца». Мне ли это не понять? Люди всегда пытаются унизить чей-то ум. Но у них это плохо получается. И тогда они жестоко мстят ему, начиная на него гонения. И только смерть — его спасенье! Как у Цицерона: «От зол удаляет смерть, а не от благ».

— В Библии, в Екклесиасте в 9 главе 4 стихе есть такая запись: «Кто находится между живыми, тому есть ещё надежда, так как и псу живому лучше, нежели мёртвому льву».

— Надежда?! Надежда всего-навсего пустой звук, — печально произнёс мужчина. И вдруг стал сокрушаться, изливая всю свою горечь. — Меня никто не понимает, ни друзья, ни коллеги, ни родственники! Зачем тогда жить? Почему кому-то везёт, а таким как я достаются одни неприятности? Наверное, я чем-то хуже других. Зачем продолжать жить, если мир так враждебен ко мне? Если даже она от меня ушла... Жизнь потеряла для меня всякий смысл. Разве вы можете испытывать такую душевную боль, как я? Боль, пожирающую меня изнутри, разрывающую на части? Для меня жизнь — это страдание. И никто, никто не сможет меня отговорить... Я хочу умереть.

— Ты хочешь умереть? А что ты сделал в этой жизни? Ну, умрёшь ты сейчас, а дальше?

— Я не буду страдать.

— Не будешь?! Ты полагаешь, там тебе будет спокойно? Ты думаешь, там сможешь высвободиться от сгустка своего зла, от сгустка своей боли? Наивный человече! Там тебе будет ещё хуже. **Ибо всё, что доминирует в тебе сейчас, там преумножится. Здесь у тебя есть ШАНС, а за гранью останется лишь плод твоего выбора. Что посеешь, то и пожнёшь...**

— Всё это софистика. Просто слова, за которыми пустота. Когда я засыпаю, мне хорошо. Когда я просыпаюсь, мне плохо. Я хочу заснуть спокойно, навечно, и мне будет там хорошо. А твои слова — всего лишь слова.

— Всего лишь слова?! — Сэнсэй взял его за руку и резко дёрнул. — Тогда пошли в реальность.

При этих действиях Сэнсэя мужчина словно отключился. По телу резко пробежала судорога, голова безжизненно упала на подушку.

Всё исчезло. Только чувство бесконечности и безграничной свободы полностью охватило сознание. Безмятежность, спокойствие услаждает своим гармоничным веянием со всех сторон. Какое блаженство! Нет тела, нет проблем, нет страданий. «Это, наверное, рай! Я свободен, наконец-то свободен!» — зазвучала долгожданная ария где-то изнутри невидимого сознания. Но внезапно раздался мелодичный голос из ниоткуда: «Наивный человече, разве ты свободен?!»

Случилось что-то ужасное. Куда-то неумолимо потянуло против воли, против желания остаться в этом блаженном состоянии. Какое мощное притяжение! Как будто кто-то растягивает твоё сознание, распластывает на чём-то очень похожем на тебя. Со страшной болью снова проявляется весь прошлый негатив, но не фрагментальный, как в последние минуты бытия, а жёсткий, тотальный, словно за всю жизнь, сконцентрированный в каком-то ужасном, мучительном сгустке переживаний, ненависти, зла, страха.

«Неужели опять возвращаются старые страдания?! Но, Боже мой, насколько они стали тя-

желы, невыносимы! Какие жгучие душевные муки давят непосильным грузом!» Удушающее чувство безысходности, страх, паника. Усугубляющаяся трагедия неотвратимости происходящего процесса. «Но что это? Не может быть... Совсем нет жизненных сил! А как же подавить страдания?!» Острое чувство раздирающей, душевной боли и ни единой капли жизненной силы, чтобы что-то изменить!

Страх нарастает, словно снежная лавина. Душевная боль многократно усиливается. «Но разве столько было её при жизни? Нет, нет... Не может быть... Эти тонкие оболочки-Личности, те, кто подо мной, — это их боль! Но почему же мне так больно?.. Да это же я сам! Как же гнетущ этот негатив, какая боль исходит от него... Я этого не вынесу, я больше не могу!»

«Где я? Странно... Боль вроде отпустила, но страдания души остались. Души?! О, Боже, да она совсем рядом! Вот она, трепещет под слоем тонких оболочек, словно под тонкой плёнкой мыльного пузыря. Как явно ощущается колыхание её вечности и покоя... Как она близка и как недостижима! Неимоверная тоска по истинному дому! Ведь не хватает всего лишь капли жизненной силы, чтобы окунуться в родную вечность, навсегда избавиться от терзающих мук... Насколько ощутим этот чувственный контраст... Нет, в душе нет страданий, там — Бог, там — покой, там нет места боли. Боль вся во мне...»

Раздался громкий детский плач. «Где же я? Неужели в теле ребёнка?! В новом теле?» Но охватившая было радость тут же сменилась тяжестью и угнетением. По тельцу малыша пробежала судорога. «Но как же мучительно больно!

Что это?!» «Тяжёлая форма ДЦП... — многозвучным эхом произнёс высокий человек в белом халате какой-то женщине, склонившейся над ребёнком. «Не может быть! Детский церебральный паралич?! Не может быть!» Сильная судорога вновь скрутила беззащитное тельце.

«Какая страшная боль! О, Господи, за что? Слишком много негатива?! Неужели моя капля была последней в чаше равновесия? Что я наделал! Какая страшная плата за моё прошлое! Какой же я дурак, что всю жизнь запирался в себе, в собственном Эго! И что теперь? При ясном сознании на всю жизнь заперт в этом беспомощном теле?! Что же я натворил?! Я же сам погубил себя, вогнал в более тяжкие условия существования. Я привнёс в себя ещё большие страдания.

А ведь душа так близко... О, Господи, прости!!! Ты всегда был со мною рядом, а я... Прости!!! Как же глупо и бесполезно я растратил Твой бесценнейший дар — Жизнь, как ничтожно мало сделал доброго, чтобы хоть чуть-чуть приблизиться к истинно свободной Твоей Вечности... Как ценна оказывается каждая прожитая секунда жизни... Как стыдно и больно за упущенный спасительный Шанс...

Что же теперь делать, когда силы и возможности остались в безвозвратном прошлом?! А в настоящем лишь мучительное созерцание тех же самых своих глупых ошибок, только уже повторяемых новой Личностью, её разрастающейся злости, которая ещё больше усиливает страдания пленённых в ней Личностей. А они, в свою очередь, усугубляют её страдания своей болью. Сущность без жизненной силы, как же это ужасно! Всё чувствую, переживаю, страдаю внутри своей новой

Личности, а изменить ничего не могу... Словно заколдованный круг, круг ада, в который я вогнал себя своей глупостью и который станет теперь для меня испепеляющей вечностью... **Смерть***, оказывается,* **не спасает от боли, она лишь усугубляет то «внутреннее», что ты накопил за Жизнь.** *Господи! Прости меня... Прости, если сможешь...»*

В этот момент искреннего раскаяния что-то невероятно могучее и сильное начало вытягивать его сущность из инвалидного тельца ребёнка. С трудом оторвавшись от данной материи, вновь возникло чувство небывалой свободы и лёгкости. Но при этом сохранился страх опять оказаться бессильным наблюдателем жизни собственной сущности.

Потом чья-то мощная, невидимая сила вновь стала загонять его в другое тело. Но какое счастье — это было его собственное тело! Он почувствовал запах жизни, почувствовал, как опустился в кровать и соединился со своим здоровым телом, в котором могучим потоком бурлила молодая кровь. И всё это невероятное переживание, овладение своей прежней полнотой жизненной силы охватило его разум. Он вдруг с огромным облегчением понял, что он ЖИВ, что он в своём родном теле, и в его руках созидательная сила жизни. **И главное, не всё ещё потеряно для собственной души, для освобождения тех его Личностей, которые испытывают неимоверную боль, являясь заложниками своего выбора. В нём возгорелось огромное желание ЖИТЬ, ЖИТЬ с пользой для людей, для своей души. Любить ради Любви и жить ради Любви ко всему сущему!** *Осознав это, он испытал не просто радость, а ликование тех, кто томился в нём уже вечность в оболочке соб-*

ственного ада, с тоской и раскаянием созерцая через её прозрачную стенку спасительный ковчег Души. И он ощутил движение этого могучего ковчега, на котором он есть капитан, взявший курс в вечность Творца.

Мужчина открыл глаза. Он посмотрел на того, Кто держал его за руку. В Его глазах он увидел сияние Великого Света, в лучах которого отражался и блеск его души. Он понял, Кто перед ним, и в этот момент осознал всю полноту Божьего дара в виде предоставленного ему Шанса. Впервые в жизни он испытал настоящее чувство полноценного всеобъемлющего счастья. Не в силах выразить его словами, он крепко сжал в благодарности руку Тому, Кто осветил ему Путь. И Тот, понимая его без слов, ответил таким же искренним пожатием, словно желая капитану счастливого плавания. В это молчаливое мгновение было сказано всё, что невозможно выразить словами, ибо это было истинным общением душ.

Мужчина быстро вскочил с кровати и, побросав свои вещи в какой-то пакет, побежал к выходу из палаты.

Николай Андреевич, не понимая, что могло произойти с пациентом за минуту беспамятства, крикнул ему вслед:

— Эй! Стой! Ты куда?

Мужчина оглянулся, окинув его счастливым взглядом, и поспешно возвратился к доктору. Пожав ему с чувством благодарности руку, он промолвил:

— Доктор, ты не представляешь, сколько мне надо успеть сделать в жизни! Доктор, ты не представляешь себе, что такое ЖИЗНЬ! ЖИВИ, доктор!

С этими словами он выскочил из палаты. Ошара-

шенный таким внезапным преображением пациента, Николай Андреевич растерянно глянул на Сэнсэя.

— Что с ним случилось?! Санитары!

Сэнсэй улыбнулся и остановил его:

— Не надо. Он просто выздоровел.

Они вышли в коридор и посмотрели вслед быстро удаляющемуся мужчине.

— Я так ничего и не понял, что произошло, — озадаченно промолвил Николай Андреевич, всё ещё пребывая в недоумении.

Сэнсэй ответил довольно загадочно, процитировав стих Омара Хайяма:

— Ад и рай, утверждают ханжи,
Есть круги во дворце мирозданья.
Я ж, в себя заглянув, убедился во лжи.
Ад и рай — это две половинки души.

— Не понял... — Николай Андреевич продолжал вопросительно смотреть на Сэнсэя.

— Не напрягайся, доктор, — сказал Сэнсэй и дружески похлопал его по плечу. — Главное, твой пациент понял.

— А Омар Хайям тут при чём? — растерянно пожал тот плечами.

— Ну, Омар Хайям здесь точно ни при чём, — добродушно усмехнулся Сэнсэй.

* * *

Когда Сэнсэй с доктором вошли в палату к Алине, девочка заметно оживилась, приветливо здороваясь с ними. Сэнсэй, присев, завёл с ней непринуждённый разговор, незаметно перешедший на проблему Алины. Через некоторое время она начала не просто ему рассказывать о своей жизни, а словно раскрываться изнутри, пытаясь изложить всё то, что её так тяготило в данный момент.

Николай Андреевич в очередной раз не переставал восхищаться тем, как Сэнсэй вёл разговор. Он свободно общался с людьми разного возраста, да так, что человек не только шёл на открытый диалог, но и с большим желанием обсуждал с ним самые сокровенные темы. Казалось, человек не просто говорил о своей проблеме, а испытывал при этом огромное облегчение, удовлетворение и даже своеобразное умиротворение, обретая в словах Сэнсэя не только сочувственное понимание, но главное — получал необыкновенно ясные и простые ответы на волнующие вопросы. У Николая Андреевича создалось впечатление, будто не слова как таковые были важны в процессе этого диалога, а какие-то невидимые нити внутреннего общения. Он сам, присутствуя при таких беседах в качестве наблюдателя, испытывал необъяснимое состояние душевного подъёма. Точно своеобразное, благодатное веяние исходило от самого Сэнсэя и благотворно сказывалось на присутствующих рядом людях.

Вот и сейчас, когда Сэнсэй разговаривал с Алиной, Николай Андреевич больше почувствовал, нежели понял, что настоящая терапия Сэнсэя шла именно на невербальном уровне. Пока девочка охотно рассказывала Сэнсэю о своих приключениях, подробно описывая сердечные дела и страдания юной любви (что, кстати, было не так детально поведано ею доктору), Сэнсэй тем временем внимательно смотрел ей в глаза. Николаю Андреевичу показалось, что взгляд Сэнсэя всё время как-то менялся, словно он не просто смотрел, а вёл борьбу с чем-то невидимым.

По окончанию разговора даже сам Николай Андреевич испытал какое-то необъяснимое чувство облегчения, не говоря уже об Алине. Как говорится, словно камень с души спал. В этот момент у доктора появи-

лась какая-то необъяснимая внутренняя уверенность в том, что теперь с девочкой будет всё в порядке, хотя сознание, наполненное медицинским скептицизмом, по-прежнему сомневалось в благополучном исходе излечения данного пациента.

Когда они вышли из палаты, психотерапевт поинтересовался:

— Ну как?

— Ты о чём? — спросил Сэнсэй, очнувшись от своих дум.

— Девочка как?

— А-а-а... Можешь смело выписывать.

— Слушай, здорово это у тебя получается! Если не учитывать время исповедей подопечных, то, считай, за десять минут — два здоровых пациента. Бросай ты эту вертебрологию! Давай к нам! Представляешь, какая польза стране?!

Сэнсэй усмехнулся.

— Вот люди! Всё бы вам, чтобы кто-то пришёл и всё за вас сделал. А самим слабо?

— Ну, судя по статистике, слабо, — засмеялся Николай Андреевич.

— Хм, по статистике...

— Ну так, числа же управляют миром, — попытался пошутить Николай Андреевич.

— Ошибаешься. Они лишь показывают, как люди правят миром, — серьёзно возразил Сэнсэй.

— Тоже верно, — улыбнулся Николай Андреевич. — Так что же случилось на самом деле с девочкой? Ведь вполне нормальный ребёнок. Каков же был пусковой механизм совершения ею суицидальных действий?

— Тебе это любопытно как учёному? — как-то странно спросил Сэнсэй.

Николай Андреевич даже немного растерялся.

— Нет, ну почему же... И как практическому

психотерапевту тоже. Ты себе не представляешь, насколько остро сейчас стоит вопрос аутоагрессии, суицида, особенно среди детей. Случай Алины, к сожалению, в последнее время стал типичным. Совершенно нормальные дети из вполне благополучных семей, с оптимистичными планами на будущее, в хорошем настроении, и вдруг ни с того ни с сего кончают жизнь самоубийством. И, похоже, медицина здесь бессильна.

А чем мы лечим? Традиционным способом — психофармакотерапией... И если уже быть совсем объективным, то успехи психофармакологии принципиально не изменили уровень суицидальной активности. Что из того, что пациент, глотая таблетки, получает симптоматическое временное улучшение? Ведь врач, по сути, зачастую из-за этого приобретает хронического больного, требующего периодического или постоянного пожизненного лечения. Знаешь, как у нас на профессиональном сленге называют привычку больного сидеть на лекарственной поддержке? «Озверин». Потому что при отсутствии лекарства больные становятся ещё более раздражительными, чем были до того как стали постоянно принимать лекарство. По-хорошему, чтобы преодолеть тревожное состояние, необходимо тренироваться, вырабатывать в себе уверенность, прилагать волевые усилия к преодолению этого состояния. Конечно, проще всего проглотить таблетку и обрести мнимую лёгкость и иллюзорную защищённость. Но вопрос в том, что будет с человеком после окончания действия таблетки. Ведь проблемы, как таковые, не исчезнут. Вот и остаются вопросы без ответов... Правда, сейчас пытаются использовать физиотерапию в качестве немедикаментозных методов терапии аутоагрессивного поведения. Однако число случаев суицида всё равно не снижается. И дело не в тех,

кто уже отправился на тот свет. Тут дело в людях, которые продолжают совершать такие попытки. Ведь это же настоящая эпидемия!

Да, меня волнует это и как учёного. Но отнюдь не из любопытства. К твоему сведению, по данным Всемирной организации здравоохранения во второй половине нашего века самоубийства вышли на четвёртое место среди причин смерти, причём с тенденцией роста в последние десятилетия. За год на планете кончает жизнь самоубийством свыше шестисот тысяч человек... А государства постсоветского пространства?! Мы же вошли в группу стран с высоким уровнем суицидальной активности. Когда такое было? В России ещё в прошлом веке приходилось всего лишь два-три суицида на большой регион... И, самое главное, сейчас наряду с пенсионерами гибнет трудоспособная часть населения от тридцати до сорока лет. А чаще всего суицидальные попытки совершают молодые от восемнадцати до двадцати девяти лет. Но самое прискорбное то, что за последние годы резко увеличилось количество самоубийств среди детей в возрасте от пяти до четырнадцати лет, причём нередко с длительной подготовкой к суициду. Ну это уже совершенно аномальный, необъяснимый процесс! Поэтому мне так важно знать истинную причину совершения суицидальных действий. Поверь, если, зная причину я смогу помочь, смогу спасти хотя бы нескольких из этих людей, то свою жизнь я уже проживу не зря. Поэтому твои знания сочту за оказанную Честь и не только мне, но и тем, кому они помогут.

Сэнсэй внимательно посмотрел в глаза Николаю Андреевичу.

— Хорошо. Но будь готов к тому, что то, что я тебе открою, гораздо серьёзнее, чем ты себе представляешь.

* * *

Действительно, рассказанное Сэнсэем просто ошарашило Николая Андреевича. Несколько дней психотерапевт ходил сам не свой, обдумывая услышанное. Эта информация давала возможность не только увидеть скрытую сторону проблемы массового самоубийства в обществе, но и позволяла узреть сам корень данного зла. Доктор начал анализировать странные случаи из истории болезни некоторых своих пациентов. И был несказанно удивлён тем, что являлось очевидным. Многое становилось понятным. Оказывается, тайное желание многих людей покончить жизнь самоубийством в определённые периоды жизни — это далеко не всегда их желание и не такая уж тайная мысль, особенно для некоторых окружающих их «индивидов».

Николай Андреевич вспомнил даже случай из своей молодости. Чего греха таить, был у него в студенческие годы период, когда всё летело кувырком и дальнейшая жизнь казалась абсолютно бессмысленной. Нельзя сказать, что будущий доктор тогда пытался реально совершить самоубийство. Нет. Но мысль об этом очень навязчиво прокручивалась в его голове, несмотря на устойчивый жизненный оптимизм. Эх, эту информацию бы да в те годы... Не было бы столь тягостных, мучительных пыток подавляющими мыслями, склоняющими к трагическим последствиям. В то время его спасла непредвиденная ситуация, можно сказать счастливый случай, который неожиданно возник и переключил на себя всё внимание. Да и случай ли то был на самом деле? Скорее, провидение...

Вспомнив и проанализировав события давно минувших дней, Николай Андреевич понял, почему именно тогда такая пагубная мысль была столь

назойлива и кто из ближайшего окружения на самом деле желал его смертью «вкусно отобедать». Тревожило и то обстоятельство, что если раньше встреча с подобными негативными субъектами была редкостью, то сегодняшний день просто кишмя кишел ими и их чёрными делами. Понимая всю серьёзность, глобальность и опасность данной проблемы для общества, Николай Андреевич не удержался и передал вкратце разговор с Сэнсэем отцу Иоанну. Тот был не менее поражён услышанным и в свою очередь, сообщил об этом Сергею.

Сергей был другом Сэнсэя и Вано. Он входил в тот узкий круг людей из окружения Сэнсэя, которым было далеко не безразлично не только духовное развитие своей сущности, но и как ни странно это звучит в сегодняшние дни, судьба своей Родины. Ему было около тридцати лет. Мужчина обычной внешности, лишённой каких-либо особых примет. Несмотря на свои молодые годы, Сергей уже имел за плечами солидный багаж опыта в военном деле. Немало повидав на своём веку и многое пережив, он одно время практически разуверился в смысле своей жизни. Но незабываемая встреча с Сэнсэем перевернула не только его мировоззрение, но и придала мощный импульс жизни и главное — смысл его существованию.

Оставаясь неизменным патриотом своей необъятной Родины, ощущая в душе огромное желание помочь людям и служить Богу, Сергей не мог равнодушно отнестись к подобной информации. Собравшись вместе — Николай Андреевич, Вано и Сергей — они решили подробнее расспросить Сэнсэя о данной проблеме, как говорится узнать всё из первых уст, и продумать, что можно сделать полезного в этом отношении хотя бы для города, в котором они жили. С этим сия троица и пожаловала к Сэнсэю в медицинский офис в конце рабочего дня.

Весь медперсонал и пациенты уже разошлись. Сэнсэй пригласил друзей в свой кабинет. Выслушав их просьбу, он встал из кресла и задумчиво прошёлся взад-вперёд:

— Вы себе не представляете, за какую серьёзную, трудоёмкую духовную работу хотите взяться.

Николай Андреевич пожал плечами.

— Нам ли отступать перед трудностями?

— Да и куда отступать, позади Москва! — дополнил Сергей с улыбкой.

— Отступать действительно некуда, — тяжко вздохнул отец Иоанн. — Этой нечисти столько расплодилось! Так и лезет из разных щелей. Если ещё и мы останемся такими же равнодушными сомнамбулами как и все, кто тогда людей пробудит от спячки, кто укажет на гибельную пропасть, к которой они приближаются в своём безразличии?

Сэнсэй задумался на несколько минут, внимательно глядя на каждого сидящего, словно взвешивая все «за» и «против» относительно их личностей и, наконец, проговорил:

— Ладно, будь по-вашему...

Троица оживилась, подбадривающе переглядываясь. А Сэнсэй вновь прошёлся по кабинету и, усевшись поудобнее в кресло, начал рассказывать:

— Ну что ж, чтобы понять проблему, нужно изучить её изнутри... Очень многие так называемые болезни людей, внезапные депрессивные состояния, попытки суицида (в том числе и случай, на который напоролся наш неподражаемый Сусанин), самоубийства, несчастные случаи, убийства зачастую являются следствием проявления действий окружения Кандука...

Кто такой Канд*у*к? В разных уголках Земли его называют по-разному. Все байки про самых страшных вампиров среди людей — это детский лепет по

сравнению с тем, что творит Кандук. В принципе все эти суеверные представления об оборотнях, упырях, вампирах, вурдалаках не лишены оснований. В народном фольклоре вампиры представлены в виде мертвецов, которые якобы выходят из могилы и сосут кровь живых. Надо отметить, что эти сказания, хоть и много в них вымышленного, всё же недалеко отошли от истины. Кандуки действительно обречены на полное своё духовное уничтожение, то есть окончательную смерть. Но определённый период времени они способны осознанно перерождаться в новые тела и питаться праной людей.

— Праной, праной... — пробормотал отец Иоанн. — Это жизненной силой?

— Да. Я вам уже когда-то рассказывал, что прана — жизненная энергия, которую приобретает человек в момент своего зачатия. Её количество, в общем-то, определяет сроки его жизни. То есть прана расходуется в течение жизни и когда заканчивается, человек умирает. Автономно она практически не пополняется, но является очень мощной и действенной силой, чем и ценна.

— Точно, — кивнул отец Иоанн. — Помню, что знакомое понятие...

— Так вот, Кандук ворует прану людей и использует её не только в качестве «корма», но и как силу для осознанного перерождения из тела в тело, образно говоря, для перезарядки своих «аккумуляторов», а также для фокусов всякой сверхъестественной ерунды, дающей власть над своими жертвами. Кандук — не просто человек. Вернее, это бывший человек, превратившийся в своеобразного паразита. Это естественно. Там, где идёт слияние животного и духовного, например как здесь, на Земле в виде человека, имеют место подобные твари, паразитирующие на этом слиянии... Можно сказать, что вся эта нечисть

поклоняется жажде и ненасытности материи. Хотя по существу Кандуки и их окружение не имеют отношения к системе Люцифера. Это такие нейтральные промежуточные твари «ни нашим, ни вашим». Как правило, действуют они очень осторожно и скрытно.

— Ты сказал «их окружение»... — уточнил Сергей. — Значит, они орудуют не одни?

— Естественно. Кандук напрямую заинтересован в помощниках. Во-первых, это для него дармовой «корм» — людская прана, которую он потихоньку из них выбирает для себя. Во-вторых, подпитка собранной ими праны необходима ему на время перехода из одного тела в другое... Как правило, он старается набрать для себя так называемых три круга своих помощников. Первый круг — Лемб*о*и. Это приближённые люди. Он посвящает их в свою тайну «вечной жизни» в материальных телах и открывает технику энергопополнения праной, опуская только самое главное — что он тоже понемногу качает прану и у них, и та жизнь в материальных телах далеко не вечна. Лембои, в свою очередь, набирают себе в подпитку второй круг — Клохтун*о*в. А те уже собирают более массовый третий круг — *И*зныль. Причём чем дальше круг отстоит от Кандука, тем больше эксплуатации и меньше знаний. В результате вся эта толпа служит своеобразным накопителем энергии для Кандука, эдаким конденсатором праны, которым, как я уже говорил, тоже пользуются и Лембои. И чем старее по прожитым жизням Кандук, тем больше праны ему требуется, чтобы поддержать своё существование.

— Получается, что об истинных целях и намерениях Кандука знают только Лембои, то есть первый круг. А остальные просто эксплуатируются в неведении, — сделал для себя вывод Вано.

— Совершенно верно. И особенно он усердствует при наборе определённого числа Лембоев, когда пе-

реходит из старого тела в новое, то есть перед биологической смертью старого тела...

— Интересно, а душа у этого Дундука, то есть Кандука, есть?

— Есть, это же бывший человек. Но с каждым его перерождением она становится всё меньше и меньше. Дело в том, что Кандук использует свою душу в качестве... ну, скажем так, в качестве транспортного средства, чтобы вам было понятно. То есть цепляется за неё силой своей накопленной праны и сознательно управляет своим процессом перерождения, переходя в тело младенца. Они «прилипают», как паразиты, поглощая жизненную силу тельца и замещая её своей энергией. Причём могут внедряться после восьмого дня от рождения ребёнка, когда в теле младенца уже поселяется собственная душа, и вытесняют её.

— Так значит они перерождаются осознанно... — размышляя, проговорил Николай Андреевич.

— Да. У Кандука полностью сохраняется память, эмоции, опыт прошлых жизней...

— А в теле ребёнка он тоже продолжает воровать прану у окружающих?

— Дело в том, что пока Кандук перерождается, пребывает в теле ребёнка, пока это тело растёт, Лембои «подкармливают» его накапливаемой праной из своих кругов, даже не осознавая, что эта энергия через них уходит к нему. Они думают, что собирают её для себя.

— Подожди, а как же расстояние, которое их разъединяет? Они, я так понимаю, не знают, где их Хозяин переродился? — спросил Сергей.

— Расстояние здесь не играет никакой роли. В мире энергий всё немножко по-другому... Так вот, пока новое тело не достигнет возраста полового созревания, Кандук не сможет сам входить в энергети-

ческий контакт с людьми, в это время он особо нуждается в подпитке Лембоев и их окружения. Только в момент полового созревания своего тела Кандук сможет начать пользоваться энергиями.

— А что происходит с его душой? — поинтересовался отец Иоанн.

— Естественно ничего хорошего. С каждой реинкарнацией его душа становится всё меньше и меньше. И чем меньше она становится, тем большее количество праны требуется Кандуку для следующего перехода, и всё больше он превращается в бездушного зверя, чудовище из сплошных сгустков отрицательной энергии, которые в случае недостаточного количества праны, то есть своеобразного голода, давят на него со страшной силой.

Осознанно проходя процесс реинкарнации, зная о существовании высших миров, он, по сути, не может выйти из этой консервной банки человеческого бытия, куда, будучи ещё Лембоем, добровольно себя когда-то запаял, слушая россказни об обладании могучей силой и «вечных» перерождениях своего наставника Кандука. Получается, что человеком он уже стать не может и вырваться из этого дерьма тоже неспособен. Оттого его душевные страдания ещё больше усиливаются. И если у человека, у его души, кувыркающейся в перерождениях, есть ШАНС вырваться из этого мира материи, подняться на высшую ступень духовного развития, присоединиться к настоящей созидающей силе Творца, то Кандук лишил себя этого шанса сознательным выбором. Так что Кандук на полную катушку довольствуется жизнью в материальном мире. Для него это счастье. Силы у него предостаточно, будущего нет, поэтому и творит беспредел. Он обречён и осознаёт это. Вот поэтому и наслаждается каждым проживаемым мгновением. Для Кандуков жизнь — это как последний вздох перед тотальной смертью их личности.

— А что же с ними происходит в момент тотальной смерти? — спросил отец Иоанн.

— Ну, что... — Сэнсэй встал, достал из холодильника бутылки с минеральной водой и предложил своим друзьям. — Будете?

— Давай, — согласился Николай Андреевич, остальные отказались.

Сэнсэй открыл две бутылки и протянул одну из них доктору. Потом снова уселся в кресло и, сделав пару глотков холодной минералки, продолжил разговор:

— Прожив десять-двенадцать жизней, всего лишь какую-то тысячу лет, в общем-то мизерный срок по сравнению с вечностью, Кандуки полностью утрачивают способность к переработке праны. Душа уменьшается до минимальных размеров, а затем и вовсе аннигилируется. А без неё они просто, как говорится, идут на удобрение. В общем у них получается парадоксальная ситуация. Они существуют как личности в принципе из-за того, что присутствует душа, но с постоянным подавлением проявлений души в виде фиксированной доминанты какодемона в их сознании. Душа всё время пытается всячески сопротивляться данному сгустку зла, отчего это существо испытывает неимоверные страдания. И в то же время оно и без души не может существовать. Вот у них и получается в полном смысле слова обречение на адские муки... Кандук уже ничего не может сделать для души, так как у него полным ходом идёт процесс материализации. Он помнит, что когда-то кем-то был, но на самом деле уже ни человек, ни чудовище, ничто... Прана же для них со временем становится вроде таблетки обезболивающего при смертельном заболевании.

— Этого Кандука можно физически устранить? — размышляя по ходу разговора, задал вопрос Сергей.

— Да в том-то и дело, что физическое уничто-

жение его тела равносильно большому подарку для него, поскольку после этого Кандук с большим количеством своей неиспользованной праны тела уйдёт на очередную реинкарнацию. А вот борьба на духовном, энергетическом уровне — это да, это реальная возможность его обесточить.

— А как их можно вычислить?

— В основном работая на духовном уровне, с той стороны сознания. В общем-то Кандука и его окружение очень трудно отличить от обычных людей. По виду и образу жизни такие же, как и все. Они могут быть кем угодно: друзьями, близкими, родными, сослуживцами, начальниками. Да и социальное положение, после такого опыта перерождений, становится для них со временем не столь значимым. Они просто пересыщаются властью. Так что, например, в наших условиях могут быть хоть миллионерами, хоть дворниками... Для них это роли не играет. Свою тайну держат в глубочайшем секрете. И вычислить по каким-то внешним признакам приближённых Кандука, как и его самого, очень сложно.

— Пирамидальная структура? — осведомился Сергей.

— Да. Причём со строгой иерархией. Кандука в лицо знает только ближайший круг — Лембои, так как непосредственно с ним контактируют. Он их обучает соответствующим техникам поглощения чужой праны, приёмам манипулирования сознанием и подсознанием людей, методам создания психологической и энергетической зависимости людей от самих Лембоев, ключам кодировки и так далее.

— Нехилый наборчик отмычек, — прищёлкнул языком отец Иоанн. — Попахивает замахом на мировое господство.

— Да им то господство до одного места, — махнул рукой Сэнсэй. — Их главная цель — утоление голода,

как хотите его называйте, энергетического или пранного. Другое дело, когда при достижении этой цели у них происходит слияние общих интересов деятельности их кругов с Деструкторами, которые вам больше известны как Архонты. Тогда, конечно, для людей наступают тяжёлые времена... Нечисть всегда на удивление быстро находит общие точки соприкосновения и объединяется в достижении своих корыстных целей.

— Верно, — согласился отец Иоанн.

— Меня как раз этот вопрос давно волновал, — заметил Николай Андреевич. — Почему нечисть объединяется гораздо быстрее, чем люди духовные?

— Ну как почему? Дабы достичь истинного духовного объединения, людям, входящим в этот круг, нужно вначале посадить своего «зверя» на цепь, то есть приструнить своё Животное начало. А это немалый труд. Это постоянный контроль над собой и своими мыслями...

— Ты упоминал, что у Лембоев тоже есть свой круг... Клохтуны, если не ошибаюсь, — напомнил Сергей и стал рассуждать дальше: — Следовательно, они знают в лицо Лембоев...

— А как Клохтуны попадаются на удочку Лембоям? — влез со своим вопросом отец Иоанн.

— В основном из-за финансовых побуждений, жажды власти, а также привлекаемые «красивыми идеями» с присущими им «крючками» материи Животного, за которые цепляется их Эго, — ответил Сэнсэй.

— То есть они психологически подвержены идеизации и сами впоследствии способны выдвигать свои идеи в определённом направлении, — уточнил психотерапевт, обдумывая услышанное.

— Совершенно верно. Клохтуны боготворят своих Лембоев и абсолютно не ведают, что за этой струк-

турой стоит Кандук и, естественно, не знают его истинных намерений... Клохтуны целиком попадают под энергетическое влияние Лембоев. Со временем Клохтуны начинают чувствовать облегчение, своеобразное чувство насыщения в присутствии своих «наставников». И если впоследствии они предпринимают попытку отдаления от Лембоев, у них начинается такое внутреннее состояние угнетения... ну, образно говоря, как у наркоманов, что-то типа ломки, появляется куча физических и психических недугов. Возвращаются назад в круг — всё становится на свои места...

Николай Андреевич вопросительно склонил голову.

— У них возникает как бы физиологическая зависимость?

— В том числе. Если выражаться научным языком, то точнее сказать эндонаркотическая зависимость путём стимуляции эндорфинной системы раздражителями идейного содержания с формированием эндоморфинной эйфории. Так что если они пытаются уйти от Лембоев, это у них сопровождается болезненным состоянием, сходным с постнаркотической абстиненцией. Так Лембои кодируют на подсознательном уровне своих последователей, усиленно активируя в них Животное начало. Они не дают им серьёзных знаний. Лембои обучают их всего лишь деструктивным психотехникам, а также ограниченным методикам влияния на человека.

— Короче говоря, используют их, как бобик тряпку, по полной программе в корыстных целях, — проговорил Вано.

— Да. Для верхушки этой структуры, то есть Кандука и Лембоев, Клохтуны являются как бы полупроводниками. Основная задача, которая им негласно вменяется и о сути которой Клохтуны и не догадываются — это открыть через стимуляцию

людского какодемона доступ к пране большого количества людей в качестве подпитки для ближайшего окружения Кандука.

Сергей, слушая Сэнсэя, переплёл руки, скрестив их на груди, и когда тот проговорил последнюю фразу, произнёс:

— Хм, для этого нужно, чтобы Клохтуны хотя бы стояли у рычагов власти или, на худой конец, что-либо возглавляли...

— Мыслишь в верном направлении, — кивнул Сэнсэй, вновь сделав несколько глотков минералки. — Зачастую Клохтуны являются одними из инициаторов, организаторами или руководителями политических, государственных и особенно общественных, религиозных, сектантских объединений, движений, в том числе ансамблей агрессивной музыки, различных кружков... И даже, к примеру, казалось бы таких безобидных, как иностранных языков, преподаватели которых специально приезжают из другой страны, выдавая себя, к примеру, за каких-нибудь «подлинных волонтёров» с совершенно «невинными целями»... Клохтуны собирают вокруг себя толпу. Причём на первый взгляд они могут выглядеть и вполне приятными миролюбивыми людьми, уважаемыми в определённых кругах общества. Клохтуны очень тонко играют на подсознательных мотивациях людей, умело примешивая негативные тенденции. Но как только люди начинают доверять им, они тут же переводят их мысли на доминанту какодемона. Человек открывается в своих отрицательных мыслях, в негативе, выплескивая прану. А Лембои через энергетическое поле Клохтуна, которое связано с «жертвами», забирают её для себя.

— А что происходит с тем человеком, из которого качают прану? Как распознать «жертву»? Человек как-то чувствует утрату жизненной силы в плане

психологического угнетения? Или это выражается в навязчивых мыслях о самоубийстве? — поинтересовался отец Иоанн.

— И не только у него могут возникать подобные мысли, но и у ближайших родственников, знакомых, с которыми он близко связан. Иногда это проявление воровства праны настолько сильное, что в качестве его последствия на «жертву» внезапно обрушиваются тяжёлые болезни, от которых она вполне может скоропостижно уйти из жизни.

В основном у «донора-жертвы» после работы Клохтуна возникает сплошная полоса неприятностей, от которых он ещё больше открывается, становясь чрезвычайно нервным и раздражительным. Зачастую сами «доноры» или их близкие начинают болеть одной болезнью за другой. А врачи потом голову ломают: одно вылечили, другое прицепилось, другое вылечили, третье появилось. И списывают всё на синдром хронического больного, мол «всё он выдумывает, шиза в голове». А на самом деле человек просто «законтачен». В нём кто-то хозяйничает из круга Кандука. И все его болезни по большому счёту возникают именно из-за искусственной выкачки праны. Организм ведь начинает сигнализировать, пытается всячески сопротивляться, так сказать кричать во всю глотку «SOS!». Вот у человека и получается «вечная проблема со здоровьем».

— Я таких пациентов не один десяток могу привести в пример, — в ужасе проговорил Николай Андреевич, отпрянув на спинку кресла. — И что, все они «законтачены»?!

— С психологическими проблемами — большинство... Конечно, нельзя все случаи болезней списывать на действия кругов Кандука. Организм есть организм. Сбои в нём, как в материи, естественны. И хронические заболевания ему присущи. Просто

надо своевременно ухаживать за своей биологической машиной, делать профилактику и не запускать. Но главное, вопреки желаниям своего Животного начала, держать в голове только позитивные мысли, жить с любовью в сердце, с любовью к Богу и создавать благодаря этому вокруг себя положительное поле. Тогда уж точно ни одна зараза не прицепится.

Сэнсэй замолчал. Он допил минеральную воду и поставил пустую бутылку на стол.

— А что это за третий круг... Изныль? — угрюмо спросил Сергей у Сэнсэя.

Отец Иоанн с усмешкой покачал головой.

— Ну и названия у этих ребятишек — Клохтуны, Изныль... Изныль — это от слова «изнывать» что ли? Чахнуть нравственно?

— В точку попал! — кивнул Сэнсэй.

— Я так и знал. Сплошные «Чезлыки Нэвмырущые»...

Сергей вопросительно посмотрел на Вано.

— Кто, кто?

Отец Иоанн повернул голову в его сторону и со всей своей неотразимой щербатой улыбочкой произнёс:

— «Ч*е*злык Нэвмыр*у*щый» — это в переводе с украинского означает «Кощей Бессмертный». Надо читать современные народные сказки хотя бы по ночам, а неизвестно чем там заниматься.

После секундной паузы все четверо звучно рассмеялись.

— Точно, что «чезлыки», — насмешливо промолвил Сэнсэй и вновь перешёл на серьёзный тон разговора. — Ты прав, действительно Изныль в народе называют не иначе, как «тяжёлыми людьми». Они постоянно ноют, что всё плохо, что им трудно живётся, вечно всем недовольны, вечно у них какие-то проблемы, которые они пытаются повесить на других. Они

истеричны, легко заводятся на скандал и зачастую сами провоцируют ссору. Причём после этого чувствуют значительное облегчение, даже своеобразный прилив сил, тогда как оппонент ощущает себя целиком разбитым.

— У таких людей и здоровье, наверное, никудышное, — заметил Николай Андреевич.

— Совершенно верно.

— Тогда зачем они нужны Кандуку, если с них взять-то нечего? — пожав плечами, спросил Сергей.

— Они, конечно, не представляют энергетической ценности для кругов Кандука, хотя и с них тянут прану. Однако эти люди имеют выходы, доступ к энергополю своих знакомых, друзей, родственников и сами по себе являются индивидами активными, с активным какодемоном. Поэтому Изныль удобны Кандуку и его окружению в том плане, что они легко провоцируют у людей в своём окружении стрессы, депрессии, агрессию и соответственно являются проводниками их праны. В общем, такие мелкие массовые воришки.

— Ясно, — протянул отец Иоанн. — Тырят, значит, по мелочи.

— Получается, вся эта нечисть действует по одному принципу, — подытожил Николай Андреевич. — Они сближаются с человеком...

— ...зачастую становятся лучшими друзьями, — добавил Сэнсэй.

— ...Провоцируют его на агрессию, — продолжил психотерапевт. — И как только в человеке идёт всплеск отрицательных мыслей какодемона, они пробивают его ауру на энергетическом уровне и начинают забирать высвобождающуюся энергию праны. После этого человек болеет либо у него наступает депрессивное состояние.

— Это в лучшем случае, — соглашаясь, кивнул

Сэнсэй. — В худшем, если воздействует непосредственно сам Кандук или Лембой, то он подталкивает «жертву» к тому, чтобы она совершила самоубийство или сознательно спровоцировала себе несчастный случай. В момент смерти «жертвы» он забирают всю жизненную энергию человека... Чужая физическая смерть для них как глоток свежего воздуха. Чужая боль — это их подпитка, можно сказать их своеобразный наркотик.

— Так, стоп, — проговорил Сергей, приподнимая указательный палец. — Что значит Кандук или Лембой воздействуют непосредственно? Выходит, они иногда всё же напрямую контактируют с «жертвой», не через свои круги?

Вано оживлённо глянул на него и подхватил мысль:

— То есть, «побоку конспирация, мы пошли на охоту»?! А это шанс...

Все посмотрели на Сэнсэя. Тот улыбнулся и пошутил:

— С вами и говорить неинтересно, всё наперёд знаете... Вы правильно заметили, Кандук иногда даёт промашку и засвечивается в обществе либо от пранного голода, если ему не удаётся создать собственные накопительные круги, либо ему просто захотелось «сладко покушать» для собственного удовольствия. Тогда, конечно, вычислить его проще... Если он контачит сам с людьми, впрочем, как и Лембой, то творит вещи посерьёзней, чем Клохтуны и Изныль.

— Например? — спросил Сергей, сосредоточенно глядя на Сэнсэя, словно удерживая в уме единую нить своих вычислений.

— Ну, к примеру, Кандуку по большому счёту не нужно собирать толпу и проводить её психологическую обработку, кодировку, чтобы вытащить прану, хотя и это для него не проблема. Ему достаточно

с кем-то встретиться взглядом, и если человек будет открытый, с доминированием какодемона, считай, он попался, как кролик в пасть удаву.

— Ты имеешь в виду те фазы открытости, когда человек слишком возбуждён, или восприимчив, или разозлился на кого-то? — уточнил психотерапевт.

— Совершенно верно, — подтвердил Сэнсэй. — Почему? Потому что в это время ослабляется «защита» и человек становится доступен для любого, скажем так, «вируса» извне. И чем злее и агрессивнее становится человек, тем он беззащитнее перед воздействием Кандука и его окружения. Давайте разберём такой простой пример: человека разозлили где-то в очереди. Он начинает возмущаться, роптать. И в это время чувствует взгляд. Многие не замечают, откуда конкретно он исходит, но чувствуют его на себе. И у человека идёт как бы дополнительный всплеск, как будто что-то загорается внутри. Он начинает ощущать прилив сил, начинает доказывать свою правоту. По большому счёту она никому не интересна, эта его правота. Но людей как намагниченных тянет на склоки, споры до хрипоты и остервенения. Вот они и открываются для Кандука и его приспешников. А ведь сколько раз предупреждали людей, тысячу раз говорили — не желай никому зла, никому и никогда...

— Вот, вот, — подтвердил отец Иоанн и поучительно добавил: — Почему Иисус и говорил, что ударили тебя по левой щеке — подставь правую. Тебе же, чадо, безопаснее будет.

Присутствующие заулыбались.

— Точно... Так вот, — продолжил Сэнсэй, — когда Кандук или Лембой фиксирует открытого человека — всё, дальше, как говорится, уже дело техники. Буквально в течение суток или двух эта «жертва», даже при жизненном благополучии и обустроенности в семье, на работе, в обществе, вдруг ни с того ни

с сего кончает жизнь самоубийством, явным или замаскированным способом в виде несчастного случая. То есть, данного человека в какой-то момент, грубо говоря, клинит...

— Как говорят специалисты, человек проявляет бессознательное суицидальное поведение, — вставил Николай Андреевич.

— Совершенно верно, — согласился Сэнсэй. — Бросается под машины или выбрасывается из окна и так далее. И главное, в этих случаях «жертва» совершает поступки, ведущие к стопроцентному летальному исходу. Кандук же во время смерти человека, удерживая его энергетику в своих руках, полностью забирает его прану... Но взрослый человек — это так, ерунда, добыча Кандука либо от пранного голода, либо попутная «дичь». Если он выходит сам охотиться, то, как правило, охотится на младенцев, детей, то есть на жертв, где есть очень большой запас праны. Для него чем моложе, тем лучше.

— Вот нечисть поганая! — не удержавшись, в сердцах произнёс отец Иоанн. — Ничего святого... Даже детьми не брезгует!

— В том-то и дело...

Николай Андреевич тяжко вздохнул и покачал головой:

— А они что, маленьких детей тоже подлавливают взглядом или через кого-то провоцируют ребёнка на всплеск агрессии?

— Боже, что в мире творится... дурдом, — никак не мог успокоиться отец Иоанн.

— Погоди, а как же младенцы? — рассуждал Николай Андреевич. — У них ведь нет ещё, как таковой, осознанной фиксации мысли. В первый год жизни появляются лишь простейшие эмоции.

— Кандук действительно не может напрямую воздействовать на младенца, — ответил Сэнсэй. —

Но вот окружение младенца — хороший проводник. Ведь именно на чувственном уровне младенец очень тесно связан с матерью или с людьми, которые, заботясь о нём, составляют его ежедневное окружение. Поэтому Кандук ловит кого-нибудь из членов этого окружения на доминировании отрицательных мыслей. А потом, к примеру, когда семья с младенцем едет в машине, отец, законтаченный Кандуком, по «необъяснимым причинам» набирает скорость и резко выруливает в кювет. В момент смерти младенца Кандук берёт очень много чистой энергии.

— Вот же п*о*гань! И как только таких Земля держит?! — пробормотал отец Иоанн.

— Или вот другой пример тёмных дел Кандука или Лембоя после законтачивания кого-нибудь из окружения младенца. Семья ложится спать. Все рады, довольны, весь вечер смеялись, строили грандиозные планы на будущее. А среди ночи мать встаёт и убивает своего младенца и кончает с собой или же берёт ребёнка на руки и выпрыгивает из окна многоэтажки.

— Да, к сожалению, это не редкий случай. Я смотрел статистику, — кивнул головой Николай Андреевич. — Типичным суицидом эти случаи точно уж не назовёшь.

— Верно, — заметил Сэнсэй, — так как здесь проявляется непосредственное действие Кандука или Лембоя. Эти случаи чётко отличаются от обыкновенных суицидов, когда люди гибнут от депрессии, алкоголизма, наркомании, смертельных болезней, вследствие психических расстройств.

— Кстати говоря, по статистике волна таких непонятных суицидов проходит в основном по промышленным городам, — подметил Николай Андреевич.

— Потому что на сегодняшний день Кандук, как правило, селится и плетёт свои круги именно в крупных промышленных городах. Если в городе насчиты-

вается около трёхсот самоубийств, будь уверен, большая часть из них произошла из-за непосредственной деятельности Кандука или его окружения. Так это ещё без учёта несчастных случаев, которые зачастую далеко не случайны, если в городе есть эта нечисть.

— Да-а-а, — протянул отец Иоанн. — В несчастном случае тяжело доказать, что это был именно суицид. Как говорят в правоохранительных органах, суицид легче заподозрить, чем доказать...

— Мне тоже приходилось сталкиваться со случаями смерти, отмеченными как несчастные случаи, которые на самом деле больше были похожи на замаскированные самоубийства, — проговорил психотерапевт.

— Сейчас стало модным скорее убийство маскировать под самоубийство, — с грустью вставил отец Иоанн.

Николай Андреевич выслушал его и продолжил:

— Однажды я был в одной компании с начальником областного ГАИ. Так он как раз рассказывал о том, что скрытые самоубийства нередко происходят с водителями на проезжей части. У них даже прозвали эти случаи «автоцидом»... И всё равно остаётся спорным вопросом, насколько случайными были эти несчастные случаи. Ведь во многих происшествиях всё списывается на психологический контекст: невнимательность водителя, превышение скорости, ошибки в оценке ситуации, а также управление автомобилем в нетрезвом состоянии. Зачастую определяют как следствие не только осознанного, но и бессознательного саморазрушающего поведения человека за рулём. Оказывается, тут не всё так просто, если досконально разобраться.

— Не всё... так... просто, — повторил в задумчивости отец Иоанн.

В это время раздался телефонный звонок.

— Минуточку, — сказал Сэнсэй своим друзьям.

Он встал, подошёл к телефону и снял трубку.

— Да... Слушаю вас... Да... Да... Лучше во второй половине дня... Хорошо... Всего доброго.

Сэнсэй положил трубку, вернулся и, усевшись в кресло, продолжил разговор:

— Вот такие пироги.

Сергей помассировал виски и медленно сказал:

— Как я понял, в этой структуре схема проста. Даже чем-то похожа на пасеку... Кандук является Хозяином пасеки, который собирает и ест мёд. Лембой — это матка в улье. И таких ульев у Кандука, как я уразумел, несколько. Клохтуны — это соты, которые привлекают, организовывают пчёл, а также кормят Лембоев и Кандука. А Изныль — это массовые рабочие пчелы, которые «летают» среди людей и собирают с них «мёд».

— Можно сказать и так, — согласился Сэнсэй. — Кстати, человек, с которого собирается этот «мёд», по их негласной терминологии называется «вязень», что означает «узник», «заключённый».

— Весёлые ребята, — горестно хмыкнул отец Иоанн.

— Да уж, обхохочешься, особенно когда вплотную столкнёшься с их деятельностью, — серьёзно проговорил Сэнсэй.

— Судя даже по статистике суицидов, разгул этой нечисти сейчас довольно массовый, — подчеркнул Николай Андреевич.

— К сожалению... Раньше Кандуки долго на одном месте не задерживались. Постоянно переезжали с места на место. И в принципе их перемещение можно было быстро вычислить. Там, где они появлялись, начиналась серия непонятных самоубийств, такой волнообразный всплеск. То есть эпизодично прохо-

дила волна, потом затихала. Затем вновь этот всплеск появлялся в другом районе или городе. И так они мигрировали, оставляя своих последователей, приближённых, которые продолжали воровать у людей жизненную энергию... А сейчас этими так сказать «оргвопросами» в основном занимаются Лембои да Клохтуны. Кандуки же оседают, как правило, в крупных городах, да так шифруются, что нужно потратить немало сил, чтобы их вычислить.

Сэнсэй замолчал. Наступила небольшая пауза в разговоре.

— Расплодилось этой нечисти однако, — проговорил Вано.

— Угу... Чересчур, — добавил Сергей.

— И самое главное, — произнёс психотерапевт, в основном обращаясь к Вано и Сергею, — ведь ещё столетие тому назад Россия была на последнем месте среди европейских стран по уровню самоубийств. Всего три случая приходилось на сто тысяч населения...

Сэнсэй кивнул, соглашаясь, и дополнил:

— И всего лишь один из трёх был спровоцирован окружением Кандука.

— А сейчас что творится в постсоветских государствах! — сокрушаясь продолжал Николай Андреевич. — Тридцать один случай на сто тысяч населения, когда двадцать случаев уже считается высоким показателем! И это число растёт из года в год. И не просто растёт, а омолаживается по возрасту суицидников. Это же катастрофа!

— Да, — отец Иоанн понимающе кивнул головой. — А люди словно открещиваются от этой проблемы, не видят и не слышат или не хотят её принимать во внимание, пока беда не нагрянет в их дом.

— Конечно, — подхватил доктор. — Об этой проблеме сейчас открыто заявляют только некоторые

психиатры, специализирующиеся на суицидологии. Но кто их слышит? Понятно, в СССР суицидологическая тематика замалчивалась, вплоть до 1985 года. Даже статистические работы были засекречены. Но в них же тоже отмечался факт неуклонного роста числа суицидов в стране. Этого нельзя было не заметить.

— А что творилось в 1993 году? Взять хотя бы ту же информацию по церковным каналам. — Отец Иоанн нахмурился. — Это же был целый разгул мракобесия! И никому до этого не было дела, как, впрочем, многим и сейчас.

— Но этот год ещё можно как-то объяснить крушением идеалов, обнищанием масс, дезорганизованностью стереотипов общественной жизни, — отозвался Николай Андреевич. — Так всегда было в обществе с низким социально-экономическим уровнем.

Сэнсэй отрицательно покачал головой и сказал, обращаясь к нему:

— Если ты будешь тщательно исследовать статистику самоубийств, начиная с давних времен, то не обнаружишь прямой связи между уровнем жизни людей и самоубийствами. Самоубийства в массовости своей — это побочный результат деятельности Деструкторов и естественное следствие активности кругов Кандуков, которые провоцируют людей на доминирование в их сознании какодемона. Люди сами виноваты, что желают и допускают плохие мысли и негативные установки в своё сознание, игнорируя позитив. От этого и страдают.

Не будем касаться примеров из древности, хотя их полно было во всех человеческих цивилизациях, возьмём то, что можно наблюдать сегодня. Вот, к примеру, Швейцария — казалось бы одна из самых богатых стран мира с высоким уровнем социально-экономического развития. Но несмотря на обеспе-

ченную жизнь её граждан, она уже в течение многих лет является одним из лидеров по самоубийствам в Европе. Да и в самих странах Европы, которые нам кажутся примером цивилизованной жизни, самоубийство входит в число десяти наиболее распространённых причин смерти. Я уж молчу о США, с их мнимой свободой для народа и реальной свободой для разгула Деструкторов и Кандуков с их окружением. Кстати, именно Америка на сегодняшний день является одним из основных мировых убежищ для Кандуков и их Лембоев. И именно здесь разработано очень много деструктивных психотехник, которые уже прошли апробацию в различных регионах мира.

Отец Иоанн хитро прищурился и, растянув губы в «щербатую улыбочку», проговорил:

— Не в образе ли той агрессивной дамы с дубинкой в руках под именем «Демократия»?

— В том числе, — ответил Сэнсэй.

— Да, сегодня у Кандуков особое раздолье, — посетовал Николай Андреевич.

Сергей согласившись кивнул:

— Если учесть всю услышанную здесь информацию, то их пирамидальные структуры растут во всём мире, прямо как на дрожжах.

— Ишь ты, эта нечисть даже на славянские территории позарилась, — хмыкнул отец Иоанн, думая о своём. — Осмелела... Думает, некому ей тут хвост прищемить, вместе с кое-чем другим...

— И главное, для достижения своих целей ничем не гнушаются, — возмущался в сердцах Николай Андреевич.

— Что верно, то верно, — поддержал его Сэнсэй. — Используют любые средства... Как они только высокопарно не называют свои организации, вовсю используя имя Бога, духовных лидеров человечества! Как только не перекручивают истину, извращают по-

нятия о Любви, Свободе, чтобы привлечь к себе побольше пранного корма! Ничем не брезгуют, создавая даже сатанинские секты. В ход идёт всё, в том числе и знания человечества, накапливаемые веками для духовных целей.

Привлекают людей именно такими красивыми «обёртками» своих «конфет», я имею в виду названиями своих организаций, лекциями, семинарами с использованием известных во всём мире, раскрученных брэндов. Но когда человек попался на их крючок, начинается умелая обработка его психики, где незаметно заменяется Правда на Кривду. И человек становится рабом своего Эго, своего какодемона. Вы посмотрите, чем привлекают людей Клохтуны в свои организации! Они же тайно и явно играют на струнах Животного начала человека, на глубинных чувствах, исходящих от потребностей души, подменяя их своими установками.

— Да, — сказал отец Иоанн. — При внешней «праведной» оболочке, пропаганде «всеобщей любви» и безропотного подчинения руководителям этих организаций людям закладывается в подсознание агрессивность к окружающему обществу.

— Совершенно верно, — подтвердил Сэнсэй. — Даже есть названия сект с использованием имени Шамбалы и Беловодья. Это вообще анекдот! Ну, и на кого это рассчитано? На неграмотную толпу, на наивных людей, которые не имеют даже приблизительного представления, что такое Шамбала? Да Шамбала никогда не будет создавать среди людей никаких сект и религий, тем более собирать пожертвования, проводить лекции и семинары! Всё это есть продукт деятельности людей, причём во многих случаях преследующих далеко не благородные цели...

А что касательно Шамбалы, то парадокс в том, что во всех мировых религиях используются одни и

те же духовные зёрна знаний, первоначальным источником которых является Шамбала. Но сама же Шамбала никогда не вмешивается в дела человеческие, оставляя людям право выбора. А если она когда-то, где-то и влияет на глобальные процессы, то это влияние носит косвенный характер, не более того.

Сэнсэй замолчал, а потом стал говорить, глядя на свободное кресло, словно объясняя невидимому пятому присутствующему:

— Так что Шамбала — это Шамбала. Это не курортное место, не выставочный зал и не музей. И тот, кто ищет Шамбалу, пусть заглянет внутрь себя, обратится к себе. Для людей Шамбала, в первую очередь, — это чистые знания, которые приходят с той стороны сознания и открываются любому человеку, работающему над собой, над своей чистотой помыслов, удерживая доминирование агатодемона, Любви к Богу... Так что не нужно её искать во внешнем, на том «блюдечке с голубой каёмочкой», которое с притворной улыбочкой подносят те, кто просто использует в своих корыстных целях имя Шамбалы в качестве очередной «религии», возможно потому, что просто «ну очень проголодались». Нужно всего лишь заглянуть внутрь себя и разобраться наедине с самим собой: кто ты есть на самом деле и зачем пришёл в этот мир.

Возникла затяжная пауза, которую нарушил Сергей своим неожиданным вопросом:

— А людям реально когда-нибудь достичь полного объёма знаний Шамбалы?

— Как тебе сказать... — устало ответил Сэнсэй. — До полного объёма людям ещё очень далеко... Дай Бог, чтобы когда-нибудь, при самых лучших стечениях обстоятельств, люди приблизились хотя бы к сотой части этих знаний, если, конечно, смогут победить в себе какодемон. Тогда у них есть шанс.

Но смогут ли, вот в чём вопрос... Они на простейшем экзамене заваливаются... Сколько раз Шамбала пыталась дать людям чистые знания! И во что их люди превращали из-за своего раздутого эгоизма, своей непомерной мании величия? — Сэнсэй замолчал, а потом более спокойно добавил: — Знания — это не проблема... Проблема в человеке, в степени его духовности... Шамбала путь показать конечно может. Но толкать по нему взашей никого никогда не будет. Что люди хотят, то пусть и выбирают, куда хотят, туда и идут. Куда придут, то и пожнут.

Снова ненадолго воцарилось молчание, которое первым нарушил Сергей, вновь переходя на основную тему разговора:

— Я так думаю: если есть проблема по Кандукам, значит кто-то должен её решать...

— Кстати, а Шамбала не участвует в благополучном разрешении данной проблемы для человеческого общества? — тактично задал вопрос отец Иоанн, так сказать обходными путями.

— Шамбала? — удивился Сэнсэй. — А причём здесь Шамбала, если эта проблема целиком и полностью зависит от личного выбора каждого человека и человечества в целом? А право выбора, как известно, определено человеку самим Богом. Кандук и его свита могут войти в человека только тогда, когда тот добровольно откроет им «дверь», то есть беспрепятственно впустит их в свой разум через преобладание в его сознании отрицательных мыслей. Кто же людям мешает жить внутри себя с доминантой агатодемона, Любви к Богу и всему сущему? Прежде всего ты хозяин своих мыслей и тебе решать, что в тебе будет доминировать. Своим же эгоцентризмом, преобладанием в своём сознании мыслей Животного начала человек сам порождает таких промежуточных паразитов и сам от этого страдает.

А для Шамбалы эти паразитирующие существа не представляют никакого интереса. Кандуки не нарушают энергетического равновесия, души людей остаются нетронутыми и всего лишь идут на новую реинкарнацию. Поэтому для Шамбалы эта нечисть представляет такой же интерес, как для занятого своими делами человека блоха, живущая на соседской собаке, — с улыбкой сказал Сэнсэй. — Бодхисатвы могут только проинформировать людей об этой «нечистоплотности», но решать за них данную проблему никто не будет. Если люди хотят, пусть сами разбираются с ней. Ну а если не хотят, пусть живут и дальше с этой нечистью. Я повторяю, **жизнь человека — это его выбор и самостоятельное решение своих проблем**.

— Но эти Кандуки забирают у людей жизненную энергию! — зароптал было Вано.

— Ну и что? — невозмутимо ответил Сэнсэй. — Что такое жизненная энергия для человека? Образно говоря, это бензин. Пока бензин есть, человек едет в машине. Бензин кончился, человек вышел, перешёл в другую машину и опять поехал. То есть эволюция души оттого, что кто-то втихаря слил «бензин», не остановится, а лишь замедлится передвижение по «трассе» на какой-то промежуток времени. По большому счёту ничего страшного нет. Ведь что главное в этом передвижении? Главное, куда едет человек. Если он едет в нужном направлении, по центральным улицам и оставляет свои машины на охраняемых стоянках, это одно. А если петляет по закоулкам, бросает машину где попало, да ещё оставляет открытым бензобак, кто же в этом виноват, как не он сам?

— Ну у тебя и сравнительные аналогии, — усмехнулся батюшка.

— Зато понятно, — улыбнулся Сэнсэй. — Так что люди сами виноваты в своих бедах. Кандукам

всего лишь остаётся расставить силки и ждать, когда в них попадётся добыча.

— А в последнее время, судя по той же статистике, им и ждать не приходится, — вздохнул Николай Андреевич.

— Совершенно верно. Глупость человеческая в проявлении своего Животного уже превышает всякие границы. Потому у Кандуков и Лембоев пир горой, «ешь, не хочу». Потому они и наглеют, безнаказанно охотясь даже на детей.

— Безнаказанно? — зацепился за слово Сэнсэя Сергей. — Значит, всё-таки их кто-то наказывал? Тогда кто, если не Шамбала?

— Да были когда-то смельчаки, бросившие им вызов…

Отец Иоанн тотчас распрямил плечи и гордо выпятил грудь.

— Почему же были?

Сэнсэй глянул на его выпрямившуюся осанку и едва заметно улыбнулся.

— Потому что сейчас их практически нет. Из-за чего и нарушился общий баланс, из-за чего и начала разрастаться вся эта нечисть.

— А подробнее? — поинтересовался Сергей.

— Можно и подробнее… Когда-то этих людей называли Гели*а*рами. Издревле это был тайный союз людей, которые охотились за нечистью, в том числе за Кандуками и их окружением, чем очень сильно мешали им жить.

— Своеобразные бойцы невидимого фронта? — с загадочной улыбочкой проговорил отец Иоанн.

— Примерно так, — ответил, усмехнувшись, Сэнсэй и добавил уже более серьёзно: — Гели*а*ры действовали более чем скрытно. Их борьба не была похожа на обычную людскую, поскольку она совершалась за пределами сознания.

— За пределами? Это гораздо серьёзнее, — задумчиво высказался Николай Андреевич.

— Те негативные силы — это ещё хуже, чем его собственное Животное начало. Ведь они настолько искажают человеку восприятие действительности, настолько вводят его в заблуждение Кривдой, что он их стараниями практически полностью дезориентируется в поиске истинных духовных путей. Как правило, его сознание, зомбированное нечистью, долгое время не может объективно оценить реальную действительность...

— Это точно, — согласился Николай Андреевич с Сэнсэем.

— На этом невидимом фронте действуют не только Кандуки и их окружение, там полно и другой жаждущей нечисти. Поэтому задача Гелиаров заключалась в том, чтобы помочь людям не просто выжить, но и обезопасить вход в их подсознание от подобных паразитов, дабы человек смог самостоятельно делать выбор в развитии своей Сущности.

— То есть дать возможность людям развиваться естественным путём, совершать свой личный выбор? — уточнил Сергей.

— Совершенно верно, — кивнул Сэнсэй. — Причём Гелиары не подталкивали людей по духовному пути, не влияли на их веру или выбор. Они даже не вступали в вербальный контакт, как Лембои, Клохтуны, Изныль, а действовали с той стороны сознания, образно говоря защищали людей со спины. И что особенно важно, благодаря их деятельности у людей происходили естественные процессы внутреннего духовного роста, а всё искусственно нагнетаемое и стимулированное всякой нечистью просто исчезало, отпадало, словно шелуха.

— А как они жили, эти воины? Кем были в миру? — поинтересовался отец Иоанн.

— В миру? Они были просто хорошими и порядочными людьми, которые для всех жили якобы обыкновенной человеческой жизнью. В обществе в разные времена они занимали ту нишу, которая давала возможность, не вызывая особых подозрений со стороны окружающих, действовать не только на благо Отечества, но и в полной мере реализовывать свой духовный потенциал. Например, во время господства религий, Гелиары зачастую служили в различных религиозных организациях, учения которых были традиционны для той или иной местности, где они проживали. В Средние века, к примеру, в тех же странах Западной и Центральной Европы, часто служили рыцарями, собирая свои тайные духовно-рыцарские ордены. Гораздо позже, ближе к современности, трудились в тех структурах, работа которых была связана с длительными командировками. Раньше, столетие тому назад, маскировались в миру под каких-нибудь учёных в области естествознания, госслужащих или странствующих монахов, что давало им возможность бороться с нечистью в различных регионах. В общем, в различные времена приспосабливались по-разному. Но на самом деле это были просто люди Знания... И в принципе для них самих положение в обществе, если это не было связано с их истинной деятельностью, не было столь важным, как для обычных людей. Главным для них была внутренняя работа.

— Да, истинно Воины Света на службе у Бога... — проговорил в задумчивости отец Иоанн. — Они сравнимы лишь с истинно Святыми отцами, которые творили богоугодные деяния.

— У каждого свой путь к Богу, — мягко ответил ему Сэнсэй. — В некотором смысле путь Святых можно назвать эгоистичным, так как они пекутся о спасении своей души в ожидании Судного дня. Хотя

они и совершают богоугодные дела, учат других людей и даже молятся о них. Но учить других и сражаться самому — это большая разница, такая же, как и между словами и действиями. Вероятно сейчас вам тяжело её понять, но со временем вы сами это прочувствуете... Путь Святых можно назвать путём слабых, но и слабыми Святых не назовёшь по сравнению с остальной большей частью человечества. Кроме того не секрет, что многих знаменитых личностей просто приписывали к лику Святых, хотя они таковыми не были (не случайно человека, которого определённая группка людей выдвигала в качестве кандидатуры на причисление к лику Святых, канонизируют уже после смерти, и как правило в большинстве случаев по прошествии значительного времени, когда в живых уже не остаётся никого, кто бы знал данного человека). А вот к истинным Святым, как говорится, до сих пор не зарастает народная тропа и мощи их действительно чудодейственны.

Поэтому путь Святого и Гелиара — это два разных пути, ведущих к Богу. Каждый вправе выбирать ту дорогу, которую ему под силу преодолеть. И хотя Святые люди действительно достигали лишь того, что Гелиары постигали на первых стадиях своей борьбы, ничего страшного в этом нет. Просто на такой жизненный подвиг, на который шли Гелиары, способны далеко не все. Даже на путь Святых, надо сказать, желающих единицы, не говоря уж о Гелиарах. Гелиары тем и отличались от Святых, что не ждали последней битвы Света и Тьмы, а сознательно вступали в неё здесь и сейчас. И не просто боролись за свою душу, но и приносили огромную пользу миллионам других душ, способствуя их естественному развитию. Это, конечно, очень трудный путь.

— А в чём конкретно выражается трудность этого пути? — спросил Николай Андреевич.

— Ну, если вкратце... Во-первых, Гелиар для окружающих должен был оставаться обычным человеком, вести естественный образ жизни, дабы не провоцировать, как я уже говорил, животную агрессию людей против себя. Во-вторых, Гелиар постоянно должен был контролировать себя не только внешне, но, самое главное, внутренне, дабы его Духовное превалировало над Животным. В-третьих, помимо всего этого, Гелиару ежедневно приходилось работать со сложными медитациями для того, чтобы пребывать на страже людей той местности, где он охотился на нечисть. То есть, находясь в обществе и ведя привычный образ жизни, он, по сути, постоянно существовал и работал на той стороне реальности. Так что это очень сложный путь... Зато в духовном отношении это было значительное продвижение, я бы сказал — скачок по духовным ступеням.

— Да, — проговорил отец Иоанн. — Видать сам Дух Святой подкреплял и ходатайствовал за них воздыханиями неизреченными.

— Гелиары творили реальное добро... Даже Бодхисатвы Шамбалы, в том числе и Ригден Джаппо испытывали к ним особое уважение за их ратный внутренний подвиг. Гелиары ещё при жизни своей заслуживали право выйти из круга реинкарнации и свободно уйти в Нирвану. То есть, выражаясь христианским языком, Врата рая для них всегда были открыты, и сам Архангел Гавриил проводил их через эти Врата...

В разговоре возникла небольшая пауза.

— Как я понял, Гелиары действовали сообща, — снова подытожил Сергей. — А какова тогда внутренняя структура Гелиаров?

— Почти такая же, как и у Кандуков.

Сергей удивлённо вскинул брови.

— Если есть какая-то сила, — сказал Сэнсэй. — то ей противопоставляется равная сила, в результате

чего уравновешивается монада. При возникновении Кандуков в человеческом обществе Гелиары, по сути, уравновесили монаду, отчего и в обществе наступил относительный баланс.

— Так я не понял, чем у них похожа структура? Таким же делением внешних кругов?

— Да нет, не внешних. Там сходство с внутренним кругом силы. Как у Лембоев есть Кандук, так и у Гелиаров есть Этимон, так сказать их командир. Этимон означает «хранящий основу», «истину». В общем, это самый опытный и наиболее духовно развитый Гелиар. Этимон координировал действия группы, вёл Гелиаров по пути, помогая осваивать пройденные им самим этапы борьбы и духовного развития. Когда кто-нибудь из Гелиаров вырастал до уровня Этимона, он либо замещал своего командира, если тот, выполнив свою работу, собирался уйти в Нирвану, либо создавал собственную группу, набирая Гелиаров из достойных людей, в которых в большей степени преобладали высокие нравственные качества и стремление к духовным знаниям. Как Кандук пытался собрать вокруг себя двенадцать Лембоев, так и Этимон набирал двенадцать Гелиаров.

— Так получается двенадцать Гелиаров и тринадцатый Этимон? — оживлённо проговорил отец Иоанн. — Прямо как у Иисуса — двенадцать Апостолов и Он — тринадцатый.

— Да. Потому что так образуется кольцо силы. Обычным людям это трудно понять, но люди Знания об этом прекрасно осведомлены.

— Но если это две равные противоборствующие силы, то они должны использовать для борьбы одну и ту же энергию, — увлечённо стал рассуждать Сергей. — Выходит, что и Гелиары задействуют свою прану. Следовательно, расходуя эту жизненную энергию и, видимо, в немалом количестве, а также учи-

тывая силу противника, Гелиары должны как-то пополнять свою прану, иначе их тела погибли бы при первом же сражении.

— Совершенно верно, — произнёс Сэнсэй. — Разница лишь в способах пополнения праны. Кандуки и Лембои воруют её у людей, зачастую лишая их жизни и не давая возможности развиваться их душам. А Этимоны и Гелиары добывают её безвредным способом для окружающих.

— А почему Кандук не может добывать прану безвредным способом?

— Потому что таким способом её можно добывать только при абсолютном доминировании агатодемона и жёстком контроле какодемона... Для Гелиаров эта жизнь — постоянная борьба, а для Кандуков жизнь — это наслаждение. Разницу заметил? — Сергей кивнул. — На том и строится монада.

Сергей помолчал и снова спросил:

— А почему Орден Гелиаров утратился?

— Ну как почему? Ценности в обществе поменялись. Ведь новобранцы в Гелиары набирались из простых людей. Ты посмотри сейчас на современное общество. В нём же наблюдается явный перевес Животного. Люди стремятся больше обрести материальных сокровищ, чем духовных. Поэтому Орден Гелиаров постепенно начал вырождаться. Ещё столетие назад последним Гелиаром была закрыта тамга Прави для людского общества, поскольку, как это ни банально, — глубоко вздохнув, промолвил Сэнсэй, — не нашлось духовно жаждущих людей, достойных продолжить это дело...

— ...истинно богоугодное, — сочувственно добавил отец Иоанн.

— Совершенно верно. Одним словом, тогда и было нарушено равновесие монады. Соответственно, общество получило неизменный результат.

Сэнсэй замолчал. Его собеседники тоже сидели молча, погрузившись в свои мысли. Наконец Сергей изрёк:

— А что значит была закрыта тамга Прави? Если мне память не изменяет, тамг*а* — это какой-то отличительный знак...

— Медальон, — уточнил Сэнсэй.

— А Прави... — продолжал размышлять Сергей, — это, по-моему, что-то из терминологии древних славян.

— Да-да-да, — припоминая, проговорил Николай Андреевич. — Точно. В космогонии древних славян упоминается три мира: мир Прави — мир Света, светлых богов, мир Яви — явственный зримый мир и мир Нави — потусторонний загробный мир. Славяне как раз славили мир Прави, поэтому считается, что ещё до принятия христианства назывались православными.

— Ну, честно говоря, это уже гораздо позже простыми людьми Прави был вознесён в ранг божества, — сказал Сэнсэй. — А Прави был для Гелиаров и Этимонов... ну, чтобы вы лучше поняли, чем-то вроде верховного главнокомандующего. Он возглавлял и координировал работу всех Этимонов, которые, в свою очередь, возглавляли Гелиаров. Хотя слово «возглавляли» — это не совсем правильное для такого рода деятельности. Ибо эти люди имели между собой отношения более чем дружеского или родственного характера. Никто из них не был ни выше ни ниже другого. Дисциплина прослеживалась и в мыслях, и в действиях. Просто более опытные в этом деле брали на себя б*о*льшую Ответственность... Прави держал под контролем и отвечал за координацию действий в общей духовной сети.

— В каком плане? — не понял Вано.

— Ну, скажем образно, нечто подобное Интернету, только в духовном варианте, — ответил Сэнсэй.

— Так что же означает «была закрыта тамга Прави»? — снова повторил свой вопрос Сергей.

— Тамга Прави — это такой особый медальон, с которым работало не одно поколение Прави. Естественно, в его кристаллах накоплена очень мощная сила. Когда тамга Прави находится в работе — она открыта. А открыта она всегда, когда работают Гелиары. Когда же с ней прекращают работать, как это случилось столетие тому назад, её закрывают. Проще говоря, тамгу оставляют в капсуле на хранение для будущего поколения Гелиаров.

— В капсуле? — удивлённо переспросил Николай Андреевич.

— Не в той капсуле, что вы подумали, — пояснил Сэнсэй. — Скажем так, чтобы вы не путались в понятиях, тамга просто хранится в горах, в недоступном месте.

— Горы далеко? — с улыбкой спросил Сергей и тут же добавил: — Хотя, честно говоря, если нужно, я готов пойти за ней хоть на край света.

Сэнсэй улыбнулся.

— Тамга — всего лишь инструмент. Главное — желание стать Мастером.

Сергей уверенно кивнул и серьёзно произнёс:

— Присутствует...

— ...и оно не одиноко, — дополнил его ответ Николай Андреевич.

— Так о то ж, — подтвердил отец Иоанн.

— Ну это главное, — добродушно сказал Сэнсэй. — А остальное — приложится.

3

Тамга Прави

(глава написана с использованием отрывков из дневников Анастасии)

Наступила весна. На одной из тренировок прошёл слух о том, что на следующие выходные не будет занятий, якобы Сэнсэй куда-то уезжает вместе с Николаем Андреевичем. Если бы в этом разговоре не фигурировало имя доктора, никто бы из нас не обратил на это внимание. А так чрезмерное любопытство нашей компании привело к тому, что мы не только разузнали, куда собираются ехать Николай Андреевич с Сэнсэем, но и напросились к ним в попутчики. Ещё бы, пропустить поездку в Крым, в горы, вместе с Сэнсэем, было бы непростительно! Тем более, как объяснил Николай Андреевич, причина поездки была проста. Мол он в последнее время стал увлекаться спелеологией, а Сэнсэй согласился показать ему одну из пещер.

Правда, молодое пополнение доставило Николаю Андреевичу дополнительные хлопоты. В нашем же воображении прогулка по пещерам граничила с романтикой. И никакого представления о реальной действительности. Чего там особо собираться? Взял рюкзак за плечи — и вперёд! Николай Андреевич же, надо отдать ему должное, подошёл к вопросу о

снаряжении очень серьёзно. По роду своей деятельности ему не раз приходилось сотрудничать с ВГСЧа (военизированной горноспасательной частью). Городок-то наш шахтёрский, все друг друга знают. Так что благодаря заботам доктора мы были обеспечены всем необходимым снаряжением для подземного спуска: и брезентовыми комбинезонами, и шахтёрскими касками с канагонками (канагонка — это фонарик на ремне, прикрепляющийся к каске), и дополнительными электрическими фонарями. Впоследствии это снаряжение оказалось более чем кстати в данном путешествии.

Помимо нашей компании, то есть Костика, Андрея, Татьяны и меня, а также Стаса, Женьки, Володи и Виктора в поход, оказывается, собирались Валера, отец Иоанн и Сергей. Сергей, как нам объяснили, был старым другом Сэнсэя, который с некоторых пор появился в его окружении.

В Крым решили ехать на машинах. Путь, естественно, неблизкий. Но возможно из-за того, что мы выехали на ночь, для пассажиров он показался не таким утомительным.

Утром Крымский полуостров приветливо встретил нас своей неповторимой природой. Весна здесь уже вовсю бушевала, покрывая свежей зеленью окружающие просторы. Сменяющиеся пейзажи за стеклом автомобиля были один очаровательнее другого. Они словно соревновались перед нами, как на конкурсе красоты. Мягкий климат позволял расти здесь целому разнообразию деревьев и кустарников, в том числе и реликтовых, порой придавая им самые причудливые формы.

Вскоре мы въехали в один из населённых пунктов и остановились у ворот какого-то дома. Сэнсэй с Николаем Андреевичем договорились с хозяином. Оставив в его дворе машины, наш небольшой отряд,

груженный палатками и продовольствием, двинулся в сторону гор. Идти пришлось довольно долго. Однако поход был только в удовольствие.

Всё вокруг утопало в зелени. То и дело попадались поляны, сплошь усеянные цветущими весенними цветами. А воздух — просто чудо! Удивительно лёгкий, чистый, насыщенный самыми изысканными природными ароматами. В одном месте веяло горной свежестью, бодрящим озоном. В другом месте порывы ветра доносили неповторимый запах моря. В третьем царствовало благоухание целого букета эфирных масел каких-то цветущих растений.

Подножие горной гряды, к которой мы направлялись, было уже недалеко. Однако Сэнсэй предложил остановиться и заночевать на полянке возле леса, поскольку уже вечерело, а в горах сумерки наступают быстро. Пока мы возились с установкой палаток, уже совсем стемнело. Благо наши ребята не поленились насобирать хворост по пути и мы не остались без горячей пищи. Наших любимых ночных посиделок возле костра устраивать не стали. Во-первых, все устали, а во-вторых, завтра, по словам Сэнсэя, нас ожидали не меньшие испытания на физическую выносливость. Поэтому сразу после ужина все пошли спать.

Утро встретило нас молочным, густым туманом. Так что собирались мы и продолжали свой дальнейший путь прямо как главные герои любимого народом мультфильма «Ёжик в тумане». Впрочем, в горах погода также меняется непредсказуемо быстро. Вскоре туман рассеялся, и мы к тому времени очутились возле самого подножия гряды. Но вместо того, чтобы двигаться к вершинам гор, Сэнсэй повёл нас вдоль подножья.

Солнце уже стояло довольно высоко. Небо было безоблачным. Вокруг пели на разный лад птицы. И всё это в совокупности с красивым горным ланд-

шафтом рождало прекрасное весеннее настроение. Парни всю дорогу обсуждали между собой, какие высокие участки скал они могли бы преодолеть с прихваченным ими скалолазным снаряжением. Но хотя они и мечтали о покорении вершин под неустанные комментарии и шутки Вано и Жени, Сэнсэй не спешил подниматься в горы, а по-прежнему вёл наш маленький отряд вдоль подножья гряды.

Вскоре мы подошли к выступающему скальному образованию, о котором Сэнсэй сказал, что это и есть конечный пункт нашей «поверхностной» прогулки. Мы с удивлением огляделись по сторонам. Ни тебе огромного полукруглого грота, который рисовало наше воображение в виде предполагаемого входа в таинственную пещеру. Даже ни одного намёка на расщелину! Заинтригованные такой загадкой, мы стали облачаться в шерстяную одежду и поверх её натягивать костюм спелеолога. Быстрее всех оделся Женька. Ожидая других, он стал исследовать местность. Но не обнаружив искомую щель в скале, парень озадаченно спросил:

— Сэнсэй, а здесь случайно «Сим, Сим, откройся» говорить не надо?!

Тот усмехнулся:

— Обойдёмся без формальностей.

Когда мы оделись, Сэнсэй предложил оставить здесь «лишний груз» в виде палаток, дополнительного снаряжения и вещей, которые наша компания по незнанию на всякий случай прихватила из дома. Мы занялись рассортировкой. Потом покомпактнее упаковали в свои рюкзаки еду и самые необходимые вещи, а остальное «замаскировали» за грудой камней. Когда всё было готово, Сэнсэй подошёл к одному из довольно объёмных камней, беспорядочно наваленных у скалы и визуально казавшихся неподъёмными, и легко отодвинул его в сторону.

— Прошу, — пригласил Сэнсэй, указывая на открывшийся лаз.

Мы удивлённо переглянулись и подошли поближе, разглядывая эту зияющую тёмную дыру. Особенно усердствовал Женька. Он даже лёг на живот и наполовину протиснулся в лаз, пару раз угугукнув для смеха. Затем попятился назад, присел на колени и автоматически отряхнув пыль с комбинезона с улыбкой признался:

— Да, теперь я понял, что чувствовал Вини-Пух, когда побывал в гостях у кролика.

Все рассмеялись. А отец Иоанн весело и наставительно произнёс:

— Вот до чего человека доводит грех чревоугодия! Ублажаешь без конца свою плоть белками да углеводами, а потом не то что в пещеру, во Врата райские не протиснешься...

— Ничего, — подбодрил сам себя Женя. — Там, где нельзя протиснуться, будем брать штурмом.

— А штурма-то хватит на твою «тискалку»? — «по-стариковски» прищурившись, поинтересовался Вано.

Новая волна смеха заглушила ответ расплывшегося в улыбке Женьки. Посмеявшись и немного отдохнув, наш коллектив стал готовиться к преодолению лаза. Сэнсэй показал нам, как нужно привязывать свой вещмешок к ноге, чтобы было удобнее передвигаться. Включив канагонку, он полез первым. За ним последовал Валера. Причём у обоих это получилось достаточно ловко, несмотря на кажущуюся узость прохода. Потом поползли Стас, Женька, Андрей, мы с Татьяной, затем и остальные.

Передвигались по-пластунски, упираясь локтями, прямо как разведчики на передовой. Гора охватила нас плотным кольцом своих каменных тисков. Мрачное подземелье встречало угрюмым молчанием. Лишь

наше кряхтение да шорох комбинезонов с вещмешками нарушали могильную тишину. В этом узком лазе гора словно проверяла непрошеных гостей на прочность, выдержку и самообладание.

Да, попадая в эти каменные клещи, испытываешь обострённое чувство перехода в совершенно иной мир. Ещё несколько минут назад твоё тело ощущало простор, находилось среди ярких красок природы и солнечного света, слух радовало пение птиц и жужжание проснувшихся после долгой спячки насекомых. А теперь чувствуешь себя словно заключённым в каменные оковы под многотонными глыбами могучей горы. Повсюду царила темнота. В прохладном воздухе ощущался запах камней.

Вначале было трудно свыкнуться со столь ощутимой разницей. Под этой огромной, ошеломляющей толщей скал, которая угрожающе нависала над нашими расплющенными телами, ощущаешь себя крохотным насекомым, судьба которого зависит от прихоти природы. Ярче обостряются мысли и чувства. Даже какой-то лёгкий страх сковывает движения. Но всё же любопытство пересиливает древний животный инстинкт. И жажда лицезреть таинственный мир подземелья придаёт уверенность и решительность пройти это первое испытание до самого конца.

Преодолев на животе метров двадцать пять и около десяти — на четвереньках, мы выбрались в небольшую пещерку, где вполне можно было стать в полный рост. Пока мы с Татьяной вылезали и дожидались остальных, Женя и Стас со смехом уже делились с Сэнсэем ощущениями и смекалкой по поводу своей изворотливости в лазе. Высокий рост и соответствующее могучее телосложение в данных условиях не совсем выгодны. Благо, руки у парней были достаточно крепкими, а то совсем худо бы пришлось не только им, но и всем нам: ведь мы ползли за ними.

Стас назвал это лазание шкуродёрством. По словам ребят в некоторых местах им приходилось проявлять просто чудеса дыхательной гимнастики, пытаясь выдохнуть воздух так, чтобы сильно уменьшить объем грудной клетки и благодаря этому протиснуться через узкие щели. Парни тоже по-своему пережили не самые приятные минуты встречи с подземным миром. И не только они. Судя по лицам Костика, Виктора и Николая Андреевича, не говоря уж о нас с Татьяной, те тоже испытали незабываемые ощущения. Последними выбирались Володя, Сергей и Вано. Но у тех был такой спокойный и естественный вид, словно преодоление лаза для них — пара пустяков. И если после такой неожиданной встречи с горой наша компания несколько приуныла, то Сергей и Вано, казалось наоборот получили от этого огромное удовольствие, точно вспомнили свою шаловливую юность.

Когда все были в сборе, Сэнсэй повёл нас дальше. Двигались мы цепочкой по каменному коридору с низким потолком, который буквально метров через пятьдесят стал незаметно расширяться. Несколько минут пешего хода вдоль однообразно тянущихся стен, и мы наконец-то были вознаграждены первым дивным видением, которое несколько приподняло нам настроение. На нашем пути предстал небольшой зал, украшенный сталактитами и сталагмитами. Довольно захватывающее зрелище — увидеть среди царства тоскливого мрака белоснежный островок, словно мираж в пустыне.

У ребят невольно вырвались возгласы восхищения. Мы побросали вещи и разошлись по залу, с интересом рассматривая это природное творенье. К потолку пещеры крепились длинные сосульки-нити сталактиты. А под ними, куда капала вода, от пола пещеры возвышались изумительные сталагмиты, напоминающие стволы пальм. Любопытно было

наблюдать тончайшую работу природы в виде ажурной бахромы вдоль трещин. А в некоторых местах, словно заколдованные кудесником, свисали такие причудливые сталагмиты, будто им вовсе неведомы законы силы тяжести.

— Вот это красотища! — промолвил Андрей.

Все ходили по залу, как завороженные.

— Надо же, какая трудоёмкая работа, — подметил Николай Андреевич, рассматривая очередной сталагмит. — Капля за каплей из года в год, из тысячелетия в тысячелетие. Целая летопись эволюции по сантиметру в год.

— Чьей эволюции? Пещеры? — полюбопытствовал Костик.

— Побережья Крыма.

Костик посмотрел на сталагмит со всех сторон и поправил очки.

— Вы это образно?

— Нет, почему? — Николай Андреевич посветил фонарём на соседний сталагмит. — Вот смотри сюда, здесь лучше просматриваются эти кольца, видишь, как у деревьев на срезе. Это химические записи формирования климата вне пещеры в течение всего периода, что рос сталагмит. А поставляют ему эту информацию с поверхности дождевые и талые воды.

— Здорово! А откуда вы это знаете?

— Читай больше и ты будешь знать.

Андрей, стоявший также возле нашего доктора, протянул руку к сталагмиту, но Николай Андреевич его поспешно остановил:

— Не трогай его! Если ты даже просто прикоснёшься к сталагмиту, то частички твоего пота будут уничтожать его в течение многих лет. — Андрей стыдливо отдёрнул руку. — Здесь ведь среда постоянная. Тут даже наше дыхание изменяет химический состав воздуха.

— Понял?! — подтрунил Андрея Костик. — Так что замри и не дыши!

Женька, услышав эту беседу, тотчас выдвинул «рациональное предложение».

— Тут перед входом надо табличку соорудить: «Дышать, чихать и кашлять человеческим воздухом строго воспрещается».

В темноте послышался смешок Вано:

— Да уж! Несмотря на то, что человек давно покинул пещеры, у некоторых индивидов, не будем показывать пальцами, пещера явно не покинула своих хозяев. Так и зияет своей непроглядной темнотой в их серых извилинах. — И вынырнув из темноты, хлопнул Женьку по плечу. — Пошли уже... пещерная инфекция.

Пока мы любовались красотами этого подземного зала, Костик вдруг присел, схватившись за живот, и начал учащённо дышать.

— Ты чего? — спросил Сэнсэй, заметив его состояние.

— Просто как-то не по себе стало...

— Может, у тебя клаустрофобия? — поинтересовался Николай Андреевич.

— Да вроде нет. Я вообще-то не страдаю болезнью замкнутого пространства. Просто как-то не по себе...

Разговор привлёк внимание других ребят.

— Э-э-э, ты смотри! — шутливо пригрозил Володя. — Болеть в танке нельзя.

— Да всё нормально, — махнул рукой Костик в свете лучей фонарей, направленных на него. — Просто не по себе... Сейчас пройдёт.

— Ну что ж, бывает, — спокойно проговорил Сэнсэй. — Иногда даже тем, кто ничем не страдает, становится в пещерах не по себе, особенно когда они впервые там оказываются. Тут человеческое воображение такие шутки может выкинуть...

— Вот, вот, так страху может нагнать, — подхватил Николай Андреевич, — что потом пятки долго будут сверкать даже на поверхности.

Ребята засмеялись. А Костик с улыбкой поднялся, сконфуженный столь непредвиденным всеобщим вниманием к его персоне. Чуть позже, когда ребята вновь разошлись по залу, Костик стал шептаться с Татьяной, а затем подошёл к Сэнсэю. Немного помялся, а потом смущённо пробормотал:

— Тут это... хм... может мы с Татьяной останемся?.. Мы лучше на поверхности вас подождём... Так сказать, вещи покараулим.

— Как хотите, дело ваше, — с улыбкой промолвил Сэнсэй. — Мы вернёмся нескоро. — И уже серьёзнее добавил: — Вам помощь-то нужна, чтобы выбраться на «поверхность»?

Костик неуверенно пожал плечами:

— Да справимся... надеюсь.

— Так, понятно. Сейчас я вас выведу. — И отыскав Вано, Сэнсэй сказал ему, кивнув на Костика и Татьяну. — Остаёшься за старшего. Я ребят выведу на «поверхность».

Вано улыбнулся и тихо произнёс:

— Что, всё? Романтика под землёй закончилась?

Сергей, услышав их разговор, предложил свои услуги.

— Сэнсэй, давай я их выведу, быстрее будет. Верёвкой соединимся в цепочку. Я первый пойду, и если чего их вытяну.

— Верно, пусть Серёга идёт! — подхватил Вано и в шутку сказал Сэнсэю. — А то ты у нас сегодня в роли Сусанина, тебя беречь надо.

— Добро, — усмехнулся Сэнсэй и, повернувшись к Сергею, попросил. — Только ты там аккуратнее на поворотах.

— Да понял я, понял.

Костика, Татьяну и Сергея соединили одной верёвкой. И когда всё было готово, те отправились в обратный путь. Оставшиеся же ребята, пользуясь этой временной передышкой, кто отдыхал, кто продолжал осмотр сталактитов и сталагмитов пещеры. Вскоре вернулся Сергей, в шутку отрапортовавший Сэнсэю об удачном завершении «операции».

Наш отряд двинулся дальше. Шли цепочкой друг за другом, правда, как мне показалось, в довольно быстром темпе. Я ещё подумала: надо же, пришли сюда, чтобы на пещеры поглазеть, а экскурсия у нас, точно с борта реактивного самолёта. Сэнсэй, как бывалый гид, уверенно вёл нашу группу. Проходы сменялись небольшими залами, залы — галереями. Наша дорога несколько раз меняла своё направление: то она пролегала вверх по склону, то уходила вниз под уклон, то резко поворачивала через какие-то узкие расщелины, выбравшись из которых мы пошли, как мне показалось, вообще в обратном направлении. То мы заходили в какие-то непроходимые, на первый взгляд, каменные ловушки, и Сэнсэй, не сильно утруждая нашу сообразительность, уверенно выводил всех оттуда абсолютно неприметными ходами.

Чувствовалось, что в некоторых местах менялась температура помещений. Где-то воздух был более влажным. На стенках таких проходов в свете фонарей блестели капельки воды. Где-то ощущался явный сквозняк. А на одном из перекрёстков вроде бы слышался далёкий шум подземного водопада.

Вначале я пыталась как-то ориентироваться. Но потом, когда мы несколько раз поменяли направление и прошли перекрёстки с ветвящимися в разные стороны ходами, я поняла, что мои усилия бесполезны. Но что удивительно — несмотря на столь извилистый, сложный по направлениям путь, мы шли по какой-то еле заметной тропе, причём в основном в

полный рост, хотя иногда всё же приходилось протискиваться и ползти на животе или на четвереньках. Там, где тропа спускалась резко вниз или поднималась круто вверх, виднелись шероховатые своеобразные ступеньки. Рядом с ними камень был совершенно гладким. Из-за нашей торопливости мне так и не удалось толком рассмотреть, являлись ли эти ступеньки природного происхождения или всё-таки искусственного. К нашему немалому удивлению передвигались мы довольно комфортно. Хотя лично я почему-то готовилась к каким-то невероятным испытаниям, как в психологическом плане, так и в физическом.

И ещё одно немаловажное наблюдение я сделала, правда касающееся своей человеческой натуры, попавшей в подобные условия. С самого начала пути, особенно после лаза, я постоянно испытывала странные ощущения какого-то неестественного страха. В результате и движения мои были скованными, и идти я старалась непременно в середине отряда, да и смотрела от страха больше себе под ноги. Окружающее казалось мне мрачным и пугающим. И чем больше об этом думала, тем больше тряслись мои поджилки. Я на ходу искала разные причины своего страха, сваливая всё в основном на странное воздействие пещеры. В конце концов довела себя до такого состояния паники, что ещё чуть-чуть — и точно бы рванула к выходу, если бы знала, конечно, где он находится.

Но моя теория о негативном воздействии пещер на психику лопнула, как мыльный пузырь, когда во время очередного пятиминутного отдыха, наполненного неизменными шутками наших ребят, я заметила олимпийское спокойствие большинства участников похода, явно наслаждавшихся пребыванием здесь. Николай Андреевич, тот вообще зря время не терял, по возможности с интересом рассматривая породу

окружающих стен. Такое моё наблюдение дало своеобразную взбучку нахлынувшим негативным мыслям, этим мелкопакостным агрессорам Животного начала, которые, казалось, так и караулили момент, чтобы поизгаляться над моим воображением. Страх сменился любопытством...

Интересно, из какого подземелья я так желала бежать: из природного или собственного «пещерного сознания», как точно выразился отец Иоанн? Чего я так боялась? Ведь совершенно очевидно, что где бы ни находился человек — под землёй, над её поверхностью, в любой среде — сила его страха заключается в его мыслях. Как говорится, о чём человек думает, тем и является. И мне просто стало смешно от своего страха, такого пустякового подвоха Животного начала. Успокоившись, я сконцентрировала свои эмоции и чувства на медитации «Цветка лотоса». И через некоторое время всё стало на свои места. Даже мозг занялся полезным делом, по достоинству оценивая удивительные творения подземного мира.

Едва спала пелена страха, передо мной открылся диковинный мир, о существовании которого я даже не подозревала, проводя свои будни на поверхности. Разглядывая по мере возможности причудливые каменные своды и стены, искусно выточенные водой за многие века, я приходила в восторг от такой грандиозной по масштабам работы. Ландшафт внутри пещер оказался чрезвычайно разнообразным. По крайней мере то, что мы успевали выхватить лучом света наших фонарей из вечной темноты, впечатляло. Созерцая эту красоту, я точно растворялась в чувстве восхищения, словно сливаясь в единое целое с невидимой жизнью таинственных недр.

Теперь я понимала, что тянет спелеологов в подземные путешествия. Это неповторимое чувство восторга, открытия удивительных уголков подземного

мира, где, возможно, никогда не ступала нога человека. Это потрясающее ощущение вечного таинства, загадочного покрова, открывающего свои сокровища лишь смелым, решительным людям, для которых преодоление трудностей стало правилом. Их огромная сила воли и настойчивость заставляет упорно идти вперёд измученное, уставшее тело, балансируя порой на грани жизни и смерти. Мы шли в отряде и то испытывали своеобразный волнующий трепет. А если идти в одиночку? Это сколько надо иметь мужества, чтобы не только физически преодолеть подземный путь, но и быть внутри себя целостной, волевой личностью? Личностью, которая ради великого таинства природы готова победить, в первую очередь себя и свои страхи!

Ведь пещеры прочно изолируют от внешнего мира. Своей абсолютной тишиной и непроглядной темнотой они заставляют человека невольно погрузиться внутрь себя, заглянуть себе в душу. Пещеры даже своей жизнью, тысячелетним существованием в неизменных условиях внутреннего климата чем-то похожи на самого человека, на его двойственность. Как бы внешне у человека ни изменялась судьба, обстоятельства, как бы его тело ни развивалось, а потом ни старело, в душе его, если туда не направлять свой взор, остаются всё та же темнота, тоска, тишина и вечное одиночество. И кроме тебя никто не имеет доступа к тому прекрасному и божественному, что скрывает тьма в подземельях твоего подсознания. И только ты своей неизменной Любовью ко всему сущему способен не только обрести своё настоящее сокровище внутри себя, но и огранить его в сверкающий кристалл, который озарит во тьме мыслей Божественный путь.

Если же смотреть с другой стороны, то столь идеальная изоляция пещеры от внешнего мира напоми-

нает изоляцию сознания во время медитации или молитвы, когда человек, отключаясь от внешнего мира, сосредотачивается на внутреннем. Такое же уединение от людской суеты, от проблем бытия, такая же идеальная тишина в сознании, в которой произносятся слова молитвы. Удивительные совпадения... А может быть для природы в глобальном масштабе именно такие вот места с неизменным климатом и являются своеобразными отдушинами, где природа, независимо от внешних условий может сохранить в пещерах зачатки первичной жизни на Земле, то есть самое для неё важное и дорогое. Ведь как для духовного человека важна душа, так и для природы — жизнь. Да, сколько дивного мы порой пропускаем, недооцениваем, сосредотачиваясь лишь на потребительском отношении к природе, на том, что то или иное место на Земле именно даёт человеку. Мало кто задумывается над тем, чем это самое место является для самой природы. И, к сожалению, наши массовые эгоистичные мысли и действия явно не проходят бесследно, как для самой природы, так и для людей в целом.

* * *

Наш отряд шёл довольно долго. Преодолев очередной туннелеобразный переход, мы попали в пещерный зал со множеством каменных перегородок. Там Сэнсэй объявил очередную большую стоянку на двадцать минут. Кто уселся на камни, кто просто снял вещмешок, оглядываясь вокруг. Женька же усиленно отряхивал свой комбинезон от пыли.

— Ну, ё-моё, сколько же тут её! — всерьёз возмущался парень, но потом, улыбнувшись, перевёл всё в шутку: — Вот я всегда не понимал двух вещей: откуда берётся пыль и куда деваются деньги?

Сэнсэй, устраиваясь на отдых, промолвил, словно бы между прочим:

— Если бы люди не были такими ленивыми, уже давно бы создали «отталкиватель» грязи. Вон поучились бы у природы, у цветка лотоса. Его листья прекрасно самоочищаются, отталкивая воду и грязь.

— Ну, то природа, в ней же всё ра-зум-но, — выделил последнее слово Николай Андреевич, восседая на камне и пытаясь освободить ногу из сапога. — А человек по большей части химией балуется, всё мыло усовершенствует.

— О то ж, — Сэнсэй усмехнулся, присев и прислонившись спиной к каменной перегородке. — Ну что поделать, бизнес, он и есть бизнес...

— А что это за «отталкиватель» грязи? — поинтересовался Стас.

— Да элементарная вещь, — проговорил Сэнсэй, прикрыв глаза. — Защитное покрытие в виде плёнки. Наносится на любую одежду. Весьма удобно... Да и делать-то её — раз плюнуть при современных технологиях. Берёшь полимер и соединяешь его с наночастицами серебра...

Поскольку Сэнсэй замолчал, пытаясь немного вздремнуть, никто не стал тревожить его дальнейшими расспросами.

Пока он отдыхал, мы тем временем рассматривали пещеру. Надо сказать, что она произвела на нас особое впечатление, прежде всего своей необычностью. Пещера напоминала объёмный лабиринт. Все её уголки были очень похожи друг на друга, так что если куда-то отойдёшь, потом долго ищешь обратный путь. И вроде идёшь на свет фонарей, отражающихся на куполе пещеры, а попадаешь опять в глухой угол. Даже наши мастера приколов, испытав на себе шутку пещеры в подобной дезориентировке в пространстве, старались без особых причин не отходить от отряда.

Но Женька, плут, и в этих условиях был в своём репертуаре. Сначала он решил напугать Вано, когда тот пошёл осматривать лабиринт. Едва отец Иоанн скрылся за камнями, Женька показал нам жестами: мол сейчас вы услышите крики из фильма ужасов. И тут же пошёл вслед за ним. Ожидаемого шумового эффекта не последовало. Вано вернулся довольно быстро, причём с другой стороны, а Женьки всё не было. В конце концов издали, откуда-то из темноты, послышался его жалобный голос: «Люди, вы где? Ау-у-у! Выходите на связь. У меня батарейки в фонарике сели, голосовые связки тоже. Помогите! SOS!!! У-у-у...»

Сэнсэй открыл глаза, слушая непрерывное завывание Женьки, и, глянув на довольное лицо отца Иоанна, умостившегося рядом с Сергеем, серьёзно произнёс:

— Да вытащите его оттуда, пока окончательно не заблудился. А то ж потом неделю будем искать.

Вано заулыбался и приподнявшись стал светить фонарём в определённый угол потолка пещеры.

— Иди на свет, чадо многогрешное...

Через некоторое время парень появился перед нами, сияя счастливой улыбкой. А затем тут же для смеха сотворил из себя образ слепого нищего, протянув вперёд руки. Он стал шутливо раскланиваться и благодарить всех за спасение его «немощного» тела. А перед батюшкой и вовсе упал на колени и стал отбивать земные поклоны. Во время своего очередного лобоприкладства «слепой нищий» неожиданно «прозрел», обнаружив у себя подранную штанину комбинезона.

— Упс! Ну и качество, мать их за ногу...

Прикрыв рукой дырку, под смех ребят, он подошёл ко мне и попросил нитку с иголкой в качестве «единовременной благотворительной помощи его пострадавшей натуре». Получив необходимое, Женька

удалился в соседний тупик, спрятавшись за угол, чтобы не смущать присутствующих своим портным делом. Он долго усаживался. Потом на стенке входа обозначилась отбрасываемая от света электрического фонаря тень парня, кропотливо зашивающего штанину. Мы же заговорили на житейские темы. Неожиданно Стас произнёс:

— О, чего это с ним?

Все посмотрели в сторону Женькиной «каморки». По тени было видно, как парень отмахивался от огромного мохнатого паука, который нападал на него сверху. Из-за угла действительно раздавались приглушенные хриплые звуки, словно человек прилагал все усилия для борьбы с «плотоядным насекомым». Стас даже привстал. Потом улыбнулся и бесшумно подкрался к тупику под нашими бдительными взглядами. Украдкой заглянул внутрь. И также неслышно возвратился, еле сдерживаясь от смеха. Оказывается, Женька усиленно разыгрывал трагикомедию театра теней, превратив мою лёгкую шапочку с махровыми кисточками, которую он видимо, втихаря стащил у меня из-под носа, когда просил нитку с иголкой, в огромного теневого паучищу. Когда Стас рассказал нам эти пикантные подробности, мы не выдержали и расхохотались, зааплодировав нашему неизменному комедианту. Женька, услышав хохот и овации, понял, что его авантюра с треском провалилась. Но он и тут не растерялся и воспроизвёл в игре теней чинный поклон «паука» и его «замученной жертвы».

Этот прикол Женьки настолько всем понравился, что парни стали пугать друг друга тенями «оживших» пещерных львов, огромных медведей. И неважно, что данные млекопитающие обитали тридцать-сорок тысяч лет назад. Главное, как говорится, сам процесс игры, рождающий незабываемые впечатления в незнакомом месте.

Наши шутники оживились. Новая забава заметно прибавляла адреналина в кровь и скрашивала время в походе. Именно скрашивала. Ведь наш путь не требовал приложения каких-то суперусилий. Никакого тебе преодоления подземных рек, никаких бездонных пропастей, на что некоторые из нас тайно надеялись. Володя, к примеру, тащил в своём рюкзаке болотные сапоги, уверяя Сэнсэя, что они обязательно понадобятся. Стас и Женька прихватили с собой верёвки и некоторое скалолазное снаряжение, как они объяснили, так, на всякий случай. Сэнсэй не стал им тогда возражать, махнув рукой. Сейчас, протопав достаточно длинный путь, парни, видимо, сами начали понимать ненужность всего того «хлама», что они несли на своих плечах. Наверное, мы как-то удачно обходили опасные места подземелья, поскольку наш путь в основном был, я бы сказала, очень цивилизованным в природном варианте.

Единственная «большая вода» встретилась лишь однажды. Пройдя очередную путаницу подъёмов, спусков и поворотов, мы протиснулись сквозь узкую расщелину, петляющую, как угорь, и очутились на небольшой площадке. Сразу повеяло сыростью. Почувствовалось, что мы попали в объёмное пространство. Лучи наших фонарей заскользили по темноте, высвечивая грандиозные сталактитовые красоты. В это время мы находились наверху, на скальном уступе. Под нами простиралось великолепное озеро, с кружевной, белоснежной окантовкой и сталагмитами внутри. В центре озера находилось семь огромных белоснежных сталагмитов, которые своей формой просто идеально были похожи на цветки лотоса. Если бы не их огромные размеры, можно было подумать, что это действительно живые цветы.

Мы осторожно спустились вниз по наклонному каменному уступу со своеобразными ступеньками

в виде наплывов. Вдоль озера тянулась еле заметная тропа. Потрясающая красота нарядного ажурного зала заставила нас заметно сбавить ход. Да и какая могла быть дальнейшая дорога? Может быть лучшего мы не увидим на своём пути. Сэнсэй, наверное понимая наше состояние, пошёл медленнее, давая нам возможность рассмотреть богатое убранство этого сказочного «дворца». С потолка величественно свисали сталактиты в виде экстравагантных перевёрнутых канделябров. А среди них громадными соцветиями по форме белых роскошных лилий свешивались букеты неувядающих цветов. Стены зала были буквально усеяны оригинальными белоснежными кисточками и помпонами, а в некоторых местах, словно лёгкой вуалью, покрыты очень тонким слоем белых кристаллов. И вся эта прелесть сверкала и переливалась ослепительным фейерверком в лучах наших фонарей. Всё выглядело до того кружевным, ажурным, хрупким и нежным, что я невольно затаила дыхание, глядя на столь изумительный, вечно цветущий в течение многих тысячелетий райский уголок, с любовью охраняемый недрами гор.

Но особенно поражали своими размерами и идеальной формой лепестков сталагмитовые лотосы. Глаз нельзя было оторвать от их белоснежной красоты. Никогда в жизни я не видела столь удивительных, чистых цветов, выращенных из минералов самой природой. Судя по восхищённым возгласам нашей команды, подобные мысли о необычно красивом видении посетили почти всех. Парням просто не верилось, что это чудо могла сотворить природа, мол это нереально. На что Николай Андреевич возразил:

— Несомненно, это дело рук природы! Похоже, эти лотосы являются субаквальными образованиями, натёчными отложениями. Это естественный природ-

ный процесс. На поверхности озера образуется тонкая кальцитовая плёнка. Затем она нарастает на сталагмиты, которые достигают уровня воды. Прирастая к бортикам «ванночек», кальцитовая плёнка постепенно увеличивает их высоту...

Но даже при столь исчерпывающих объяснениях Николая Андреевича, при его твердокаменном научном толковании, трудно было поверить, что подобная лотосовая красотища, именно в количестве семи штук, была создана только природой. Хотя, если не природой, то кем? Кто так точно на тысячелетия вперёд мог рассчитать направление и путь капли, сотворившей впоследствии своей неустанной работой подобное чудо?!

Честно говоря, не хотелось уходить от этого завораживающего взгляд лотосового озера. Однако Сэнсэй дал нам лишь немного времени на всё про всё, а потом двинулся дальше. Мы, естественно, пошли за ним, не желая отставать. На прощание это место преподнесло нам ещё один неожиданный сюрприз. В той стороне, куда мы шли, направляя свет, стали вырисовываться из темноты величественные скульптурные изваяния огромных сросшихся сталагмитов и сталактитов. Они, словно гигантские стражи, молчаливо охраняли лотосовое озеро.

Когда мы подошли поближе, то увидели, что один из них, находящийся посредине, напоминал лежащего Сфинкса, выступающего из скалы, похожего на того, что охраняет вечный покой у Египетских пирамид в Гизе. Почему-то из всех «скульптур» он больше всего приковывал взгляд своей просто мистической фигурой. Создавалось такое жуткое впечатление, будто белоснежный Сфинкс, как живой призрак, выдвинулся наполовину из стены огромной пещеры, дабы разглядеть со своей высоты тех, кто посмел нарушить границы его тысячелетнего покоя.

Просто мурашки бегали по коже, когда наши жалкие лучики света освещали огромную голову Сфинкса высотой, наверное, метров пять. С затылка на плечи спускались большие сосульки сросшихся сталактитов, похожих на царский намес. А на лбу возвышалась белоснежная фигурка в виде некого подобия урея — кобры с раздутым капюшоном. Выражение же его «человеческого лица» не было достаточно чётким, но это только усилило наши впечатления. Такая «туманная» загадочность лицевого рельефа была ещё привлекательнее, поскольку давала возможность каждому из нас мысленно дорисовать самому воображаемый образ. Но пожалуй, наиболее впечатляюще из таинственного лика проявлялись его глаза, играя причудливыми отблесками от направляемого нами света. Благодаря такому световому эффекту вся сталактитово-сталагмитовая скульптура оживала, и впрямь превращаясь в некого могучего Стража, охраняющего многовековые тайны своего подземного мира.

Его глаза произвели впечатление на всех. Наш отряд стал робко перешёптываться. Кто-то считал, что на месте его глаз находятся алмазы, поэтому дают такой удивительный блеск, кто-то просто рассматривал это как отражение света от природной выпуклости сталактита, а кто-то вообще убеждал остальных, что подобный эффект можно создать только искусственным путём. Один Сэнсэй сохранял в этом споре невозмутимое молчание.

Как ни странно, но путь наш пролегал именно к Сфинксу. По мере того как мы ближе и ближе подходили к этому природному изваянию, я стала испытывать даже какой-то лёгкий, суеверный страх. Муравьиным строем наш отряд миновал его правую сталагмитовую лапищу. И подойдя к левой, мы неожиданно свернули в очень узкий и тесный проход, незаметно расположившийся между вторым и треть-

им «когтём». Мне вдруг подумалось, что очутись я в этой пещере одна, вряд ли догадалась бы искать проход именно здесь, возле фигуры, вызывающей своим видом непонятный страх. Возможно, подстёгнутые такой же мыслью, каждый из участников путешествия пытался не отставать, все шли друг за другом след в след. Поскольку перспектива остаться один на один со Сфинксом, взгляд которого не просто пугал, а приковывал к месту, не очень радовала. И хотя каждый из нас хорохорился, споря, из чего сделаны глаза вечного Стража, но по сути, видимо, просто успокаивал этими словами свой мандраж от впечатляющей гигантской фигуры.

Когда мы выбрались через лапу Сфинкса в более просторный проход, кто-то даже вспомнил легенду о Сфинксе, вернее о Сфинге из греческой мифологии. Эта крылатая полуженщина-полульвица, обитавшая на скале около Фив, задавала прохожим одну и ту же загадку: «Кто утром ходит на четырёх ногах, в полдень — на двух, вечером — на трёх?» Кто не знал ответа, того пожирала. Разгадать смог Эдип, ответив, что это человек — в детстве, зрелости и старости. После чего Сфинга бросилась со скалы... Но одно дело — читать эту легенду дома, сидя с кружкой чая в удобном кресле. И совершенно другое — слушать её вновь после такой вот психологической встряски, когда ты реально испытал на себе всю гамму ощущений от встречи с пусть и сталагмито-сталактитовым, но не менее мистическим Сфинксом. Всё воспринимаешь совершенно по-другому, точно ты и есть тот прохожий, для которого загадка Сфинкса так и осталась неразрешимой, ставшей причиной гибели.

Ведь если глубже вдуматься, тут дело даже не в Сфинксе, а в самом человеке, застигнутом врасплох. Что вызывает у нас столь панический страх перед неизвестным? Наша внутренняя неподготовленность

к этому явлению, стихийность в мыслях, включающая фантазию воображения и порождающая жуткие образы, диктуемые Животным началом. И именно Животное начало поглощает наше внимание, заслоняя нагнетаемым страхом огромный источник духовной силы, для которой нет преград в этом мире. То есть человек, застигнутый врасплох, включает свою *привычную* доминанту в сознании. *И если он оказывается «обычным прохожим», то есть со своей привычной доминантой Животного начала в сознании, его будет ожидать та же участь, что и многих, для которых лишь эта жизнь — их единственная реальность, а смерть — не только физический, но и «духовный конец». А если на их месте будет духовная личность, тогда то, что для «обычного прохожего» казалось конечным в виде непреодолимого препятствия, для духовной личности будет всего лишь шагом на пути в вечность.*

* * *

После такого впечатляющего белоснежного зала мы вновь погрузились в тусклые тёмные проходы и галереи. Камень стал для взгляда опять-таки привычным. И я уже больше смотрела себе под ноги, чем по сторонам. Вот и ещё одна черта человеческой натуры — привычка. Сколько мы под землёй? Всего несколько часов. Сколько впечатлений было по поводу камня в самом начале пути — от панического страха до чувства подлинного восхищения! А теперь? А ведь прошло совсем немного времени, но всё вновь стало привычным, исключая, конечно, карстовые пещеры, в которых чуть ли не каждая сосулька казалась произведением искусства, полётом фантазии великого художника-скульптора Природы. Хотя я более чем уверена, что если бы карстовые пещеры

были бы такими же бесконечными лабиринтами, как наши каменные галереи, по которым мы передвигались, даже эту белоснежную красоту наш несовершенный мозг вскоре сделал бы привычной. А привычность вновь бы увела мысль в глубины своего «неповторимого Я», и мы бы в сотый раз обдумывали то, что каждый тайно считает для себя самым важным.

Во главе с Сэнсэем наш отряд прошёл ещё несколько подземных переходов. В каком-то месте туннель настолько сузился, что нам вновь пришлось ползти по-пластунски. Но результат наших усилий превзошёл ожидания. Мы попали в достаточно просторный зал. Хоть тут не было сталактитов и сталагмитов, это помещение удивило нас не меньше. Его поверхность представляла собой овальное дно давно высохшего озера. Посередине него находилось какое-то непонятное нагромождение огромных вертикальных валунов.

Сэнсэй повёл нас вдоль зала по левой стороне. Почти на самой середине боковой стены мы обнаружили ступеньки, которые поднимались метра на три, углубляясь в скалу, и заканчивались у входа в своеобразную лоджию. И если насчёт глаз Сфинкса мы спорили, сомневаясь в том, естественного ли они происхождения или кем-то искусственно созданы, то в отношении этих ступеней сомнений ни у кого не возникало. Над уступом скалы явно хорошо потрудились какие-то неизвестные мастера. Сэнсэй предложил расположиться здесь для длительного отдыха. Мы стали взбираться по ступенькам, по которым, очевидно, очень давно не ступала нога человека. В такую минуту ощущаешь какое-то странное чувство, словно соприкасаешься с сокровенной тайной неведомого прошлого, свидетелями которого являются эти молчаливые древние камни. Как будто ты сам

становишься частью этой истории, промелькнувшей своей тенью в многовековой летописи данной пещеры.

В «лоджии» оказалось три длинных ряда монолитных каменных скамеек, в виде больших ступеней. От усталости мы сбросили свои рюкзаки с плеч и с радостью повалились на скамейки, вытянув натруженные ноги.

Но долго сидеть не пришлось. Едва свет от наших фонарей пробежался по помещению пещеры, мы замерли в удивлении от открывшейся нам панорамы. Валуны, которые мы считали простым нагромождением камней, оказывается, располагались определённым рисунком в центре зала. Причём он хорошо просматривался именно сверху, так как верхушки монолитов были словно срезанны на одной и той же высоте. Первым своё предположение относительно контура рисунка высказал батюшка:

— Хм, выглядит прямо как старославянская буква «ж» с перекладиной посредине.

— Да, есть сходство, — кивнул Сергей.

— «Живица», «живите», «живот»... — пробормотал батюшка.

— Чего? — не понял Андрей.

— Так в кириллице называется эта буква, — пояснил отец Иоанн.

— А-а-а, — протянул тот.

— Проще говоря, «жизнь», — сделал вывод Николай Андреевич.

— Эта буква в древности означала не только жизнь. Это своеобразный символ Мирового Дерева, в коем есть два таинства: Жизнь и Познание, — уточнил батюшка.

— Да уж, — промолвил психотерапевт, — что вверху, то внизу. Прямо Явь и Навь.

— А мне это больше напоминает две каменные

лилии, перевёрнутые друг относительно друга, — заметила я.

— Похоже на какое-то огромное насекомое, — высказал своё видение Виктор.

Пока мы перебирали варианты, Сэнсэй, казалось, абсолютно не обращал внимания ни на наши удивлённые возгласы, ни на общую панораму валунов. Единственное, что его интересовало, это желание использовать выдавшуюся минутку для полноценного отдыха. Он потёр руками свои ноги, выполнив небольшой расслабляющий массаж через одежду. Именно в этот момент Виктор, не отрывая восхищённого взгляда от валунов, в удивлении спросил:

— Сэнсэй, а правда, что это?

— Иди да посмотри, — добродушно предложил ему Сэнсэй, массируя себе ноги.

Такая идея понравилась всем. Наш отряд дружно спустился вниз, оставив своего командира на отдыхе. Получив изрядную дозу адреналина от представшего перед нами зрелища, мы вообще забыли про усталость и стали ходить по залу, разглядывая его главную достопримечательность в немом удивлении. Двухметровые монолиты стояли в определённой последовательности друг за другом. Между ними находились практически ровные промежутки-проходы. Лишь у некоторых из них, расположенных посредине, проходы кое-где отличались расстоянием. Камни были хорошо обработаны, почти гладко. Женька дотянулся до скошенной верхушки и потрогал её руками.

— И как? — осведомился у него стоящий рядом Володя.

— Гладкая, как отполированная... Только пыли полно, — отряхнул парень руки и усмехнулся. — Одно могу сказать со стопроцентной уверенностью: «уборщиков» здесь точно давно не было.

— Да-а-а, — задумчиво произнёс доктор, осма-

тривая валуны. — Сколько же нужно вложить труда и знаний, чтобы сотворить такое! Одной геометрией тут не обойдёшься.

— Похоже, тот, кто это устанавливал, обладал ещё и недюжинным художественным талантом, — отозвался Вано, зайдя в самый центр валунного скопления, образующего своеобразный внутренний ход между двумя продольными половинками буквы «ж».

Мы ринулись к нему, протискиваясь между каменными глыбами. Перед нами в свете фонарей предстали загадочные символы, иероглифы, орнаменты и довольно необычный резной рельеф. В изумлении, открыв рты, наша компания стала рассматривать соседние монолиты. Многие из них были исписаны, но не все. Здесь, как мне показалось, не соблюдалась какая-то особая последовательность изрисованных и пустых каменных валунов.

— Прямо какой-то кладезь математических кодов, — заметил Сергей, разглядывая изображения.

— С чего ты взял? — спросил Вано, словно ректор студента, заложив руки за спину.

— А вот смотри, видишь повторяющееся одинаковое число клиньев? И здесь, и здесь... А на том столбе их больше. Явно смысловая нагрузка математического характера... Дело осталось за малым, — Сергей усмехнулся, — всего лишь узнать ключ.

— Хм, как говорил польский математик Хуго Штейнхаус: «Между духом и материей посредничает математика», — деловито подметил отец Иоанн, правда еле выговорив фамилию автора этих слов.

— Любопытно, любопытно, — восхищённо пробормотал Николай Андреевич, бережно поглаживая выпуклые рельефы рукой. — Если это действительно математический код, тогда... Великолепная идея: послание, не привязанное к какому-то определённому времени. И в то же время его сможет прочесть лю-

бое разумное существо, владеющее азами математических исчислений...

Их интригующий разговор невольно приковал наше внимание к этим рисункам. Ничего особо математического я там, конечно, не увидела. Ну были повторяющиеся символы, но мне это ни о чём не говорило. Гораздо интереснее показались рисунки и рельефы. Казалось, изобретательность тех, кто наносил их на поверхность камня, не знала границ. Здесь были спирали и треугольники, волнистые змееобразные линии, переплетающиеся друг с другом, борозды, напоминающие какой-то гигантский отпечаток пальца, концентрические круги, замысловатые фигуры и непонятные иероглифы. Причём, что интересно, некоторые монолиты были словно обособлены своей общей картиной. А другие, наоборот, представляли лишь часть общего большого рисунка, продолжение рельефа или орнамента которого визуально наблюдалось на рядом стоящих каменных глыбах. А в некоторых местах, особенно где монолиты образовывали угол поворота, продолжение рисунка было на валуне, расположенном через пустой монолит.

Любопытно было и то, какое воздействие оказывало на нас это место. Не договариваясь, мы ходили от монолита к монолиту друг за дружкой, словно боясь отстать или вырваться вперёд. Хотя, по сути, заблудиться здесь было невозможно, да и не в правилах наших парней воочию проявлять свой страх, даже если он есть. Но тут... Один только Валера, да в паре Сергей и Вано бродили вокруг монолитов самостоятельно, осматривая рисунки. А все остальные, сами того не замечая, кучно передвигались за Николаем Андреевичем, точно на экскурсии.

Бегло осмотрев стены этого своеобразного комплекса, мы с заметным облегчением стали взбираться по ступенькам наверх к Сэнсэю. Ну как тут было

удержаться от расспросов, находясь под такой лавиной впечатлений от монолитов? Усевшись на каменные лавочки, мы просто засыпали Сэнсэя вопросами. Но он лишь отшучивался, посмеиваясь над нашим взрывом эмоций.

— Сэнсэй, как ты набрёл на эту пещеру? — удивлялся Андрей.

— А что там за символы изображены? — спрашивал Виктор.

— Кто же эти камни так хорошо обработал? — лукаво интересовался отец Иоанн.

— Нет, правда, что за странный бункер? — выпытывал Женька, озираясь по сторонам.

— Да так, — махнул рукой Сэнсэй. — Комната для кроликов.

— В каком смысле? — не понял Андрей. — Здесь что, кроликов разводили?

— Ну, где-то приблизительно так, — смеясь вместе со всеми, уклончиво ответил Сэнсэй.

— Угу, ты сейчас расскажешь, — с усмешкой проговорил себе под нос отец Иоанн.

Минут десять мы мучили Сэнсэя своими нескончаемыми вопросами. Но он, как стойкий оловянный солдатик, только и знал, что отшучивался. И поскольку от него так и не удалось толком ничего добиться, в бой рассуждений и догадок ринулись наши интеллектуальные «тяжеловесы».

— Несомненно, это достаточно древнее сооружение, — начал выдвигать свою версию Николай Андреевич. — Похоже на какой-то древний культовый комплекс.

— И кто же, интересно, его построил? — полюбопытствовал Володя.

— Ну, Крым один из древнейших районов заселения, — пожал плечами Николай Андреевич. — Тут издревле жили люди Восточной Европы. Кажется,

с конца второго тысячелетия до нашей эры Крым был населён киммерийцами. В первом тысячелетии до нашей эры здесь жили тавры, потом — скифы. А затем кто только тут не побывал: и греки, и римляне, и готы, и гунны, и армяне, и потомки алан, печенегов, монголы...

— А русские? — не вытерпел Андрей, слушая все эти перечисления.

— И русские, когда Крым перешёл под покровительство России в 1774 году, — Николай Андреевич сделал паузу и вновь возвратился к интересующей его теме: — Но вряд ли кто-то из вышеперечисленных мог всё это построить. Мне кажется, этот комплекс намного древнее...

— Согласен, — кивнул отец Иоанн и выжидающе посмотрел на Сэнсэя.

Но тот сохранял невозмутимое молчание, явно наслаждаясь ходом стихийно возникшей дискуссии.

— Хм, намного древнее? — повторил Сергей и усмехнулся. — Намного древней — это уже неандертальцы.

— Ага, в каменном веке! — со смехом произнёс Володя.

— А что, — подхватил идею Вано и стал в шутку её раскручивать, — всё может быть. Неандертальцы — народ особый. Вон в последнее время поговаривают, что якобы мы уже не их потомки, мол это была отдельная тупиковая ветвь вида человеческого. Какие-то там сурьёзные различия в генах нашли. Короче, нашему роду гомосапиевскому они двоюродными братьями приходятся. Так у них, говорят, какая-никакая культура была. Огонь знали. Кстати, в пещерах жили. Да и шибко они шустро камень выделывали. Техника обработки была дюже особая, не походила на ту, что у нашего-то брата сапиенса... Да и вообще, неандертальцы населяли Европу, —

в качестве главного аргумента своей шутливой идеи выдвинул батюшка. — Это была их Родина.

— Здрасьте! — в иронично-претензионном тоне проговорил Женька: — А сапиенсы-то где вылупились?!

— Ну, где *вылупились* предки некоторых «особо одарённых» сапиенсов, что до сих пор своей жуткой мутацией топчут землю, я не знаю, — с ухмылкой сказал отец Иоанн, делая акцент на слове «вылупились». — Природа пока скрывает подлинную историю этого кошмарного эксперимента. А вот родиной homo sapiensa является Африка.

— Африка?! — удивлённо переспросил Женька, словно это было для него неожиданной новостью, и тут же закатился в приступе заразительного смеха: — Вот так! Банан всем вам, оказывается, мы — негры!

— Ну, кто «негр», а кто и «человек разумный», — насмешливо произнёс отец Иоанн и, глядя на немного перепачканное лицо парня, добавил: — И вообще, попрошу не обобщать массовость в свою черномазую, реликтовую индивидуальность.

Мы дружно посмеялись над этой очередной клоунадой наших юмористов, а, когда те притихли, вновь устремили взоры на каменный комплекс.

— Да, чтобы построить такое, нужна чёткая организация труда, соответствующая техника, чтобы обработать и установить данные глыбы, — повторил своё предположение Николай Андреевич. — Всё это предполагает наличие серьёзных знаний. И, в первую очередь, в области геометрии, математики, — перечисляя, Николай Андреевич стал старательно загибать пальцы на руке, — не исключено и астрономии...

— Физики, — добавил в тон Сэнсэй, словно помогая доктору с перечислениями.

И поскольку это было единственное серьёзное слово Сэнсэя среди его шуток, все с заинтересованностью посмотрели на него. Это всеобщее внимание заставило Сэнсэя замолчать. Но, как говорится, деваться было некуда, слово уже вымолвлено. Однако вместо объяснений Сэнсэй, глянув на Вано, с юмором проговорил:

— Хочешь местный прикол?

— Давай, — охотно согласился тот.

— Пойдёшь вон туда, — Сэнсэй посветил фонариком в ту сторону, откуда мы входили в пещеру. — Видишь вот эти ямки в стене? Взберёшься по ним в нишу. Отсюда, правда, её не видно.

— И что будет?

— Увидишь.

Вано недоверчиво посмотрел на друга, очевидно пытаясь разгадать какой-то подвох, и на всякий случай с улыбкой предупредил:

— Ну, гляди, чадо!

Он направился в указанную сторону. Мы с интересом стали наблюдать за ним и его последующим довольно ловким восхождением по отвесной стене. А потом некоторые из нас (Женька, Стас, Андрей и я) не поленились спуститься вниз и посмотреть, куда же полез батюшка, поскольку с лоджии была видна только выступающая часть скалы, за которой скрылся Вано. Оказывается, он взобрался чуть ли не под самый свод пещеры и попал в довольно вместительную нишу в виде широкого балкона. Когда мы подошли, отец Иоанн уже осматривал её с помощью фонарика. Очевидно, не найдя ничего особо примечательного, он пожал плечами. Опершись на каменные «перила», Вано посмотрел на нас сверху и громко спросил, чтобы быть услышанным Сэнсэем:

— Ну, и в чём фокус?!

Громогласное эхо разнеслось по всей пещере так,

как будто кто-то дал в руки Вано мощный микрофон и включил его на всю громкость. Мы аж непроизвольно вздрогнули. А Женька отскочил в сторону и пригнулся, как от взрыва.

— Ё-моё! Ну, всё, конец света настал! У батюшки голос прорезался...

Вано, тоже удивившись такому акустическому эффекту, воскликнул:

— Ого-го-го-го!

Эхо мощно прокатилось по залу, отчего Женька вообще в ужасе закрыл уши руками.

— Пошли отсюда, пока он нас глухарями не сделал, — со смехом предложил парень.

Примечательно, что по дороге назад мы отчётливо слышали не только распевку батюшки, но и его тихий разговор с самим собой. Звук с того места отлично резонировал по всей пещере.

Вернувшись, Женька сразу спросил:

— Сэнсэй, ты что, из батюшки Джельсомино сделал? — Мы засмеялись, вспоминая давнишний фильм нашей юности «Волшебный голос Джельсомино». А парень с улыбкой продолжил: — И так от него житья не было некоторым порядочным людям, так теперь он же и вовсе одними децибелами забьёт.

Мы удобнее устроились в «лоджии» с блаженством вытянув натруженные ноги. Накопившаяся усталость брала своё. После стольких километров пешего хода даже камень мне показался мягче пуховой перины. В это время отец Иоанн восхищённо бормотал у себя на балкончике:

— Вот это, я понимаю, акустика! Здорово! Мне бы такой акустический эффект в мою церквушку...

И уже громче повторил:

— Слышь, Сэнсэй? Я говорю, мне бы такую акустику...

Вместо Сэнсэя крикнул Сергей:

— Да слышим мы, слышим! Только не кричи, а то уже тут все оглохли.

— Да? — удивился Вано. — Вот это, я понимаю, акустика...

Он вновь прочистил голос, попробовал разную громкость. Приноровившись к оптимальному варианту силы звука, который, видимо, ему больше всего понравился, Вано певучим поповским голосом промолвил:

— Слава Отцу и Сыну, и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков. А́-ми-и-инь...

Его голос разлился по залу, заполняя пространство своим торжественным звучанием. Батюшка помолчал, очевидно прислушиваясь к эху, и, явно оставшись им вполне довольным, стал читать молитву Святому Духу:

— Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша.

Звук, расходившийся по залу, действительно производил потрясающий эффект. Даже мурашки по коже бегали от столь мощных вибраций голоса отца Иоанна, раздающегося из темноты. Этот звук порождал какое-то внутреннее вдохновение, пробирал до глубины души, как будто заставлял каждую клеточку тела вибрировать ему в унисон. Когда отец Иоанн закончил читать молитву, наступила абсолютная тишина, благодаря которой последние слова, как эхо, повторялись в собственном сознании, до мелочей точно воспроизводя тембр голоса батюшки. Словно завороженные мы сидели не шелохнувшись, наслаждаясь этим изумительным звуковым эффектом. Батюшка так разошёлся, что стал проводить целую

церковную службу. Он менял интонацию и постепенно перешёл на тихое, однотонное пение молитв. Его голос стал бархатистым, мягким, убаюкивающим. Я прикрыла глаза. Лёгкая дремота охватила моё сознание.

* * *

— Отличная акустика! — не переставал восхищаться батюшка, наконец-то спустившись со «звукового» балкончика.

— Это ещё что, — загадочно промолвил Сэнсэй и, глянув на свои часы с подсветкой, добавил: — Ладно, так тому и быть. Хотите ещё один фокус?

Мы закивали.

— Только надо будет потрудиться всем, чтобы всё заработало, — предупредил Сэнсэй, ещё больше интригуя нас.

Не раскрывая, в чём, собственно, дело, Сэнсэй вытащил из своего вещмешка длинную мягкую тряпку, разорвал её на лоскуты и вручил каждому из нас. Сохраняя тайну предстоящего «фокуса», он повёл наш отряд, как он в шутку выразился, на «боевые посты».

— И против кого мы будем воевать с этим страшным оружием? — со смехом спросил Женька.

— Против госпожи Пыли, — с улыбкой ответил Сэнсэй. — Ты же сам сетовал, что здесь давно «уборщиков» не было.

— Я?! — наигранно возмутился Женька. — Та то я так, не подумавши сказал. Ведь что такое пыль?! Это же украшение седой древности. Это же ценная частица богатого прошлого этой пещеры...

И далее Женьку понесло в бурном изложении целой эпопеи из жизни пылинки и соответственного «статуса её неприкосновенности на старости лет

в этой священной пещере». Володя же со смехом коротко резюмировал его пламенную речь:

— И что только человек не придумает, лишь бы не работать.

Мы полагали, что сейчас начнётся грандиозная уборка по очистке комплекса от пыли. Но вопреки нашим ожиданиям, Сэнсэй повёл нас не к монолитам, а расставил с правой и левой сторон овального зала относительно ступенек, дав задание тщательно протереть указанные им места в камне. И если ребятам достались участки на стенах, то Володе и мне — странные выемки, находящиеся между ступеньками, ведущими в «лоджию». Мы принялись усиленно чистить указанные места. Они представляли собой ровные, круглые углубления, в виде подноса, чуть утопленного одним концом в каменную породу под определённым углом. Когда я начала освобождать свой участок от слоя пыли и грязи, то обнаружила под ним гладко отполированный кристалл, похожий на горный хрусталь. То же самое оказалось у Володи и у остальных ребят. Все эти кристаллы, чем-то похожие на автомобильные фары, были разных размеров и вмонтированы в стены пещеры на разной высоте, под разными углами. По мере того как мы удаляли с них грязь, освещая этот участок своими канагонками, зал пещеры стал оживать в игре теней и света. В восхищении мы озирались по сторонам, думая, что это и есть тот самый фокус, который обещал нам Сэнсэй. В это время он сам, усевшись на ступеньках, возился с какими-то двумя странными предметами, оттирая их мелкие детали от пыли и что-то пытаясь в них наладить. То, что это оказалось двумя, видимо очень древними, необычными светильниками, я поняла тогда, когда Сэнсэй, закончив работу, запалил зажигалкой их «фитильки», создавая какое-то неестественное свечение.

— О, надо же, ещё работают, — удивился он сам себе, проверив и потушив древние «лампы».

Когда мы справились со своим заданием, Сэнсэй пригласил нас занять места в «лоджии», а Женьке поручил собрать тряпки. И тот, напустив на себя маску строгого контролёра, вернее контролёрши бальзаковского возраста, с забавными монологами стал собирать у нас тряпки, словно билеты на входе в летний кинотеатр.

Сэнсэй поставил Володю возле одного из кристаллов, находящегося в правой стене, недалеко от входа в пещеру. Сначала он помог ему направить под определённым углом свет электрического фонаря на кристалл. Перед нашими глазами возник феноменальный оптический эффект. Свет, несколько раз отразившись от зеркальных кристаллов, прошёл сквозь комплекс монолитов и... На противоположной каменной стене справа возникли две тени, похожие на человеческие фигуры со своеобразными скафандрами на головах. Помимо этих фигур в полутенях позади них просматривался пейзаж — море, горы и висящая над ними то ли луна, то ли солнце, в общем, чтобы быть точнее, круг, светлый изнутри. Среди нас пробежал ропот удивления.

— Это кто? Водолазы, что ли? — удивился Андрей.

— Почему водолазы? — отозвался Виктор. — Может, космонавты...

— Точно, космолазы! — утвердительно кивнул Женька.

Сэнсэй тем временем поставил Стаса к противоположной стене относительно той, где стоял Володя. Когда Сэнсэй отрегулировал угол падения света электрического фонаря Стаса на другой кристалл, свет вновь пробежал в своих многочисленных отражениях по пещере, дополнив объёмную подсветку

монолитного комплекса. И слева на «экране» возникла огромная тень ящера-динозавра. Но самое интересное, над его головой зависло уже четыре больших круга, а позади них — несколько меньших кругов, но уже каких-то нечётких.

По просьбе Сэнсэя мы потушили свои фонари. Он вновь зажёг «фитиль» древней «лампы» и заменил ею фонарь Стаса. Тень динозавра стала расплывчатой. Но Сэнсэй, наверное, как-то отрегулировал угол падения света, поскольку вскоре тень приобрела не просто чёткие черты, а стала точно живая. Движения динозавра были настолько реальными, будто он и впрямь присутствовал в пещере. Когда Сэнсэй проделал то же самое с Володиным освещением, заменив его древней «лампой», на «экране» ожили и фигуры в скафандрах. Они словно что-то обсуждали между собой относительно динозавра и круглых объектов на «небе». Тут мы, конечно, пожалели об отсутствии звука. Хотя, когда у нас прошёл первый шок от увиденного, Женька с успехом восполнил этот пробел, на ходу придумав смешную историю о большом гуляющем шашлыке. На что отец Иоанн заметил по поводу Женьки, мол «на дурной роток не накинешь платок».

Сэнсэй присоединился к нам, усевшись между Николаем Андреевичем и Вано.

— Ну, как вам фокус?

— Круто! — ответил за всех Виктор.

— Очень даже занимательно, — кивнул батюшка. — Неужели это от мерцания огня «фитилька» создаётся такая живая иллюзия? Даже не верится.

— Да, непростая схемка волновой оптики, — добавил Сергей, прикидывая путь движения и отражения света.

— А что вы хотели? — довольно произнёс Сэнсэй. — Седая древность была не столь примитивной, как полагают некоторые...

Он искоса посмотрел на отца Иоанна. Тот улыбнулся.

— Седая древность, говоришь... Ну, и насколько она была седая?

— Если я тебе скажу, ты всё равно не поверишь, — усмехнувшись, махнул рукой Сэнсэй. — Так что, как говорится, не будем портить воздух цифрами. Главное — суть. А суть перед глазами.

Некоторое время мы молча созерцали живую картину на «экране».

— Игра света и тьмы — вечный вопрос, — по-философски заметил «суть» Николай Андреевич. — Древние считали, что видимый мир образован слиянием двух противоборствующих начал — света и тьмы, добра и зла.

— Можно и так сказать, — согласился Сэнсэй. — Первое — свет, рождает душу человека, второе — тень, рождает тело человека. Когда произойдёт освобождение заключённого в темницу света, тогда наступит конец мира.

— А что это за круги вверху? — полюбопытствовал Володя.

— Это напоминание и предупреждение потомкам о том, что было, и о том, что будет.

— А что было и что будет?

— Да всё как всегда. Конец и начало. Уничтожение, предшествующее обновлению мира.

— А причём тут пять кругов? — не понял Николай Андреевич.

— Одновременное появление на небосводе нескольких светил, как вон видишь над динозавром, означает начало конца, гибель изжившего себя мира. А одиночное «солнце» в стороне — начало новой обновлённой жизни.

— Интересная трактовка символики, никогда такого не слышал, — признался Николай Андреевич.

— Да ну, старо как мир, — возразил ему Сэнсэй. — На Востоке полно об этом преданий. Возьми хотя бы буддийские. Там ясно говорится, что разрушение мира наступает вследствие того, что огонь овладевает миром. «...Когда семь солнц восходят одно за другим, воды источников высыхают и огонь утверждается в мире даже изнутри. Жизнь наступает, когда огонь покидает этот мир и переходит в другой...» И такие знания есть не только на Востоке. Эта информация закреплена в памяти народов почти всех континентов. К примеру, у майя была легенда о пяти солнцах. Она гласила: «Четыре раза было дано людям солнце. Но прошло время, а люди не изменились: они не стали лучше, и пороки их не уменьшились. Тогда боги решили уничтожить людей. Но один из богов, больше всех их любивший, решил дать людям последний шанс. Он бросился в костёр и превратился в пятое солнце, которое вновь стало светить людям и дарить им жизнь».

— Пятое солнце? — проговорил Сергей. — Это то, под которым мы живём? Ну да, если ещё учесть, что календарь майя заканчивается 2012 годом... весёленькая история получается.

— Это называется: «Всё не так плохо, как вы думаете. На самом деле всё гораздо хуже», — в качестве послесловия прокомментировал отец Иоанн.

Сэнсэй вновь усмехнулся и со скептицизмом проговорил:

— Ну что вы уж так трагично всё трактуете. Некоторые, например, считают это всего лишь «безосновательными легендами».

Мужчины улыбнулись, но ничего не ответили. Некоторое время наша компания сидела молча.

— А что это за ребята? — спросил Сергей, кивая на «космолазов».

— О, это конкретные товарищи. — Сэнсэй снова посмотрел на свои часы. — Но о них расскажу как-нибудь потом... Ну что, хорошего понемножку? Пора, как говорится, и честь знать... Володя, Стас, тушите огни.

Мы зажгли свои электрические фонари и стали собираться. От такой обрушившейся волны впечатлений и переизбытка информации в головах наступил «полный вакуум». И нужно было время, чтобы, как говорил Николай Андреевич, во всём разобраться и разложить по полочкам. Мы надели свои рюкзаки и направились за Сэнсэем дальше вдоль левой стенки за уступ скалы. За ним, оказывается, имелся второй проход.

Этот достаточно удобный и широкий ход несколько сужался, образуя круглое отверстие в диаметре где-то около двух метров, а потом вновь расширялся. На первый взгляд, ничего необычного. Проход как проход, мы уже таких много встречали на своём пути. Сэнсэй спокойно его прошёл. Валере, шедшему за ним, тоже это не составило труда. А вот остальные, в том числе Володя, Виктор, Вано, явно затормозили возле этого круглого отверстия, создавая пробку в движении. И тут в нашем маленьком отряде началась какая-то непонятная смута. Парни вдруг, ни с того ни с сего, стали изъявлять желание остаться в этой пещере и подробнее всё рассмотреть. Мол зачем спешить, ведь когда ещё такое увидишь. Виктор предложил основательно здесь отдохнуть, заодно перекусить. Женя активно его поддержал, оправдываясь тем, что уже достаточно длительное время его кишки показывают друг другу большие кукиши, отчего живот проявляет крайнее недовольство этой смутой в виде непрерывного урчания. Даже отец Иоанн, всю дорогу подкалывающий парня по поводу его выносливости, на удивление легко согласился с ним,

правда больше мотивируя остановку более тщательным осмотром достопримечательностей пещеры.

Когда парни, уговаривая Сэнсэя, в замешательстве отошли от кольцевого прохода, я наоборот поспешила к нему, не собираясь отставать. Какой может быть отдых, если и так уже достаточно отдохнули? Но едва я приблизилась к кольцу, внезапно почувствовала нарастание какого-то необъяснимого страха. Что-то внутри меня словно останавливало, что называется тормозило, явно не желая переступать эту грань. В непонятном испуге я отошла немного назад, почувствовав при этом значительное облегчение. Собрав все остатки воли, я вновь решительно приблизилась к кольцу, твёрдо намереваясь переступить через него. И снова почувствовала неописуемый панический страх, который к тому же усилился в несколько раз. Я вновь попятилась, не в силах объяснить, что же со мной не так.

Сэнсэй, наблюдая за нашим ступором, обыденно перешагнул через кольцо, слушая высказывания внезапно расклеившихся ребят, и со своим неутомимым юмором стал поддерживать их дух. При этом он ободряюще похлопал Сергея и Николая Андреевича по спине, а заодно и меня, как мне тогда показалось, лишь потому, что я в тот момент просто случайно оказалась рядом. Его похлопывания пришлись мне где-то в районе лопаток. И тут я внезапно почувствовала необычный прилив сил. Мне стало так легко, как будто я начисто лишилась всех своих страхов. Чувство невероятной свободы охватило меня, словно передо мной не существовало никаких преград, словно во мне проснулась всемогущая сила. Над ухом я услышала тихий голос Сэнсэя.

— Ну, смелее...

Мой взгляд устремился на непроходимое кольцо. И пока ребята убеждали Сэнсэя остаться, я с каким-

то упорством и уверенностью пошла на таран. К моему величайшему изумлению, на сей раз я спокойно прошла через кольцо, будто никогда и не существовало того невидимого, непреодолимого препятствия, которое преграждало мой путь в собственном сознании. Более того, я даже смогла рассмотреть этот кольцеобразный проход, осветив его с помощью своего фонаря. Это был идеально ровный круг, явно искусственного происхождения. Словно кто-то каким-то непонятным способом впечатал круг в скальную породу, а потом его вынул, оставив идеально гладкий, точно оплавленный желобок шириной тридцати пяти — сорока сантиметров. После этого круга вновь шло обычное туннельное расширение.

Когда я перешагнула через канавку круга, настроение у меня гораздо улучшилось. Но главное, я почувствовала себя так свежо и бодро, будто за плечами вовсе не было этого утомительного многочасового пути по подземным пещерам. Я подошла к ожидавшему Сэнсэя Валере. Вскоре к нам присоединились в таком же бодром духе Сергей, Николай Андреевич и сам Сэнсэй. Остальные же с «превеликой радостью», как выразился Женька, решили подождать нашего возвращения в пещере. Они почти сразу направились в зал, подальше от злополучного прохода. Сэнсэй улыбнулся, в шутку пожурив их за ленивые тела, и промолвил напоследок:

— Ну, ладно, ждите нас здесь, и мы когда-нибудь вернёмся.

Пока шли по туннелю, чувство внутренней свободы, появившееся у меня после прохода кольца, стало незаметно исчезать. Анализируя всё недавно произошедшее, я начала детально прокручивать его в своих мыслях, припоминая, что же этому предшествовало. Мне стало любопытно, только ли я испытала на себе столь непонятные изменения наст-

роения. Позади меня замыкающим шёл Николай Андреевич, и я решила поделиться с ним своими наблюдениями. Оказывается, и он пережил ту же смесь противоположных чувств, испытывая и страх, и вдохновение, и прилив сил. Доктор высказал предположение, что, очевидно, мы прошли через какое-то силовое поле, находящееся в районе кольца.

Туннель начал ветвиться. Вскоре мы попали в замысловатый лабиринт, прямо как в сыре, где много ходов и все они похожи друг на друга. На нашем пути стали появляться такие неудобные проходы, через которые может пройти, петляя между скальными расщелинами лишь один человек. Причём, когда он выбирался оттуда на одиночный пятачок, его ждал новый сюрприз — несколько узких однотипных ходов. Здесь нам пришлось пробираться с помощью верёвки, соединявшей всех единым звеном с Сэнсэем. Без такой меры предосторожности запутаться в этих лазах и свернуть не туда, куда надо было, как дважды два. Я с ужасом подумала, как страшно потеряться в таких лабиринтах. Здесь не то что погибнешь от безысходности многочисленных тупиков, а от одних только панических мыслей. Моё Животное начало, казалось, так и караулило удобный момент для подвоха. И хоть я упорно старалась сопротивляться таким мыслям, всё же лёгкий страх невольно охватывал меня при проходе сложных и запутанных мест. Правда потом, когда мы благополучно выбрались из лабиринта, я почувствовала не только значительное облегчение, но даже некоторое удивление по поводу своего страха. Ведь чего, по сути, я боялась? Сэнсэй и мужчины были рядом. Кстати, Сэнсэй шёл по этим ходам довольно уверенно, явно бывал здесь уже не раз.

Мы вошли в очередную галерею пещер. Еле заметная тропа огибала сильно выпирающий скальный

выступ причудливой формы. Я подумала, что наш неведомый путь пролегает дальше, но Сэнсэй внезапно остановился. Попросив нас немного подождать, он осветил фонариком это скальное образование. Потом забрался по его пологому склону, исчезнув за большим камнем. Через минуту послышался какой-то непонятный шум, похожий на проворачивание тяжёлого камня. Затем последовал щелчок и равномерный гул, длящийся несколько секунд. Сэнсэй вновь появился из-за камня и позвал нас к себе, освещая фонариком то место, где лучше всего было взбираться по скале.

Когда все добрались до Сэнсэя и зашли за камень, то увидели открытый вертикальный лаз в виде люка. В нём виднелись даже каменные ступеньки, уходящие вглубь, в кромешную темноту. Поодиночке мы осторожно стали спускаться друг за другом в бездну этого каменного колодца. Я уже практически всё выполняла на «автопилоте». Куда идём? Зачем идём? Эти вопросы теряли здесь всякий смысл. Просто шла какая-то внутренняя работа, нацеленная на твою моральную и физическую выносливость.

Через несколько метров вертикальный лаз плавно перешёл в горизонтальный. Он был узким, но потом стал заметно расширяться. Однако передвигаться всё равно приходилось на четвереньках. Сергей с Николаем Андреевичем уже начали шутить по поводу нашего нескончаемого ползания по шахте, рассказывая по этому поводу анекдоты и отвлекаясь таким способом от тяжёлой физической нагрузки. От их шуток и всем остальным стало намного веселей передвигаться. Вынырнув из-за очередного поворота, видимо на финишную прямую, мы заметили впереди дневной свет.

— О! — усмехнулся Сергей. — Мы что, гору насквозь прошли? А я думал, мы ползём в сердце недр.

Мы рассмеялись такому неожиданному концу наших приключений и удвоили силы для последнего рывка. Лаз, по мере приближения к свету, всё больше расширялся. Наконец мы встали в полный рост и пошли на свет. Однако когда достигли источника «дневного света», то увиденное заставило нас замереть на месте и позабыть обо всём на свете, в том числе и о трудном пройденном пути и натруженных, уставших мышцах. Мы застыли в немом изумлении, не ожидая и даже не предполагая, что когда-нибудь судьба предоставит нам возможность увидеть такое восхитительное чудо.

Перед нами предстал огромный холл, напоминающий половинку шара. Его стены выглядели, как монолитное чёрное стекло, которое было гладким, словно его кто-то оплавил. Но самым потрясающим оказался великолепный, белоснежный храм, сделанный в виде распускающего цветка лотоса, который стоял посередине чёрного холла. В диаметре храм был метров двенадцать, а в высоту — метров семь. Сотворён он был из камня, похожего на белый мрамор, но этот мрамор был какой-то неестественный, полупрозрачный.

Храм находился в центре огромной монады, украшавшей пол. Все иероглифы и сложные узоры этой монады были так чётко и ювелирно вырезаны, что я просто прониклась невольным уважением к тем, кто выполнил столь сложную работу. Ведь пол был изготовлен из непростого материала, точно такого, как и стены. При этом не было видно ни одного острого ребра иероглифов или узоров. Всё было гладко закруглено, словно обожжено. Замысловатые иероглифы такой же искусной работы были высечены над широким арочным проходом, в который мы вошли.

Это изумительное сочетание контраста чёрного и белого создавало необыкновенную гармонию поме-

щения. Но самым потрясающим был дневной свет, который, казалось, исходил именно из глубины храма. Он был настолько нежным, мягким и приятным, что невольно порождал какое-то блаженное, успокаивающее состояние умиротворения и всеобъемлющей радости.

В храме имелся полукруглый вход. Внутри его виднелась белая перегородка, заслоняющая дальнейший обзор. Этот таинственный вход в светящийся храм больше всего привлёк наше внимание.

— Ну что, пришли в себя? — весело спросил Сэнсэй и, не дожидаясь нашего ответа, сказал: — Тогда пошли дальше.

Мы, не сговариваясь, все одновременно ринулись ко входу храма.

— Э-э, ребята, вы куда? — остановил нас с улыбкой Сэнсэй. — Нам в другую сторону.

Вопреки нашим надеждам, он повёл нас по огромному кольцу монады вокруг храма. Глаз нельзя было оторвать от такого грандиозного творения и его нежной красоты. Свет, исходящий от храма, был дневной, он не слепил глаза, но был достаточно ярким и освещал всё вокруг. И что удивительно, нигде не было видно тени ни от наших тел, ни от храма. Я провела рукой в воздухе, пытаясь создать тень на стене, но безрезультатно. Более того, моя рука каким-то непонятным образом хорошо освещалась как с одной стороны, так и с другой. Даже когда я близко свела обе ладони, то увидела между ними вместо тени всё тот же мягкий свет.

На другой стороне холла имелся точно такой же арочный выход, только с другими иероглифами по бокам. К нашему немалому удивлению и в храме с обратной стороны находился ещё один вход. Однако и там, кроме той же белой перегородки, видневшейся внутри, мы ничего больше не увидели.

Через вторую арку мы вышли из этого необычного места, попав в пещерный туннель. Правда, миновали буквально несколько метров в виде пары поворотов. Это меня даже заинтриговало. Ведь раз мы прошли мимо такого великолепного храма, значит впереди нас ждёт более потрясающее зрелище. Однако наш маленький отряд вошёл в небольшую комнату, искусно вырубленную и отделанную тем же чёрным материалом, что и стенки холла. С левой и правой стороны её стен располагались два больших, белых круга в виде выпуклых полупрозрачных щитов. Посередине, чуть в углублении комнаты, на каменном постаменте, к моему удивлению, покоился лошадиный череп с рогом во лбу, за которым находилась своеобразная ниша, аккуратно вырубленная в стене.

— Ух ты! — изрёк Сергей, едва мы вошли в комнату. — Так что, единороги и вправду существовали?

— Кто тебе такое сказал?! — усмехнулся Сэнсэй. — Это миф!

— А это что?

— А, это... — Сэнсэй посмотрел на череп, как мне показалось, каким-то тёплым, добрым взглядом. Однако произнёс совершенно противоположные своему душевному состоянию слова, не лишённые нотки юмора: — Не обращай внимания. Это «Чернобыль», так, мутация.

Все удивлённо глянули на Сэнсэя. Он улыбнулся.

— Да пошутил я, пошутил... Это просто подделка!

Сергей внимательно посмотрел на череп, посветив на него со всех сторон, и хмыкнул себе под нос:

— Угу, «подделка», как же...

— Лучше смотри сюда, — предложил Сэнсэй, обращая его внимание на белый, слегка выпуклый щит, метра три в диаметре, вмонтированный в стену.

Как только Сэнсэй навёл в его центр свет фонаря, щит начал светиться изнутри, освещая комнату мяг-

ким светом. Но как только Сэнсэй увёл луч в сторону, свет снова мягко погас, погрузив помещение в изначальное состояние.

— Нормально, — ответил Сергей. — А если посветить туда, эффект будет такой же?

И он показал на щит, вмонтированный в противоположную стенку.

— Да.

Мы поэкспериментировали игрой света и на втором щите, и на двух вместе, словно кучка первобытных людей, которым показали включатель и они по очереди щелкали им, дивясь такому «чуду».

— Я так понимаю, конечная цель нашего путешествия уже недалеко? — поинтересовался тихо Сергей у Сэнсэя, пока мы с Валерой наблюдали за световыми опытами Николая Андреевича.

— Да. За этим щитом, — указал Сэнсэй на левый щит.

Сэнсэй пытался развязать затянувшийся узелок своего вещмешка.

— Это что, сейф?

— Ну, что-то типа того. Вход.

— Вход? — Сергей с любопытством посмотрел на щит. — А там тоже вход?

Он кивнул на второй щит.

— Да. Только я бы не советовал туда попадать ни одному живому существу.

— Понятно. А как сюда проникнуть?

Сэнсэй глянул на него, слегка прищурившись, и с улыбкой предложил:

— А ты подумай.

Предложение Сэнсэя открыть левый щит заинтересовало и нас. Пока мы с Валерой создавали полное освещение помещения, Сергей и Николай Андреевич принялись отыскивать механизм, приводящий щит в движение. Они ощупали стену и сам щит. Сергей

даже простукал вокруг него. Всё было гладко. Никаких тебе выступов, отдельных каменных блоков. Щит был словно впаян в стену. Лишь небольшой ободок, сделанный из того же белого материала, окаймлял его. Сергей задумчиво стал перед щитом, скрестив руки. Потёр подбородок, оглянулся и тут его осенило.

— Надо череп передвинуть!

— Не тронь старинный раритет! — с усмешкой вступился за череп Сэнсэй. — Он тут ни при чём.

— Да? Ну, тогда не знаю. По-моему, лучшая отмычка этому сейфу — пластид.

— Бесполезно, — сказал Сэнсэй, трудясь над неподатливым узелком вещмешка. — Этот материал нейтрален к любым химическим и механическим воздействиям... Он изготовлялся при абсолютном нуле. В состав смеси входили определённые ингредиенты, благодаря которым вещество становилось довольно текучим. Это давало возможность отливать из него любые формы. При застывании вещество сохраняло некоторое время пластичность. Можно было его спокойно дообработать. Но после окончательной кристаллизации оно становилось очень прочным. По прочности, можно сказать, ему нет равных. И износоустойчивость у него очень высокая.

— И насколько высокая? — полюбопытствовал Николай Андреевич.

— Ну, к примеру, — Сэнсэй глянул на его сапоги, — если на подошву, скажем на каблуки, как на самое уязвимое место твоей обуви, нанести всего один микрон этого материала, то ты бы смог всю жизнь бегать в них без единой царапинки.

— Хорошая вещь! — удивившись, по-хозяйски оценил Николай Андреевич.

— Мечта военных, — в свою очередь проговорил Сергей, похлопав по щиту, а потом озадаченно спросил, глядя на Сэнсэя: — Так как же его открыть?

Сэнсэй загадочно улыбнулся и ещё более интригующе сказал то ли в шутку, то ли всерьёз:

— Это вам не какая-нибудь седая древность этой цивилизации. Это высокие технологии предшествующей цивилизации...

Развязав наконец-то узел, он достал из вещмешка какой-то необычный маленький предмет в форме авторучки, который оказался, как потом выяснилось, миниатюрным, но довольно мощным фонариком. Слегка провернул его вокруг своей оси. И когда фонарик загорелся, отдал его Валере.

— На, подержи!

Потом Сэнсэй вытащил из вещмешка кусок ткани и тряпичный мешочек. Аккуратно расстелил на полу ткань и вытряхнул на него содержимое мешочка. Оттуда со звоном посыпались фигурные пластины, сделанные из серебристого металла.

— Это что, платина? — удивился Сергей, подняв один из них и повертев его в руках.

— Нет, гораздо ценнее, — ответил Сэнсэй, принявшись складывать фигуры в единый предмет. — Можешь не ломать голову. Этого металла ещё нет в известной вам периодической системе химических элементов...

Собрав какой-то необычной конфигурации предмет, отдалённо напоминающий неправильный изрезанный круг, Сэнсэй поднялся и приложил его к центру щита.

— Ну-ка, Валер, направь вот сюда свет, — указал он на одно из фигурных отверстий в предмете.

Валера выполнил его просьбу, целенаправленно посветив лучом этого фонарика, но ничего не произошло.

— Хм, — Сэнсэй убрал предмет со щита и повертел его в руках, словно что-то для себя вычисляя, а потом, вспомнив, воодушевлённо проговорил: — А-а-а, не так... Валера, посвети-ка!

Сэнсэй перевернул серебристую форму и прислонил её к щиту по-другому, указав, куда направить луч. И едва свет попал в указанное Сэнсэем отверстие, весь серебристый металл словно обдало сиянием изнутри, яркое свечение вспыхнуло во всех его прорезанных конфигурациях. После этого послышался глухой звук «пу-ф-ф-ф», точно паровоз спустил пар. И щит чуть приоткрылся, немного отделившись от стены. Мы устремились к нему. Но Сэнсэй остановил нас и попросил всех зайти в нишу, находящуюся за постаментом, на котором находился череп. А сам, открывая дверь щита, быстро прикрыл нос и рот платком и отбежал к нам, пока та отворялась, отклоняясь в нашу сторону.

— Сейчас... проветрится, — объяснил он нам, сворачивая свой носовой платок.

Странно, но никакого особенного запаха я не ощутила, даже затхлости не чувствовалось. Мне подумалось: «А если там какой-то опасный газ? Тогда почему мы вообще не вышли из этого помещения, а стоим, как кучка идиотов, за постаментом? Так же недолго и того... так сказать, составить компанию лошадиному черепу на долгие века». Но Сэнсэй вёл себя вполне спокойно, словно ничего страшного не произошло. Минут через десять он объявил:

— Ну всё, капсула готова к принятию гостей.

— Почему капсула? — удивилась я.

— Потому что капсула она и есть капсула, — проговорил с улыбкой Сэнсэй. — Даже если вся Земля взорвётся, одни капсулы и останутся.

Мы вышли из нашего необычного укрытия и направились в комнату, уже осторожно двигаясь за Сэнсэем во избежание других непредвиденных сюрпризов. Свои электрические фонари потушили почти сразу, поскольку там было достаточно светло. Комната оказалась небольшой, искусно выделанной

таким же материалом, что и храм. На двух её противоположных стенках возвышались причудливые наросты в виде ярко светящихся белых шишечек, которые, очевидно, и создавали такую яркую иллюминацию. Одна из стенок была сделана в виде длинного белого шкафа с открытыми ячейками. На них лежали какие-то старинные свитки, папирусы, стояли небольшие амфоры с загадочными рисунками и ещё много непонятных вещиц. Сэнсэй привычно зашёл в комнату и, не обращая внимания на предметы, сразу направился к ячейке, где лежал тёмный, небольшой цилиндр. Аккуратно открыв его, он бережно вытащил оттуда какой-то старинный пергаментный лист, пробежал текст глазами, а потом с такой же аккуратностью засунул его обратно, прикрыв крышкой цилиндра. Эту замысловатую вещицу Сэнсэй неожиданно протянул мне.

— Держи, это то, что ты просила.

— Я?! — несказанно удивилась моя особа.

Я стала быстро рыться в памяти, усиленно вспоминая, когда я что просила у Сэнсэя. Но так и не вспомнив ничего конкретного, в растерянности произнесла:

— Спасибо... А что это?

— Это пергамент Агапита.

И тут меня осенило. От нахлынувшего волнения сердце учащённо заколотилось в груди. Я бережно приняла это бесценное сокровище. Подумать только, в моих руках находился пергамент самого Бодхисатвы Агапита, написанный по преданию самим Духом Святым! Пергамент того самого русского Бодхисатвы, который прославился далеко за пределами Киевской Руси и не только как искуснейший монах-врачеватель, но и как человек огромной духовной силы. Сколько тайн и легенд было связано с этим пергаментом и его обладателями!

Необычную историю об Агапите я узнала, когда наша компания вместе с Сэнсэем отдыхала на море. Это было в год моего окончания школы. Именно тогда Сэнсэй поведал нам о древнерусском лекаре XI века Агапите, монахе Киево-Печерского монастыря, от нетленных мощей которого люди продолжают исцеляться до сих пор. Агапит был непростым монахом. Это был Бодхисатва из Шамбалы, доживавший свой век в монастыре. Про него говорили, что в нём пребывал сам Дух Святой. Именно благодаря его неординарной Личности, Киево-Печерская Лавра стала впоследствии не только сосредоточием науки и культуры, но и крупным духовным центром Древней Руси.

Моя любопытная особа хотела было открыть цилиндр, но Сэнсэй остановил меня и сказал:

— Потом посмотришь.

Я бережно уложила цилиндр в рюкзачок под заинтересованные взгляды Сергея, Валеры и Николая Андреевича. Сэнсэй же подошёл к другой ячейке, где находился каменный ларец очень красивой резной работы. Свободно открыв его без всяких ключей и секреток, он извлёк оттуда золотую вещицу. Повертел в руках и слегка протёр её о свою одежду.

— О, — удовлетворённо проговорил Сэнсэй, — блестит, как новенькая.

Все столпились вокруг Сэнсэя.

— Это и есть тамга? — спросил Сергей.

— Она самая!

Мы с интересом стали разглядывать этот предмет. Он представлял собой золотую пластину, в виде бутона цветка лотоса, состоящего из трёх лепестков. Внутри него располагалась усечённая пирамида с глазом посредине. Над пирамидой в центральном лепестке возвышался объёмный треугольник, словно срезанная верхушка пирамиды. Внутри треугольника

находились три выдавленных круга. На лепестках и основании цветка лотоса были нанесены параллельные изогнутые линии. В зрачок глаза пирамиды вставлен камешек, по виду напоминающий бриллиант. От такой красоты у нас невольно вырвались возгласы восхищения.

— Великолепная работа! — в восторге произнёс Николай Андреевич.

— Да всё это ерунда, — проговорил Сэнсэй. — Всё это золото... так, обрамление, которое постоянно обновляется.

— А рисунок? — поинтересовался Сергей.

— Он всего лишь означает принадлежность к Шамбале. А вот этот камешек в глазе, это да... Это самое главное.

Словно в подтверждение этих слов камешек завораживающе сверкнул, когда Сэнсэй чуть повернул тамгу в руках.

— Бриллиант? — спросил Сергей.

— Нет. Просто огранка мастерски выполнена, как у бриллианта. Хотя на самом деле это не бриллиант. Это искусственный камень внеземного происхождения. По структуре нечто среднее между стеклом и кристаллом. В мире не существует такого бриллианта, который стоил бы этого камня, — серьёзно проговорил Сэнсэй, и немного помолчав, добавил: — Он обладает удивительными свойствами для тех, кто имеет достаточно личной силы и знаний, чтобы им пользоваться. А для остальных людей этот камень не представляет никакой ценности... так, всего лишь стекляшка.

Он вытащил из кармана коробку, достал оттуда мягкую тряпочку и бережно, с любовью стал протирать тамгу.

— Данный кристалл — особый камень. Он способен хранить энергию вечно и не только хранить, но и

приумножать заключённую в нём мощь. Этот кристалл очень древний. Мало того, что он имеет внеземное происхождение, так ещё с ним медитировало не одно поколение Прави. Он оказывает неоценимую помощь, особенно тем, кто работает над серьёзными медитациями... Кристалл изменяет частотные характеристики поля человека, который с ним соприкасается во время медитации... Он усиливает действие энергий. В результате, при постоянной работе с ним, владелец доходит до духовного уровня тех, кто ранее владел кристаллом и ушёл в Нирвану... В этом кристалле заключена сила многих поколений Прави.

— Интересная вещица, — проговорил Сергей. — Не удивлюсь, если этот камешек окажется единственным на планете Земля, так сказать «последним из Могикан», прибывшим из далёких разумных миров.

— Отнюдь не единственным, — возразил Сэнсэй. — Всего на Земле имеется семь таких камней. Пять камней находятся в тамге Владыки Шамбалы, один — в тамге Нави и один здесь, в тамге Прави.

— В тамге Нави? — удивился Николай Андреевич и осторожно спросил. — У сопредельной стороны?

— Да, — ответил Сэнсэй. — Это необходимо для уравновешивания монады. Правда, на той тамге другие знаки. Но камешек практически такого же размера, как и в тамге Прави.

— Нормально! — шокировано проговорил Николай Андреевич.

— Значит, в настоящем противостоянии выигрывает не сила камней, а сила духа соперников, — сделал свои выводы Сергей.

— Совершенно верно. Всё дело в накопленной личной силе обладателей этих камней.

— А Нави — это кто? Кандуки?

— Нет, конечно, — сказал Сэнсэй. — В иерархии

темных сил Кандуки стоят на нижней ступени. А вот Нави — это уже конкретная проблема.

— Так получается, Этимоны и Гелиары борются не только с Кандуками?

— Да. Это можно сказать универсальные Воины Света.

Некоторое время мы молчали, наблюдая как Сэнсэй, о чём-то задумавшись, тщательно протирал тамгу.

— А как выглядит тамга Владыки Шамбалы? — наконец, решилась спросить я, нарушив это молчание.

— Тамга Владыки? — переспросил Сэнсэй и стал объяснять: — Ну, в принципе, тамга Прави некоторыми деталями схожа с ней. В тамге Владыки такой же цветок лотоса с пирамидой и глазом внутри. Только в оправу глаза вставлен камень гораздо больших размеров, чем у Прави и Нави вместе взятых. Это символ «всевидящего Ока», обозначающий Шамбалу. Над пирамидой же, в центральном лепестке, расположен малый глаз, в который вставлен ещё более интересный камешек. По своей плотности он намного превышает алмаз. Его малые размеры относительно больших камней отнюдь не преуменьшают его значимости. Он словно зёрнышко По. И сила, заключённая в нём, неиссякаема. Этот камешек символизирует абсолютную власть Бога, в том числе и над «всевидящим Оком»... В тамге Владыки Шамбалы цветок лотоса прикреплён к золотой круглой монаде, на которой имеется три больших камня, расположенных треугольником. Они символизируют в расшифровке созвездие Орион, откуда был доставлен маленький камешек, и не только... Эти камни указывают на божественную тройственность, силу и власть над жизнью и смертью. Этот знак в миру ещё называют знаком Грааля... Практически в комплексе изображений на монаде, включая цветок лотоса, есть символы всех мировых религий как обозначение того,

что всё духовное в людском мире выходит из Шамбалы... Да, ещё по бокам от монады, так сказать в качестве украшений, которые были сделаны при последнем обновлении тамги, находятся скульптурные изображения на египетскую тему.

— Увесистая получается тамга у Владыки Шамбалы, — проговорил Сергей и с наигранным сарказмом добавил: — И вся ж из чистого золота.

— Ещё бы, это ведь не просто так, а самого Владыки, — в таком же тоне с улыбкой ответил Сэнсэй, а потом добродушно пояснил. — А вообще золото в данном случае использовалось как удобный материал, который не подвергается эрозии как, например, железо, и окислению как серебро. Так что золото — это всего лишь подходящий материал. А вот знаки... — И со смешком промолвил. — Только в наше время на знаковое значение тамги вряд ли кто обратит внимание. В лучшем случае, увидев её, подумают, что какой-то новый русский выпендривается.

— А где хранится тамга Владыки? — поинтересовался Николай Андреевич.

— Сейчас она хранится в такой же капсуле, при храме Лотоса, — и очевидно предвидя последующий вопрос от Сергея, открывшего было рот, добавил, — который находится в районе третьего глаза головы Осириса.

Сергей почесал затылок и со смешком сказал:

— Или этот мужик, Осирис, такой головастый, или же это ты опять надо мною издеваешься. — И умоляюще глянув на Сэнсэя, проговорил: — Честное слово, у меня сейчас мозги не работают, чтобы твои ребусы разгадывать. Давай лучше сам, добровольно рассказывай.

— Я над тобой вовсе не издеваюсь, — добродушно возразил Сэнсэй. — Храм Лотоса действительно находится в голове Осириса.

— Ну, надеюсь, это в переносном смысле? Или всё-таки в прямом?

— Почти в прямом, — улыбнулся Сэнсэй, — точнее сказать в рельефно-географическом.

Мы вопросительно уставились на него. А он, выдержав небольшую паузу, сказал: — Сейчас на том месте столица Древней Руси, град Киев.

— Киев?! — изумился Николай Андреевич.

— А где же располагается третий глаз? — спросил Сергей.

— Этот участок находится как раз там, где Андрей Первозванный по просьбе Иисуса возложил семена лотоса. Ныне там расположена Киево-Печерская Лавра, — уточнил Сэнсэй.

— Надо же, сколько раз бывал в Киеве и даже не знал об этом, — удивился сам себе Николай Андреевич.

— Кто бы мог подумать, что Киев является головой Осириса? — размышлял Сергей о своём. — Этот город у меня больше ассоциируется с событиями Чернобыльской катастрофы...

— Да, из-за этого Чернобыля чуть все карты не перепутались, — задумчиво проговорил Сэнсэй.

— Какие карты? — не понял Сергей.

— Ну какие? Предсказания о голове Осириса... Дело в том, что после взрыва реактор стал быстро разгораться. Естественно, никакие пожарные его бы не потушили. Ситуация стала настолько критическая, что Шамбала вынуждена была вмешаться. И этот процесс, к сожалению, зафиксировали специалисты, ибо в нарушение законов физики ядерная реакция вместо того чтобы нарастать, начала интенсивно сворачиваться... — И немного помолчав, очевидно размышляя о чём-то своём, Сэнсэй добавил: — Но, с другой стороны, если бы не Шамбала... и Киева б уже не было... И предсказания не сбылись.

— А что за предсказания? — спросил Николай Андреевич.

— Да длинная история, потом расскажу.

Сэнсэй закончил протирать тамгу Прави и, полюбовавшись проделанной работой, промолвил, обращаясь к Николаю Андреевичу.

— Кстати говоря, о легендах... Ты слышал миф о волшебном оке Гора?

— Да, — утвердительно ответил тот.

— А что это за миф? — живо поинтересовался Сергей.

Николай Андреевич поспешно пояснил.

— Это древнеегипетский миф. Сын Осириса Гор боролся со злым богом пустыни Сетом. Вначале Гор потерпел поражение, и Сет вырвал у него Глаз в битве. А потом Гор всё же победил Сета и отобрал у него своё волшебное Око.

— Верно, — сказал Сэнсэй. — А знаешь, что это было за «волшебное Око»?

Николай Андреевич растерянно пожал плечами. Сэнсэй кивнул на тамгу Прави.

— Вот это Око! И борьба шла за обладание силой этого камня.

— Значит... это был не миф... Это правда! — в изумлении произнёс Николай Андреевич. — Вот это да! Получается, это была борьба Прави и Нави?!

— Совершенно верно. Но об этом позже, — улыбнувшись, проговорил Сэнсэй.

Он аккуратно завернул тамгу Прави в тряпицу, и, уложив в коробочку, сунул её в карман. Мы же стояли в состоянии полного изумления и наблюдали за его действиями.

— Ну что, пошли назад? — неожиданно предложил Сэнсэй, возвращая нас к реальности.

Мы даже немного растерялись, поскольку уходить отсюда так поспешно явно никому не хотелось. Так

долго добирались и на тебе, на самом интересном месте — «пошли назад».

— А-а... — протянул Сергей.

— Как, уже? — удивился Николай Андреевич.

— Что, всё? — почти одновременно с ним разочарованно спросила я.

— А чего вам, мало? — усмехнулся Сэнсэй, глядя на нашу реакцию. — Идёмте. Нам ещё назад сколько идти. Пока до ребят доберёмся... Да и вообще, — он улыбнулся, — налазился я уже тут с вами по этим горам...

Возражать особо никто не стал, да и бесполезное это занятие. Действительно надо признать, что путь назад тоже предстоял долгий и трудный. Однако я заметила, что когда Сэнсэй шёл сюда, он ни разу не пожаловался, что устал или чем-то недоволен. Наоборот, шёл так быстро, что мы еле поспевали за ним. А тут откуда что взялось... И всё же выходила я из этой каменной кельи с тайной надеждой побывать хотя бы в храме. Когда ещё такой случай представится? Видимо, подобные мысли были не только у меня одной. Когда мы передвигались по коридорчику, связывающему комнату с большим залом, Сергей начал расспрашивать Сэнсэя о храме.

— А что это за храм?

— Один из храмов Лотоса.

— А что там внутри?

— Да ничего особенного, Стиратель тени.

— А можно туда зайти?

— Да что там интересного? Храм как храм, — отшучивался Сэнсэй.

В это время мы вышли к завораживающему своей редкостной красотой и мягким светом древнему сооружению. Окунувшись в океан света, все невольно остановились, с замиранием сердца созерцая это диво. Особенно притягивал взгляд вход в храм. Так и

хотелось подняться по его белокаменным ступеням и проникнуть в сокровенную тайну этого необыкновенного цветка. Мы посмотрели на Сэнсэя с немой мольбой в глазах. Он же опустил голову, немного подумал, а потом серьёзно произнёс:

— Ладно. Кто первый?

— А что, надо по очереди? — удивился Николай Андреевич.

— Да.

— А что там?

— Увидишь.

— Тогда первым пойду я, — вызвался Сергей.

Он благодарно взглянул на Сэнсэя и не спеша пошёл к входу, словно наслаждаясь самим моментом приближения к этому великолепному таинственному творению неведомой цивилизации. По мере приближения к свету его фигура становилась всё более тёмной и нечёткой, охватываемая со всех сторон светом. Он поднялся по ступенькам. И... дивный цветок принял его в свои солнечные объятия. Около минуты мы стояли молча, всматриваясь в таинственный проход храма. Но он по-прежнему сиял своим изумительным светом, не давая даже звуком малейшего намёка на присутствие там живого существа.

— Следующий, — спокойно сказал Сэнсэй и посмотрел на меня.

Честно говоря, в этот момент я испытала лёгкий страх. И всё же доверия к Сэнсэю во мне было гораздо больше, чем собственного испуга перед неизвестностью, таящейся за входом в храм. Я пошла ко входу в некотором волнении и ожидании того, что же мне придётся там увидеть. Излучавшийся свет был мягким и ласковым и это меня несколько успокаивало. Я смело вошла внутрь. Проход сворачивал направо, потом налево, приглашая пройтись по своему извилистому лабиринту, заполненному светом.

Странно, чем дальше я заходила, тем больше испытывала какой-то необъяснимый нарастающий внутренний холод. Хотя воздух, который я вдыхала, был тёплый. Руки стали замерзать словно на морозе.

Из небольшого лабиринта я вышла в круглое помещение, видимо расположенное в самом центре цветка. Мне показалось, что его середина светилась ярче всего, словно столб солнечного света. И мне так захотелось окунуться в этот струящийся свет, поскольку подумала, что именно в нём я наконец-то согреюсь. Не раздумывая, я шагнула в середину и... Вместо предполагаемого тепла мною овладел такой леденящий холод, что невольно сжались кулаки. Сильная дрожь охватила всё моё тело, точно в него вонзили тысячу электрических иголок. Голова стала кружиться. Пол стремительно уходил из-под ног.

Со зрением стало происходить что-то неестественное. Яркий свет чередовался с какими-то тёмными пятнами, а скорость их движения стремительно нарастала. В конце концов вокруг всё исчезло. Сделалось совсем темно. Потом в темноте стали вспыхивать яркие точки. Они расширялись, становились цветными, соединялись друг с другом, превращаясь в объёмные живые картины. Попытка открыть и закрыть глаза ни к чему не привела, картины как были, так и остались. Более того, я совершенно потеряла ощущение тела. Вместе с этим исчезли и чувства, и мысли, как будто я стала независимой и свободной от земного мира. И хотя картины были более чем устрашающие, воспринимала я их почему-то спокойно. Вместо тревоги присутствовала необыкновенная ясность, глубинная суть понимания происходящего вокруг.

События сменялись одни за другими, проявляясь то фрагментарно, то в глобальном масштабе. Крушение огромного моста, смерть всемирно известного

религиозного деятеля, разрушительные землетрясения, наводнения, смерчи, цунами, стирающие волнами населённые пункты. Неожиданно проснувшиеся вулканы, уничтожающие выбросом своего пепла и лавы всё живое на своём пути. Таяние ледяных шапок полюсов, столкновение огромных айсбергов. Стремительный подъём уровня океана, вод рек. Целые прибрежные мегаполисы уходили за считанные часы под воду. Некоторые прибрежные государства вообще исчезали с лица Земли за достаточно короткий промежуток времени. И все эти катаклизмы происходили, словно приливной волной — внезапно нахлынули, потом затихали, затем снова накатывались, только с ещё большей силой, большими разрушениями и снова временно затухали.

На Солнце происходили невероятно сильные вспышки. Острова и континенты сдвигались со своих мест, сближаясь довольно быстро в единую сушу. Тёплые течения океанов поменяли свои русла. Времена года перепутались. Резкое потепление сменилось резким похолоданием. Неурожаи, голод, разруха... Какое-то сплошное царство паники и хаоса. Ужас глобальных катаклизмов объял всю планету. Единственные участки суши, которые меньше всего пострадали от природных стихий, были некоторые районы Евразии, словно последний духовный оплот и приют гибнущей цивилизации...

Картины стали исчезать так же стремительно, как они появлялись, разъединяясь на отдельные фрагменты, сужаясь до точки. Всё вновь потемнело. Внезапно вернулось ощущение собственного тела. Вспыхнувший яркий свет вновь возвратил и чувства, и мысли. Как ни странно, но я по-прежнему устойчиво стояла на том же месте. Правда, мои ногти до боли впились в ладони. Осознав это всё и вспомнив об увиденных картинах бедствий, меня охватил жуткий страх. Не

понимаю почему, но я была твёрдо уверена, что *увиденное случится в ближайшие годы*. Тягостная безысходность, граничащая с апатичностью, охватила меня, когда я по инерции вышла из столба света и направилась в следующий лабиринт. Пугающие сцены катастроф одна за другой прокручивались в памяти, усиливая в моих мыслях страх и отчаяние перед грядущим.

Поглощённая этим гнетущим состоянием, я не заметила, как очутилась на выходе из храма. Под аркой, которая не так давно впервые открыла перед нами столь удивительную, чарующую взор панораму, задумчиво стоял Сергей, ожидавший остальных. Я молча присоединилась к нему. Весь увиденный кошмар снова и снова прокручивался в голове. Охваченная страхом неизбежной гибели, я смотрела со щемящей душу тоской на это великолепное сооружение неведомой цивилизации, на безупречность его линий, его неповторимое сияние и белоснежную чистоту. И меня неожиданно осенило, насколько разителен контраст между вечными духовными ценностями и тем, что временно, негативно, порочно. Сколько цивилизаций, сколько природных катаклизмов пережило это сооружение? И дело даже не в нём, а в тех, кто его создавал. Это какую надо иметь базу знаний, чтобы обезопасить этот храм на многие тысячелетия вперёд от каких-либо разрушительных воздействий?

В этот момент моих размышлений на выходе из храма показалась фигура Николая Андреевича. Удивительно, но она была не просто окружена светом. Создавалось такое впечатление, словно его тело охвачено плотным кольцом радуги, от которой отскакивали снопы искорок. Особенно их много было вокруг головы. Мне почему-то это напомнило эффект Кирлиана. Но только стоило Николаю Андреевичу выйти из храма, это свечение вмиг пропало. Заинтересованная

таким необычным явлением, я немного отвлеклась от своих мыслей и стала более внимательно следить за «входом-выходом» из храма. Через минуту после того как к нам присоединился Николай Андреевич, в проёме появился Валера. Его свечение было гораздо объёмнее и насыщеннее. Оно настолько красиво переливалось, что даже Николай Андреевич не удержался от тихого комментария:

— Ого! Да, парень явно за эти месяцы постиг гораздо больше, чем мы за столько лет рядом с Сэнсэем.

Но когда выходил Сэнсэй, все присутствующие невольно затаили дыхание. Мы даже не сразу поняли, что это — Сэнсэй. Это был Некто с огромной, ослепительно сияющей аурой. На нём была белая туника. Белокурые волосы обрамляли очень красивые, правильные черты лица. Но, пожалуй, самыми необыкновенными были его глаза, его неповторимый до боли знакомый взгляд. И тут меня неожиданно осенило, где я видела этот взгляд. Когда-то давно мы с нашей компанией отдыхали на море. Мне приснился тогда довольно странный сон о Красном Всаднике, спускавшемся с вершин гор. Его потрясающий взгляд, взгляд Ригдена Джаппо, до мельчайших деталей всплыл сейчас перед глазами.

Внутренний трепет охватил всё моё существо. Внезапно «Цветок лотоса» сам по себе проявил своё невидимое, но вполне ощутимое «колыхание лепестков» в солнечном сплетении. Чувство восхищения перемешалось с чувством умиротворённости от столь потрясающего реального видения истинного Лика. Внутри мне стало так спокойно и хорошо, словно кто-то саму душу укутал в пелену белоснежных нежнейших лепестков.

Это необычное видение длилось всего несколько секунд. Но каких секунд! Секунд из цикла неизвестной Вечности. Секунд, оставляющих свой неизглади-

мый след в самом священном уголке души. Секунд, память о которых даже через многие годы с волнующим трепетом в точности воспроизводит свои восхитительные кадры, заставляя вновь и вновь пережить эту невероятную гамму возвышенных чувств, неподдающихся словесному описанию. Над этим мигом время действительно было не властно.

Как только это великолепное Существо стало под арку выхода из храма, свет словно дрогнул, ослепив глаза на какое-то мгновение. Но когда зрение пришло в норму, мы увидели, что к нам шёл Сэнсэй с привычными для нас чертами лица, в явно приподнятом воодушевлённом настроении, в обычной своей походной одежде, с рюкзаком за плечами. Поражённые таким резким преобразованием, мы в немом удивлении созерцали его приближение. Он же, с добродушной улыбкой подойдя к нам, оглянулся на храм, а потом сказал:

— Ну что, довольны ваши душеньки?

— Ещё бы! — ответил за всех Сергей.

— Тогда в путь, друзья.

И первым вошёл под арку скалы, переходящую в туннель. А мы, бросив прощальный взгляд на великолепный храм Лотоса, не договариваясь между собой, одновременно преклонили перед ним головы. Видимо, такое искреннее желание зародилось у каждого из нас в душе и, очевидно, оно было настолько сильным, что никто из нас не постеснялся это сделать в присутствии остальных. Сэнсэй остановился и, глядя на нас, со смехом произнёс:

— Пошли уже, фанатики!

Обратный путь со сложными переходами я почти не замечала, автоматически преодолевая препятствия. Моим настоящим лабиринтом, который я в реальности проходила, стали мысли, вернее тот фейерверк из двух различных состояний, который был

порождён в стенах таинственной пещеры с древним храмом. Картины катастроф и природных катаклизмов переплетались со спокойным взглядом Ригдена. И этот взгляд давал какой-то поразительный эффект: он успокаивал, ласкал душу своей необыкновенно проникновенной добротой. Под его натиском животный страх испарился вовсе, словно его никогда и не было. Теперь картины стихий уже спокойно прокручивались в голове, давая мне возможность анализировать увиденное.

Как же хрупка наша человеческая цивилизация, так гордящаяся своими высокими технологиями! Один вздох Земли и вместо городов — руины, вместо полезной техники — груда ненужного металлолома, вместо мирного общества — кланы, воюющие за кусок хлеба и земли. Как ненадёжно и призрачно всё то материальное, на накопление которого люди тратят всю свою жизнь. Сколько нервов, душевных сил растрачивается впустую! А сколько чёрного негатива выбрасывается человеком в окружающее пространство, заставляя страдать от этого не только людей, но и природу и всё живое в ней. Разве после всего подобного злодеяния может быть удивительным то, что Земному терпению приходит конец?..

За раздумьями я не заметила, как пролетело время и мы вышли к знакомой пещере. Кстати, на сей раз все прошли кольцевой проход достаточно обыденно, без всяких психологических фокусов. Оставшиеся ребята мирно спали, расположившись в «зрительской» лоджии кто где. Мы тихонько поднялись к ним, чтобы их не разбудить, и с усталостью уселись на каменные скамьи.

— Ну, ещё часок на отдых и надо продвигаться назад, — сказал Сэнсэй, устраиваясь поудобнее.

Он улёгся на скамейку, положив рюкзак под голову. Мы тоже последовали его примеру.

* * *

— Это кто так храпит? — услышала я сквозь сон голос Сэнсэя.

— Неужели Вано?! — со смехом проговорил Сергей.

— Он самый, инквизитор! — подключился голос Женьки. — Достал уже своим храпом! Мне эта «заезжая пластинка» уже начинает действовать на нервы.

В помещении действительно стоял громкий храп, точно спящему человеку поднесли мегафон к самым губам. Я открыла глаза. Состояние было такое, словно тебя разбудили после глубокого сна и ты ещё плохо соображаешь, где ты находишься и что вообще от тебя хотят. Точно реальность граничила с нереальностью происходящего, и ты ещё не совсем понимаешь, в какой половинке ты ныне существуешь. Голова была что называется «тяжёлая». Я протёрла глаза и огляделась. Большинство ребят ещё спали. Сэнсэй с Сергеем и Женей стояли внизу.

Пока мужчины посмеивались над храпом Вано, я несколько сориентировалась в обстановке, припомнив прошедшие события. В памяти всплыл впечатляющий храм Лотоса, и мои воспоминания ожили. Но с другой стороны, очевидно, поскольку я ещё не совсем проснулась, во мне закрались сомнения: «А было ли это на самом деле?»

Перекидываясь шутками Сэнсэй, Сергей и Женя направились к «звуковому» балкончику, откуда, видимо, и раздавался столь мощный храп Вано. Я решила последовать за ними, чтобы окончательно развеяться ото сна. Но, догоняя мужчин, на меня опять нахлынула волна сомнений относительно реальности недавно происшедших событий.

Я остановилась и посветила фонариком на уступ скалы, находившийся в конце левой каменной стен-

ки. По идее за ним был тот самый кольцеобразный проход, с которого и начиналось наше захватывающее путешествие к тайне этих гор. Дабы развеять все свои сомнения я направилась к уступу и зашла за угол. Кольцеобразный проход в глубине туннеля по-прежнему находился на своём месте, ожидая новых смельчаков-посетителей. Я осветила его фонарём. И вновь меня удивила идеальная гладкость желобка, мастерски «впечатанного» в скальную породу. Тут из зала послышался дружный смех мужчин. И я поспешила покинуть это место, дабы присоединиться к ним. Вроде все сомнения развеялись, но всё равно оставалось какое-то странное ощущение, что что-то было не так как раньше. Но что именно, не могла понять.

Отец Иоанн, видимо удобно расположившись на «звуковом балкончике», сладко спал. Великолепная акустика этого зала передавала все фуги, которые выводил батюшка своим залихватским храпом. Мы собирались крикнуть ему, чтобы разбудить. Но Женька всех нас остановил, выдвигая свою кандидатуру для столь специфического дела. Он решил добраться до балкончика и самолично разобраться с Вано.

— Сейчас я ему устрою ужас Судного дня! — с победоносной улыбочкой проговорил парень. — Сейчас он на себе прочувствует все часы моего кошмара...

Женька потёр в предвкушении руки, затем слегка размял свои конечности и с энтузиазмом стал ловко карабкаться по отвесной скале на балкончик. Мы с интересом следили за развитием событий снизу. Парень с кошачьей грацией бесшумно взобрался на «перила» балкона. Осталось сделать лишь последнее движение, чтобы достать отца Иоанна. Женька, очевидно, приготовился к прыжку, как пантера на дичь. И только он начал воплощать свою задумку «кош-

мара», как навстречу его движению резко вылетела рука Вано, вцепившись мёртвой хваткой в горло.

— Ой, й-ё-ё-ё! — прокатился по залу приглушённый звук, и в лоджии послышался грохот массивного тела.

По балкону замелькал луч света от фонаря.

— А, это ты, чадо! Тебе чаво? — прозвучал удивлённый голос батюшки одновременно с его сладким зевком. — О, а что это у тебя с лицом, глазки на лоб вылезли...

Женька прокашлялся, а потом хрипло произнёс:

— Чаво, чаво, я ему хорошую весть принёс, что назад идти пора, а он...

Сэнсэй с Сергеем грохнули со смеху от столь явного преображения «истинных намерений» Женьки. Заспанное лицо Вано выглянуло с балкончика.

— О, что уже назад? — проговорил он, увидев Сэнсэя. — Так быстро? А я вот только прилёг, только глаза закрыл, а тут вы...

— Угу, глаза он закрыл, — проворчал Женька, поднимаясь на ноги, но потом, потерев шею, сымитировал подхалимный, писклявый голос: — Продолжение вашей «непревзойдённой проповеди», святой отец, мы имели удовольствие слушать достаточно длительное время...

— Да? — улыбнулся батюшка. — Ничего, сын мой, это для вас даже весьма полезное дело. Ибо только смирение отсекает пагубные страсти, только терпение телесное возвышает дух...

С этими словами батюшка стал покидать своё лежбище, спускаясь вниз. Женька последовал за ним и позволил себе немного возмутиться лишь тогда, когда обрёл твёрдую почву под ногами. Неудачная шутка с Вано лишь ещё больше раззадорила Женьку на приколы. И когда Сэнсэй попросил его разбудить всех парней для сбора в обратную дорогу, вот тут-то

он и проявил всю свою бурную фантазию. «Жертвами» Женькиных шуток стали Стас и Андрей. Другие же просто проснулись от повального хохота ребят. В общем, закончилась эта история, как всегда, весёлыми шутками и смехом.

Я же, несмотря на общее веселье, всё пыталась разобраться со своими странными ощущениями. И тут меня внезапно осенило, что было не так. В пещерном зале почему-то нигде не было видно тех изумительных зеркальных кристаллов, похожих на горный хрусталь, кои мы с таким усердием освобождали от пыли. Я быстро отыскала те самые ступеньки, между которыми должно, по идее, находиться «зеркало», что я ещё недавно самолично очищала от пыли и грязи. Но вместо сверкающего в своей ослепительной чистоте гладко отполированного кристалла, я обнаружила на том месте лишь ровное, круглое углубление, чуть утопленное одним концом в каменную породу под определённым углом. Причём оно ничем не отличалось по цвету от окружающей серости. Вновь потоком нахлынули сомнения относительно реальности произошедших событий, и волна разочарования накрыла меня как говорится с головой.

Я механически потёрла рукой по круглому углублению. В свете фонаря на поверхности «камня» проявился тусклый блик. Окрылённая надеждой, я достала платочек и тщательнее протёрла небольшой участок от пыли. Так и есть — под слоем многовековой пыли и грязи скрывался знакомый мне гладко отполированный кристалл. «Как такое могло случиться, что все очищенные нами кристаллы разом покрылись тем же самым налётом пыли и грязи? А может мы их не очищали вовсе? Может это был всего лишь сон? Ну как же сон, если я отчётливо помню, что протирала этот кристалл...» Ничего не понимая, моя особа направилась к своим вещам, убеждая себя,

несмотря на все «доводы», что скорее всего это всё приснилось. Но тут, проходя мимо собирающегося коллектива, я случайно услышала, как Вано тихо спросил у Сергея:

— Ну как сходили, с результатом?

— Порядок в танковых войсках, — кивнул тот.

«С результатом?! Каким результатом? — и тут меня неожиданно осенило: — Тамга! Тогда в рюкзаке у меня должен лежать пергамент Агапита!» Я побежала к своему рюкзаку и торопливо стала развязывать верёвки. Наконец открыв его, я с поспешностью запустила туда руку. И практически сразу нащупала цилиндр. Меня охватил волнительный трепет. Но только я хотела вытащить цилиндр из рюкзака, как незаметно подошедший Сэнсэй положил свою руку на мою, остановив её движение, и одновременно настойчиво промолвил:

— Я же сказал, потом посмотришь.

Его слова и внезапное появление на столь волнующем моменте заставили меня вздрогнуть. С поспешностью нашкодившего ребёнка, которого застали врасплох, я отдёрнула руку от цилиндра и демонстративно затянула верёвки рюкзака в тугой узел. Мои сомнения насчёт похода к храму вновь рассеялись, не оставив и следа от былого присутствия.

Уже позже я подумала: «Надо же, оказывается это путешествие в Крым было неслучайным, как нам умудрился внушить Николай Андреевич». Да и чему удивляться? За время знакомства с Сэнсэем я заметила, что рядом с ним вообще не происходило ничего случайного. Более того, такие «случайности» его слов, действий и образа жизни незаметно порождали в судьбах столкнувшихся с ним людей целую последующую цепочку событий.

Собравшись, мы двинулись в обратном направлении. Идти назад всегда немного тяжелее, чем вперёд

в заманчивую неизвестность, по крайней мере мне так казалось. Усталость многочасового перехода брала своё, мы всё чаще останавливались для передышки. Подземелье уже воспринималось вполне привычной средой, и как всё привычное мало обращало на себя внимание. Это давало возможность сосредоточиться на прерванном размышлении о событиях в таинственном Храме, которые потрясли меня до глубины души. Неоднократное прокручивание в голове тех незабываемых кадров, пика волны возвышенных чувств погружали в какое-то необыкновенное состояние внутренней лёгкости, открытости. Воспоминание об истинном облике Сэнсэя, его незабываемом взгляде, проникающего в глубину души человеческой, породило во мне внутренний трепет, переросший почти в какой-то религиозный мандраж. Я всматривалась в фигуру впереди идущего Сэнсэя, и мои возвышенные мысли сами собой возводили его в ранг великого Существа, пришедшего в наш падший мир ради нашего спасения.

Внезапно Сэнсэй поранил руку, зацепившись об острый камень. Все засуетились, предлагая ему помощь. Но он лишь небрежно отмахнулся, мол царапина, тут до выхода осталось недалеко, вылезем — забинтуем. Несмотря на этот случай, мой религиозный мандраж не прошёл, а даже наоборот усилился. В памяти стали всплывать сцены страданий Великих людей. В это время мы уже входили в карстовую пещеру с «пальмами». Дорога была более чем знакома, до выхода оставалось совсем немного. Сэнсэй приотстал. И пока ребята продвигались дальше, он подошёл ко мне. Сердце у меня бешенно заколотилось, взволнованное очередным взлётом возвышенных мыслей о Существе из иного мира, которое спасёт гибнущее человечество. Сэнсэй же, осуждающе покачав головой, сказал следующее:

— Я обыкновенный человек... Видишь, у меня идёт кровь, мне тоже больно... **Каждый сам должен позаботиться о своём спасении, а не ждать, что кто-то придёт и всё за него сделает. Божественное надо искать не во внешнем, а в своём внутреннем. И не просто искать, а стремиться слиться с Ним и стать добрым Творцом своей жизни. Бог внутри каждого человека. И только через свой внутренний мир мы можем постичь Его и дойти к Нему**.

Этими словами Сэнсэй несколько остудил мой пыл, заставляя реальней взглянуть на мир. И действительно, всё в человеке, и никто за него не решит насущные проблемы. Только нам хочется, чтобы было как в сказке, чтобы кто-то пришёл и всё за нас сделал... А самим лень преобразовать себя «из ползающего червя в прекрасную бабочку». Хотя для этого нам даны все инструменты, только твори... Вся сложность в простоте...

Едва эти мысли исчезли, сознание тотчас захлестнула новая волна размышлений об увиденных картинах массового горя, которые всё не давали мне покоя. Именно этими волнующими мыслями я стала впопыхах делиться с шедшим рядом Сэнсэем, даже не позаботившись о том, чтобы пересказать пережитые мною в храме видения.

— Но ведь люди... Они же не знают, их надо предупредить об опасности. Там же было столько горя. Я хочу помочь им... хочу донести до них... Я уверена, они поймут, они станут лучше, они смогут спастись...

— О, наивное дитя, — тихо вздохнул Сэнсэй, отводя взгляд в сторону. — Ты не представляешь себе, сколько до тебя пытались это сделать. Так это были великие Мастера, владеющие тайной человеческой мысли. И то у них мало что путного вышло. Люди

остаются людьми. И, к сожалению, по прошествии тысячелетий они не изменились.

— Ну, почему же? Разве Мастера зря старались?! — возразила я. — Ведь хоть чуть-чуть, но что-то путное вышло. Уже радует! Я понимаю, конечно, я не Мастер и ещё даже не Человек, и надо над собой работать и работать... Но мне очень хочется помочь людям, донести до них то, что узнала я... Ведь для кого-то это окажется той единственной, спасительной соломинкой, благодаря которой он сможет узреть суть. В любом случае это Шанс!

Сэнсэй по-доброму улыбнулся, очевидно из-за моей искренности, и сказал:

— Ну, что я тебе могу сказать по этому поводу? **Благие мысли при сильном желании — предвестники благих деяний. Благие деяния — суть созревающих душ. Смелость порождает Силу духа. Сила духа сплачивает в Единство. Единство удесятеряет Силу, Единый Дух изменяет цикл. Общий результат зависит от усилий каждого. Усилия каждого от изменения внутренней частоты. Частота есть скачок мгновения, выводящий за пределы По.**

Сэнсэй замолчал. И хоть он произнёс вроде бы простые слова, у меня в голове возник, как говорится, «полный ступор». Тогда эти предложения просто врезались в мою память своей необычностью и не совсем понятным для меня смыслом. Но впоследствии сама жизнь стала для меня ключом чуть ли не к каждому произнесённому тогда слову Сэнсэя.

* * *

Когда мы проползали лаз — последнее препятствие горы, отделявшее нас от выхода — он уже не казался таким пугающим, как в первый раз. Наобо-

рот, последние метры преодолевали с особым энтузиазмом, желая поскорее вырваться наружу. Руководствуясь своими субъективными ощущениями, я почему-то подумала, что мы пробыли под землёй двенадцать часов, и ожидала увидеть сумерки. Но когда мы вылезли, к моему удивлению светило солнце. Выходит, мы пробыли там около суток. И, надо отметить, я испытала большое удовольствие, вновь очутившись в родной стихии необъятных просторов. Вот уж действительно стоит побывать в пещере хотя бы ради того, чтобы понять ценность дневного света после долгой темноты, когда перед тобой раскрывается целая гамма разнообразных красок природы, чтобы почувствовать этот свежий, бодрящий воздух, малейшее дуновение ветерка, чтобы ощутить телом пространство и охватить взглядом его дали и наконец-то расслабиться от накопившегося подземного напряжения во время нескончаемой ходьбы по подземным тёмным лабиринтам.

Татьяна и Костик по-хозяйски разбили палатки недалеко от входа, дожидаясь нашего возвращения. Они радостно встретили изнурённый отряд, расспрашивая о подземном путешествии. Но у народа хватило сил разве что поведать в общих чертах и то далеко не всё из того, что было.

Поскольку все изрядно устали, то решили этот день посвятить капитальному отдыху, и лишь на следующий день отправиться к селению, где мы оставили машины. Тоже ведь путь предстоял неблизкий. Пообедав, мы разошлись по палаткам. Я так мечтала выспаться, но когда уже забралась в спальный мешок, моего блаженства от соприкосновения с «подушкой» хватило минут на двадцать. А потом сон как рукой сняло. Татьяна уже вовсю сопела под боком, а я всё ворочалась и никак не могла заснуть. Мысли всё время прокручивали самые волнующие кадры нашего по-

хода. Но в то же время и сомнения не дремали. Они словно рой надоедливого гнуса кружили вокруг воспоминаний загадочных событий этого путешествия и пытались «укусить» при каждом удобном случае своими вопросами. «Почему на зеркальном кристалле лежал толстый слой пыли, словно его тысячелетиями никто не касался? Хотя я точно помню, что протирала. Почему в храме Лотоса не было тени? Ведь даже когда я свела обе ладони, между ними вместо тени стоял мягкий свет. Почему мы не покинули помещение, когда открывался щит капсулы, а спасались от какого-то неизвестного газа в нише за постаментом черепа единорога? Единорога?! Может это бред моего мозга? Устала, уснула, мало ли что приснится? А цилиндр?! А цилиндр, возможно, Сэнсэй отдал мне, когда я была в полудрёме и моя особа автоматически положила данную вещь к себе в рюкзак, сразу не придав этому значения. Очевидно, из-за этого и сон такой странный получился. Но если это был сон, то откуда такая исчерпывающая информация о том, что узнала в данном «сновидении» от Сэнсэя?! Ведь я до этого точно нигде ничего подобного не слышала и не видела! Хотя, как говорил Сэнсэй, подсознание иногда выкидывает такие шутки с человеком... Хм, искусственный камень внеземного происхождения... Какая-то тамга Прави, тамга Владыки?! Воины Света... «Волшебное Око» Гора... Киев... Чернобыль... Шамбала... Голова Осириса. Ерунда какая-то, как может Киев являться головой Осириса? И тем более в этой голове находится храм Лотоса?! Да нет, это точно мой бред. В жизни такого не бывает. Это явно был сон!»

В конце концов, чтобы отвлечься от своих мыслей, я встала и решила проветриться. Возле тлеющего костра, на котором готовился обед, сидели Сергей и отец Иоанн. Причём, если Вано выглядел уставшим, то Сергей, наоборот, бодрым и свежим.

— Не помешаю? — осведомилась я, подходя к костру.

— Присоединяйся, — с улыбкой пригласил Вано. — Что, не спится?

— Да какой там! — махнула я рукой.

— Ну давайте тогда почаёвничаем, — предложил Сергей.

Минут через пять к нашему молчаливому чаепитию присоединился Валера, затем Николай Андреевич. Причём на тот же вопрос Вано: «Что, не спится, доктор?», тот ответил так же как и я: «Да какой там!» События, произошедшие в походе, явно произвели на всех неизгладимое впечатление. Вскоре из своей палатки вышел и сам Сэнсэй. Он выглядел вполне отдохнувшим, хотя после нашего обеда прошло всего около двух часов.

— О, вы уже встали? — глянув на нашу компанию, с юмором произнёс Сэнсэй.

— Мы и не ложились, — также шутливо ответил ему Вано.

— Разве тут уснёшь после всего того, что было? — заявил наш психотерапевт. — Как говорил Бертольд Брехт: «Никакой поход не даётся с таким трудом, как возвращение к здравому смыслу».

Сэнсэй засмеялся и сказал:

— Ну, раз спать не хотите, тогда пошли... Ещё что-то интересное покажу.

«Ещё что-то?!» — встрепенулась я. Это меня заинтриговало.

— А мне можно с вами? — осторожно поинтересовалась моя особа у Сэнсэя.

— Конечно можно, — как само собой разумеющееся промолвил Сэнсэй.

Несмотря на усталость, никто из присутствующих не стал не только возражать против этой прогулки, но даже расспрашивать, куда и зачем мы идём. Нао-

борот, все дружно зашевелились, вставая со своих мест, будто так и надо. Сергей предусмотрительно затушил тлеющие угли водой из чайника, дабы не случился пожар.

— А снаряжение понадобится? — спросил Николай Андреевич.

— Да нет, так пройдёмся, — махнул рукой Сэнсэй.

Мы пошли сначала вдоль склона прогулочным шагом, наслаждаясь крымским горным воздухом и неповторимым пейзажем. Потом наша невидимая тропа, пролегающая сквозь строй удивительных деревьев разных видов, вывела наверх к поляне, устланной зелёной муравой. Трава, не успевшая выгореть на солнце, пучками тянулась к светилу, отвоёвывая у камней каждый клочок земли. Попадался на глаза и можжевельник, отчётливо выделяющийся своей тёмной зеленью хвои на светлом горно-луговом ковре. Он словно низко кланялся матушке-Природе, прижимаясь к земле и распластав свои ветви в разные стороны. Чем выше мы поднимались, тем больше нам открывалась красивейшая панорама горного пейзажа, порождая захватывающее чувство свободы и мысленного полёта в этом огромном воздушном пространстве.

Вано с Сергеем рассказывали какие-то смешные истории, что делало наш путь ещё приятнее. Всё-таки на поверхности, может быть, из-за такого разнообразия природных красок, её кипящей жизни, дорога не казалась столь тяжёлой и утомительной, как под землёй. Мы и не заметили как пролетело время, когда добрались до конечного пункта нашей пешей прогулки по горам.

— Здесь, — кивнул Сэнсэй, указывая вниз по склону.

Наша компания спустилась к большому каменному «памятнику». Этот многотонный красавец являлся,

очевидно, очень древним сооружением. Некогда хорошо обработанные его бока обветрились, кое-где уже частично разрушились. Но что поделать, как говорится, ничто не вечно под луной. Всё когда-то разрушается и всему когда-то приходит конец. Но пока долгожитель-великан устойчиво стоял на своих каменных ногах, удерживая на себе, как Атлант небо, тяжёлую каменную плиту-ношу, некогда кем-то взваленную на его могучие плечи.

— Да, восхитительное творение! — сказал Николай Андреевич.

— И кто это так от безделья маялся? — в шутку проговорил отец Иоанн.

— Ну, ты даёшь! — со смехом возмутился Сергей. — Это же дольмен! Это же великая архитектура древности!

— Вот это архитектура?! Да дайте мне подъёмный кран, я вам таких «архитектур» сколько угодно наштампую.

— Так в том-то и дело, что тебе «дай подъёмный кран», а те, кто это возводил, обходились без него.

— И на кой им это было нужно? — пожал плечами Вано, продолжая, видимо, специально подкалывать Сергея.

— На кой? — передразнил тот, но подумав, с юмором ответил: — Вот и археологи гадают: «Ну, на кой было это сооружать?»

Компания рассмеялась. Пока Сергей и Вано шутили, мы с Николаем Андреевичем и Валерой обошли дольмен.

— Да, — тихо проговорил доктор, прикасаясь к каменным глыбам, — несомненно доисторические строители обладали какой-то универсальной силой или техникой.

— Интересно, кто же их обрабатывал и устанавливал? — спросила я.

— Загадка. Обработку некоторых древних дольменов датируют каменным веком. А в то время, как утверждает наша официальная история, жили лишь охотники да собиратели. Хотя... — Николай Андреевич улыбнулся, — говорят, никто не изменяет так историю, как историки. Но парадокс дольменов и других мегалитических сооружений в том, что чем древнее комплекс, тем он больше и мощнее. То есть, для глубокой древности характерны были гигантские, тщательно продуманные и спланированные сооружения да ещё зачастую с воплощением в них астрономических, геометрических знаний. Это говорит о чём? О том, что в старину владели серьёзными знаниями.

— Это же сколько людей нужно было привлечь, чтобы соорудить такую махину?

— Самое любопытное, что раньше людей по количеству было гораздо меньше на Земле, чем сейчас. Да и те были разбросаны по земному шару. Это же не сегодняшние наши миллиарды.

— Интересно, а зачем им нужно было сооружать эти дольмены?

Николай Андреевич пожал плечами.

— Считается, что это — «погребения витязей», хотя в основном многие из дольменов пусты. Никаких тебе следов бренных человеческих останков. Главное, эти дольмены есть по всему миру, на всех континентах разбросаны. В одних только регионах доисторической Европы более тысячи примерно одинаковой архитектуры. Учёные даже вычислили по обмерке каменных монолитов, что в древние времена в Европе была общепринята одна и та же мера длины — мегалитический ярд. Он равнялся 82,9 сантиметра. Следовательно, можно смело предположить, что те, кто строил, неплохо владели ещё и математикой. Кроме того, непонятно, как они всё это устанавливали.

Обойдя дольмен, мы присоединились к Сэнсэю и Валере, которые уселись на камни, валявшиеся неподалёку. Чуть позже рядом расположились Вано с Сергеем. Некоторое время мы все молчали, наслаждаясь картиной природы. Ветер властно прогуливался волнами по зелёному склону горы, шевеля верхушки деревьев, расположенных ниже. Чарующий горный пейзаж, открывающийся с этого места, завораживал своей объёмной панорамой. Вокруг царил необыкновенный покой — вечный страж многовековой памяти.

— Да... — задумчиво сказал Сэнсэй. — Сколько лет прошло...

Сергей глянул на него и как-то робко спросил:

— Интересно, сколько же веков этому старичку-дольмену?

— Много... очень много, — ответил Сэнсэй. — Это дольмен Прави... — И немного помолчав, неожиданно добавил: — Кстати говоря, если визуально провести прямую линию... вот в том направлении, как раз она бы вывела на место бывшей «резиденции» Ригдена Джаппо, которая когда-то, давным-давно, находилась поистине в райском месте на берегу великолепного озера. К сожалению, ныне там плещутся волны Чёрного моря.

— Так что, при желании можно отыскать на дне остатки этого древнего сооружения?

— При желании всё можно, — добродушно ответил Сэнсэй.

Сергей немного помолчал, а потом сказал:

— А камни этих глыб явно не местные, судя по породе.

Сэнсэй кинул взгляд на дольмен.

— Да, их взяли километров за девяносто отсюда.

— Красивые, — произнёс Сергей.

Сэнсэй кивнул, соглашаясь с ним.

Все посмотрели в ту сторону. Честно говоря, я так и не поняла, о какой красоте шла речь. Камни как камни, ну немножко отличаются от местных камней. А так...

— Здесь был похоронен один из Прави, — промолвил Сэнсэй.

— Так что, тут покоятся его останки? — поинтересовался отец Иоанн.

— Это последнее пристанище его тела на Земле. Отсюда он ушёл в Нирвану.

— Если здесь похоронен сам Прави, то тут по идее должна быть мощная энергетика, — заметил Николай Андреевич. — Маленький кристалл и то как чувствовался, а здесь целый дольмен. И никаких тебе внутренних ощущений.

Сэнсэй, глядя куда-то вдаль, произнёс:

— Этим камням уже много лет. Бывший здесь энергетический фон, к сожалению, уже практически рассеялся.

— А другие дольмены тоже подобного назначения? — спросил Николай Андреевич.

— Смотря какие, — пожал плечами Сэнсэй. — Иногда это были творения Гелиаров и Этимонов. Эти дольмены раньше использовали и как ловушки силы.

— В каком смысле? — спросил Сергей.

— Да потом как-нибудь расскажу... Позже люди стали подражать им в строительствах уже меньших дольменов.

— Значит, в этом покоятся останки Прави? — вновь уточнил отец Иоанн.

— Да нет там никаких останков.

— Как нет? Ты же сказал, он тут похоронен.

— Здесь он умер в нашем понимании этого слова. А по факту сознательно ушёл в Нирвану, прежде разрушив своё тело на атомные и субатомные частицы. Так что здесь ты даже праха не найдёшь.

Вано недоверчиво покосился на Сэнсэя:

— Так не бывает.

— Ещё как бывает, — добродушно ответил ему Сэнсэй. — Тело человеческое есть лишь иллюзия, как всякая материя. Это сфокусированная волна. И я тебе об этом уже неоднократно рассказывал. При желании с ним можно сотворить всё что угодно, особенно если Человек, пребывающий в нём, достиг значительных духовных высот. Он может спокойно разложить своё тело по энергетическим составляющим, а может сохранить тело в самом наилучшем виде, затормозить жизненные процессы настолько, что его органика очень долго будет сохраняться практически живая, хотя его там по сути уже не будет. То есть его тело ничем — ни органикой кожи, ни волос, ни ногтей — не будет отличаться от органики живого. Даже запаха, возвещающего о процессе гниения, не будет. Одно благоухание! Причём неважно, где это тело будет находиться: в земле, в пещере или на открытом воздухе. Вариаций с материей масса. Ведь если в тебе главенствует душа, открывается сила Бога. А для Божьей силы невозможного просто не существует.

— Ну, с последними утверждениями я, безусловно, согласен, — мягко проговорил отец Иоанн и тут же возразил: — Но ведь даже мощи святых подвержены процессу разрушения органики.

Сэнсэй таинственно улыбнулся, глядя на него каким-то проницательным взглядом, и молвил:

— В твоей жизни будет случай, когда ты сможешь лично убедиться в моих словах. Через пять лет в Бурятии ты будешь присутствовать при извлечении тела буддийского монаха, похороненного в 1927 году.

— Я?! — удивлённо вскинул брови отец Иоанн. — В Бурятии? Да что я там забыл, да ещё у могилы буддийского монаха? Ты шутишь?

— Отнюдь, — ответил Сэнсэй.

Вано с улыбкой смотрел на друга, пытаясь определить для себя процент правды в его словах. Сергей же похлопал батюшку по плечу и произнёс, прищёлкнув языком:

— В каждой шутке есть доля шутки. Так что как ни крути, а тебя ждёт одна дорога — в Бурятию!

И сделал приглашающий жест... в ближайшее будущее. Все рассмеялись.

— Да, Сэнсэй, круто ты меня послал, — усмехнулся Вано. — Надо же, в Бурятию! Не мог уже куда-нибудь поюжнее, например на Канарские острова...

— Та, — махнул рукой Сэнсэй, поддерживая его шуточный тон, — зачем они тебе нужны, те Канары? Там скоро снег выпадет и будет холодно.

— Ты чё, Сэнсэй, это же Канары! Это же Испания, северо-западное побережье Африки! Какой снег среди вечного лета?! — смеясь, возмущался Вано. — Нет, ты точно географии не знаешь!

— Да что, я виноват что ли, если она каждый раз меняется? — в тон ему со смехом ответил Сэнсэй. — Попробуй, запомни все эти земные дроби с дробинками.

Все вновь рассмеялись.

— А что, жизнь — штука непредсказуемая, — лукаво проговорил Сергей. — Я, например, не давеча как несколько часов назад видел себя стоящим в церкви, в рясе, с бородой и крестом на пузе. И к чему бы это?

Сергей глянул на Сэнсэя.

— Ну, пути Господни неисповедимы, — невозмутимо ответил тот.

— А вот что я видел, — неожиданно сказал Николай Андреевич серьёзным тоном. — Сначала какие-то непонятные, я бы даже сказал, неестественные знаки природы. Якобы после землетрясения и

затмения луны ядовитая змея, совершенно непривычная для наших мест, разворошила в лесу большой муравейник и улеглась в его середине, давя муравьёв своим весом. Лежит она, а к ней со всех сторон подползают рабочие чёрные муравьи, лезут прямо под неё, словно не замечают опасности. А она, знай, проворачивает свои кольца и давит их своей массой. Я взял палку и хотел её прогнать. Змея как зашипела, как встала в стойку кобры... Да такая здоровая, в два человеческих роста. Я со страху прямо обомлел. Смотрю, а в середине её колец земной глобус, на памятник похож. И как только эта змея стала нападать, меня выкинуло из этого жуткого видения...

— Слышите, мужики, вы чего в пещерах газом, что ли, каким-то надышались? — попытался пошутить Вано. — Один в Бурятию посылает, второй крест на пузе рассматривает, третий вообще к рептилиям приставал.

Вместо ожидаемого смеха отец Иоанн увидел лишь некое жалкое подобие вялых улыбок.

— Может быть, — нехотя поддержал его шутку Николай Андреевич. — Только уж слишком всё реально... Ведь та змея лишь вначале была змеёй. Понятно, что я испытываю некоторый страх перед рептилиями, и мой мозг просто ассоциативно преобразовал какую-то опасность в подобный образ. А если учесть то обстоятельство, что в последние дни мои мысли были заняты вопросом о Деструкторах и Кандуках, то логично предположить, что именно об этом моё подсознание и пыталось донести до меня какую-то информацию... Так вот, едва я успел отскочить, меня вышибло из одного видения в другое, с ещё более пугающей реальностью. Стою я среди огромной толпы, которая что-то скандирует. Но люди ведут себя как-то очень странно, будто сомнамбулы. Одни и те же лозунги без конца повторяют, как закоди-

рованные, одну и ту же информацию слово в слово друг другу пересказывают. За внешними улыбками — скрытая агрессивность, за «праведными речами» с трибун — сплошной обман...

Когда Николай Андреевич закончил рассказ, Сэнсэй произнёс:

— То, что ты видел, это, к сожалению, ближайшее будущее, начало конца.

Сэнсэй немного помолчал, а потом вдруг без предисловий стал читать странное стихотворение:

— Во времена Перекрестья
Кривда заменит Правду.
У крайя за год Слово дано
Но эхо его — крик в пустоту,
Мало кто слышит.
Число, в сумме бесконечность,
Перевёрнутая в вертикаль,
Откроет врата Гнева.
Ошибка есть ключ,
Вскрывший ящик Пандоры.
Владыка морской в день сей проснётся,
Встряхнув волосами,
И сотни тысяч жизней поглотит
Первой расплатой за Глупость и Эго.
Вторая расплата настигнет внезапно
Мир людской в больший ужас ввергая...

Я слушала это странное стихотворение сплошных катастроф, безуспешно пытаясь в мыслях конкретизировать географию и грядущее событие. Когда же Сэнсэй закончил читать, воцарилась тишина.

— Ну ты и загнул, — первым не выдержал Вано. — Умеешь, однако, успокаивать.

Сэнсэй пожал плечами.

— Не время расслабляться.

— Да какой там «расслабляться»? У меня теперь в голове сплошные «китайские иероглифы» в древнеевропейском исполнении. И что этот «сборник» означает?

— Понятное дело, звездец скоро! — не раздумывая, высказался Сергей и тут же поправился, глянув в мою сторону. — Извините, конечно, за выражение.

— Ну, это и чукче понятно, а что конкретно? — добивался отец Иоанн.

— Даже если я тебе скажу, что будет конкретно, ты всё равно не поверишь, — сказал Сэнсэй.

— Это почему же не поверю?!

— А ты сильно бы поверил в распад Союза, если бы я тебе об этом сказал на следующий день после того, как Батька стал Генсеком?

— Нет, конечно.

— Вот, а теперь ты хочешь, чтобы я рассказал про то, что по сравнению с распадом Союза — как небо и земля.

— Неужели так хреново?

— Хуже.

— А лично мне кажется, что хуже, чем распад Союза, моей Родины, уже и придумать невозможно. Даже катаклизмы не так страшны, — произнёс Сергей.

— К сожалению, — ответил Сэнсэй, — впереди людей ожидают такие испытания, которые, дай Бог, им выдержать и пройти! А что касательно славянских территорий, то скоро они станут спасительным местом для многих климатических беженцев земного шара. И особенно на эти территории положат «глаз» Архонты, как на лакомый кусочек. Правдами-неправдами они будут предпринимать все попытки, чтобы любым способом завладеть этими землями и стать там Хозяевами. Они будут вкладывать в покупку земель большие денежные средства, поскольку пре-

красно будут понимать, что деньги скоро превратятся в ничто. Бумажкой не наешься. Деньги потеряют свою значимость. Кому, к примеру, будут нужны доллары, если не будет самой Америки? Так что можете не копить деньги на старость, — улыбнулся Сэнсэй, задержав взгляд на Николае Андреевиче. — Очень скоро наступят времена, когда единственной материальной ценностью среди людей станет еда, тепло и крыша над головой. Но и это, конечно, будет временным явлением, как и всё в этом мире. Когда люди утратят свои материальные ценности, ради которых они жили, то на себе прочувствуют и поймут важность скорейшего обретения духовного богатства. — И помолчав немного, добавил: — Планету ждут серьёзные, большие катаклизмы. И лишь духовное объединение славян, ядро которого будет составлять Россия, Украина и Белоруссия, сможет спасти и помочь выжить многим людям на Земле. Поскольку славяне — это единственный оставшийся духовный оплот мира, способный спасти не только самих себя, но и человечество в целом. В противном случае, если в людском мире по-прежнему будет сохраняться доминация Животного, которое, естественно, попытается раздробить славян, поссорить их между собой и сделать из них рабов Эго, в истории этой цивилизации будет поставлена окончательная точка...

Перед моими глазами, словно вживую, вновь предстали картины глобальных катастроф, увиденных в Храме. Мир рушился за короткий промежуток времени. Многие люди гибли, застигнутые врасплох природным гневом. Я чувствовала, что этот мир балансировал на грани огромной пропасти. И прекрасно понимала, что в этой мясорубке природных катаклизмов и людской злобы выжить мало шансов у всех людей, в том числе и у меня. Это обостряющееся ощущение неизбежной гибели придавало

новый импульс жизни, ценности проживаемых мгновений. И захотелось только одного: прожить эти последние мгновения с максимальной пользой для своей души, во имя Бога и на благо людей.

Во время таких размышлений к моему очередному удивлению разговор мужчин зашёл о Гелиарах.

— ...Раз наступает такой глобальный конец, так хоть перед смертью по-настоящему уважить свою душу, оказывая духовную помощь людям, служа на их духовное благо, — закончил свою речь батюшка.

— Да, Гелиары жили совершенно другой, настоящей реальностью, а не той материальной иллюзией бесконечных проблем, в которой пребывает человечество, — кивнул Сэнсэй, отвечая отцу Иоанну. — Своей ежедневной борьбой с нечистью они совершенствовали и наращивали духовную силу. Духовная же сила может не только управлять стихиями, но и двигать планеты. **Нет ничего невозможного для того, кто пребывает в реальности Бога**. Поэтому Гелиары и Этимоны по праву назывались Великими Воинами. Эти люди, вышедшие из простых смертных, сумели побороть в себе Животное, обрести целостность и вступить в битву с нечистью за людей на той стороне сознания. Чистотой своего духа, своим реальным служением Богу они заслужили себе самую ценную духовную награду: обрели власть над смертью и право уйти в Нирвану, в настоящую реальность Бога. Оценить это счастье близости с Богом может лишь тот, кто каждый день приближался к нему в упорном духовном труде.

— Да, — задумчиво произнёс Николай Андреевич, — это действительно несравнимо ни с какой земной наградой, в том числе и признанием обществом твоих заслуг. Да в общем-то и признание это во многом фальшивое, так, одобряющий хлопок по плечу...

— ... и интенсивный пинок под зад, — закончил его предложение Сергей.

— Вот то-то и оно, — печально промолвил Николай Андреевич. — Одна кажущаяся видимость.

— Люди во многом заблуждаются, считая, что истинная награда — признание их заслуг окружающим обществом, — проговорил Сэнсэй. — От этого внешнего сюжета внутренняя суть человека не обретёт своей целостности. На подсознательном уровне человек так и остаётся неудовлетворённым, со своим комплексом собственных проблем... Жизнь пролетает быстро, и кажущиеся когда-то важными ценности не только меняются достаточно часто, но со временем теряют свой смысл. И это неудовлетворение собой, обман надежд, собственных иллюзий в прожитой жизни, в конце концов лишь усиливает гнёт внутреннего груза причинности и бессмысленности своего существования. Всё, что ранее казалось важным, со временем теряет свою актуальность и превращается в прах, ненужный хлам прошлого. Каждый человек, оценивая прожитую жизнь, пытается утешить сам себя в оправданиях, что всё же он прожил не зря. Почему? Потому что на самом деле понимает, что, несмотря на все события, он остаётся неудовлетворённым, ведь жизнь внутри его была пуста. Все силы он растратил на внешнее, не удосужившись поработать над внутренним. И всё внешнее оказалось как дым, как мираж, ослепив своим видением и канув в темноту...

Животное начало всегда найдёт путь обмана. Поскольку этот мир есть его вотчина. Человек же здесь как гость. Мир этот временный, попросту иллюзия, где каждый индивид, попадая в него, мечтает обрести счастье. В разные времена царит разная иллюзия относительно этого счастья. Сегодня — это мода на деньги. Многим кажется, вот они заработают нем-

ного денег и достигнут желанного счастья. Денег человек заработал, а в душе по-прежнему тоскливо. Думает, ну вот разбогатею, тогда уж точно обрету счастье. Разбогател, а внутри всё чего-то не хватает. Человек мечтает, ну сейчас обрету власть и больше ничего не нужно. Обрёл власть, а неудовлетворённость всё присутствует. Ну, думает, вот достигну президентского кресла. И тут, став президентом и оставшись наедине всё с той же проблемой отсутствия счастья, понимает, что все его старания были напрасны. Ничего из пройденного пути не принесло ему долгожданного счастья. Потому что настоящее счастье человек может обрести только внутри себя, пребывая в гармонии со своей душой.

Есть одна доходчивая притча на сей счёт, правда очень древняя и длинная. Но если коротко о главном, то в современном понимании она звучит приблизительно так. «Природа не спрашивала, когда воспроизводила человека на свет, хочет ли он глотка жизни. Но человек подрос и стал мыслящим существом среди таких же, как он сам. Когда он ходил в детский сад, ему хотелось поскорее пойти в школу. Ведь там, он думал, будет гораздо интереснее. Подрос человек и пошёл в школу. Но его быстро постигло разочарование. Оказывается, в школе такая же скучная жизнь, только ещё проблемы появились. И человек мечтает скорее окончить школу и поступить в институт. Вот там-то, по его мнению, настоящая жизнь. Оканчивает школу, поступает в институт. Жизнь, о которой мечтал, всё не наступает, а проблем ещё прибавилось. Человек думает: ладно, устроюсь на хорошую работу и должность себе покруче отхвачу, заведу семью, вот тогда поживу как следует. Прошло время, исполнились его намерения. А настоящей жизни как не было, так и нет, всё какие-то хлопоты, сплошная череда нескончаемых проблем. Человек думает: вот на пен-

сии уж точно реализую все свои мечты. Дожил до пенсии, старый стал, никому не нужный. Оказывается, и смерть не за горами, и пожить толком не успел, и мечты о счастье так и остались мечтами. Жизнь пролетела от детского садика до пенсии, а человек так и не познал, какая она — *настоящая жизнь*. Как пришёл в этот мир голый, так и ушёл, ничего не взяв с собой. Природа не спрашивала, когда забирала человека на тот свет, хочет ли он сделать ещё один глоток жизни». А мораль такова, что самый большой обман Животного заключается в том, что оно пытается скрыть от человека настоящую силу его духовного внутреннего и то, что рано или поздно, но наступит «сейчас», в котором он умрёт, каких бы он ни строил планов на своё будущее...

Сэнсэй говорил, а во мне возникали разные чувства. Да, если смотреть с позиции материи, жизнь вроде и бесценна, единственна и неповторима. Но если разобраться, то мы действительно живём в потёмках своих иллюзий. И главное, все силы отдаём своему внешнему, не заботясь о своём внутреннем. Живём какой-то призрачной надеждой, что уже завтра жить станет лучше. Если мы утрачиваем эту надежду, то впадаем в уныние от бессмысленности своего существования. А ведь жизнь — это постоянное «здесь и сейчас». И в первую очередь, — это жизнь твоего внутреннего состояния, жизнь твоих мыслей. Но если душа находится в постоянном внутреннем угнетении нескончаемых желаний материи, разве это жизнь? Это бесконечное страдание.

— ...Гелиары тем и отличаются от простых людей, что они рвут иллюзию Животного, — продолжал рассказывать Сэнсэй. — Для них жизнь — это борьба. Они посвящают ей свою жизнь и ни секунды не тратят на иллюзию. Гелиары служат Богу, борются за жизни простых людей, отбивая у нечисти охоту

беспредельничать. У людей из поколения в поколение передаются легенды о последнем сражении сил Добра и Зла. Гелиары же не дожидаются его, а мужественно вступают в битву «здесь и сейчас». Они жертвуют своей жизнью во имя людей, во имя их спокойствия, дабы люди могли познать красоту Творения и Любовь Господа. — Сэнсэй вытащил из кармана коробочку очень похожую на ту, что я видела во «сне». От неожиданности у меня аж дух перехватило. Но он, повертев её в руках, не стал открывать. — Безусловно, это действительно путь, который позволяет за короткий промежуток времени попасть в реальность Бога. Но вы, мужики, не представляете, насколько он тяжёлый... Во-первых, это далеко не безопасный путь. Вы не ведаете, что такое бой с нечистью, сколько он потребует от вас мужества и усилий. Это ни в какое сравнение не идёт даже с тем опытом, что у вас имеется. Потому что, чтобы вступать в борьбу с нечистью, нужно, в первую очередь, приложить максимум усилий, дабы своё Животное посадить на цепь, иначе оно вас уничтожит. Во-вторых, вы не представляете себе, что такое жизнь Гелиара. Это двойное существование, где помимо обычной жизни для глаз окружающих Гелиар ведёт напряжённую, ежедневную, изматывающую духовную работу, которая никогда не будет оценена ни вашими близкими, ни уж тем более теми, кого вы защищаете. Поскольку люди остаются людьми. Каждый из них занят своим бытием, живёт своей жизнью, блуждая бесприютным призраком в потёмках своего Животного. Нужно настолько любить людей, чтобы оказывать безвозмездную помощь даже тем, кто кажется вам совершенно недостойным её иметь. Так что путь не из лёгких. На такой духовный подвиг способен далеко не каждый. Прежде всего надо иметь действительно огромное желание помочь

людям, доброту в вашем сердце и чистую веру в Бога. Так что подумайте хорошо, готовы ли вы к этому? Ещё не поздно отказаться...

По мере того, как Сэнсэй говорил, я почувствовала, что мой «цветок лотоса» словно стал раскрывать свои «лепестки» от прилива каких-то благодатных волн, отчего на душе сделалось очень приятно. В сознании наступила необыкновенная ясность и чистота. И тут я неожиданно поняла именно на каком-то глубоко внутреннем уровне, насколько эта помощь, о которой говорил Сэнсэй, ценна для людей! Насколько необходимо, в первую очередь, для тебя то добро, которое ты творишь втайне! В памяти всплыли строки из Библии: «Чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно». Ведь перед этой благой целью действительно всё меркнет. Я вспомнила, как буквально несколько минут назад пыталась сожалеть о каких-то своих меркантильных, личных интересах в своей жизни. И здесь поймала себя на том, как же сильно ещё во мне Животное. Как я вообще могла возвеличивать до такой степени материю, если совсем рядом со мной бесценное вечное? Какой смысл в этой бренной материальной жизни, где ты не живёшь душой, а влачишь жалкое существование? Какой смысл в ближайшем будущем, если природа восстанет против людей и будет хуже, чем самая страшная война? Успею ли я дожить до старости? И что вообще может дать старость при стремительных нынешних переменах далеко не в лучшую сторону? Какой смысл в этих иллюзорных планах на будущее, которые Животное так усиленно навязывает мне в мыслях, если в реальности не знаешь, что с тобой произойдёт через минуту? И тут мне стало смешно: я заметила, что даже в этой нарастающей волне мыслей начинает бояться моё Животное. «Да и хрен с ней, с этой материей! — подумала я. —

А насчёт будущего... Чему быть, того не миновать. Но хоть напоследок пожить душой, для собственной совести, во имя Бога, на благо людей! Возможно, в предстоящих глобальных катаклизмах и гибели цивилизации для меня это последний шанс спасти свою душу». И хоть Сэнсэй обращался в своей речи не ко мне и, очевидно, многого я не знала в отличие от тех, кто находился здесь, но всё же и мне тоже очень захотелось стать на путь Гелиара.

После того, как закончил говорить Сэнсэй, в очередной раз предупреждая насколько это сложный путь, точно в унисон моим мыслям Сергей произнёс:

— Я для себя давно всё решил. Этот мир Животного уже достал! Он словно поганка: внешне привлекает, а внутри ядовит. Лично с меня хватит его галлюциногенов.

Отец Иоанн тоже подтвердил своё решение:

— Дело это богоугодное, многого стоит.

Николай Андреевич кивнул, соглашаясь с остальными:

— Что бы там ни было, я рад такому шансу в своей судьбе.

— И я тоже! — заявила моя особа, пребывая на волне всеобщего патриотизма.

Все с удивлением обернулись. Сергей и отец Иоанн, посмотрев на мой «воинствующий» вид, как-то быстро опустили головы, чтобы скрыть улыбки. Сэнсэй же скрывать улыбку не стал и как можно мягче мне объяснил:

— Каждый, солнышко, безусловно, выбирает свой путь. Но для человека тот путь особо ценен, который ему не только под силу преодолеть, но и на котором он сможет с максимальной пользой реализовать свой индивидуальный внутренний потенциал.

Он замолчал и внимательно посмотрел на всех присутствующих проницательным взглядом, особенно

задержав его на мужчинах, точно изучая самые потаённые глубины их внутреннего мира. Потом глянул на сияющий диск солнца и промолвил:

— Ну что ж, раз вы так решили, так тому и быть! Значит, **пришло время эзоосмосу Гелиаров вновь увидеть солнечный свет**.

Он открыл коробочку и освободил из ткани... ту самую тамгу Прави! Солнечные лучи небесного светила приветливо заиграли на её поверхности. Воздух вокруг словно вздрогнул, когда древние кристаллы вспыхнули в ответ ослепительным светом, озаряя наши лица изумительным блеском своих идеальных граней. Эти сияющие, чистые лучи стремительно заполняли окружающее пространство. Казалось, для них не существовало никаких препятствий. Безудержным потоком они хлынули в наши души, порождая невероятный внутренний всплеск могучих сил Добра.

Содержание

потрясающий рассказ Сэнсэя о знаменитом Святом Киевской Руси АГАПИТЕ ВРАЧЕ БЕЗМЕЗДНОМ, чудотворные мощи которого до сих пор хранятся в Киево-Печерской Лавре. Это и многое другое узнает читатель, перед которым раскроется совершенно иной взгляд на мир, историю и вечные вопросы человечества.

Сэнсэй-III. Исконный Шамбалы

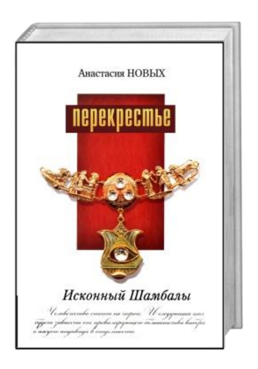
Книга повествует об ещё одном исключительном дне пребывания на море коллектива по восточным единоборствам во главе с Сэнсэем, где их посещает богатый и необычный гость — Ариман, имеющий свой взгляд на мир, свою философию и свои способы выживания и достижения богатства в этом мире. На чашу весов личного выбора ребят помимо миропонимания Сэнсэя положено ещё одно веское мнение. Кому отдаст предпочтение сам читатель — в этом заключена интрига книги.

Сэнсэй-IV. Исконный Шамбалы

Книга, повествующая о заключительных днях отдыха на море группы ребят, занимающихся восточными единоборствами во главе с Сэнсэем. Помимо познавательных древних практик Сэнсэя, его демонстраций, — увлекательное раскрытие Сэнсэем сенсационных тайн истории, тщательно скрываемых в событиях тысячелетий. Кроме того, учение Имхотепа и тайна происхождения общества «Вольных каменщиков»; теневая власть Архонтов над императорами и правителями мира и их методы воздействия, активно применяемые и в наше время; тайна происхождения «понтификов»; неизвестные сведения о жизни Иисуса; тайна Грааля в прошлом и настоящем; утраченное древнее понятие о сущности «аллата»; подлинное знание о планете Фаэтон; сенсация для науки.

Это и многое другое откроет для себя читатель, взглянув на историю этого мира под совершенно новым углом зрения.

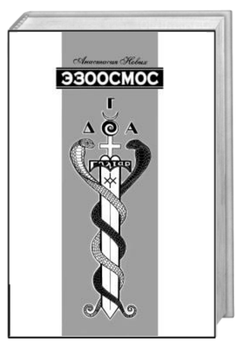
Перекрестье. Исконный Шамбалы

Динамичный, увлекательный детектив, повествующий о реализации через разведслужбы секретного проекта тайной элитной организации славян, истоки которой восходят к началу XX

века, к легендарным офицерам спецслужб, занимавшимся поиском Шамбалы. Действие происходит в 1994–1995 годах. В реализации данного проекта, сыгравшего в последующем одну из основополагающих ролей в развитии событий в славянских государствах, был задействован главный герой книги «Сэнсэй. Исконный Шамбалы» — Сэнсэй. Благодаря его профессионализму, личному мировоззрению, неординарным способностям и таланту универсального аналитика, была ликвидирована опасная проблема, курируемая преступным миром, которая представляла серьёзную угрозу данному проекту.

Наряду с захватывающей динамикой в книге много интересного: о работе спецслужб, о подлинной истории прошедших событий, имеющих отголоски в настоящем; полезной познавательной информации о человеке и его феноменах; таинственных пророчеств и необычного видения проблем человечества под совершенно иным углом зрения.

Эзоосмос. Исконный Шамбалы

Увлекательная книга, полная юмора и приключений главных героев. Впечатляющая информация о мире, о тайнах времени, о феномене телепортации. А также о скрытой стороне жизни общества, о тех, кто порой является истинной причиной провоцирования многих несчастных случаев, суицидов, продолжительных «беспричинных» болезней людей, внезапных депрессивных состояний. Главный герой — Сэнсэй раскрывает уникальные сведения о подлинной структуре этих сил, причинах подобного их поведения, методах их воздействия, а также рассказывает о тех мужественных, высокодуховных людях (Гелиарах), которые противостояли этой нечисти в прошлом.

Птицы и камень. Исконный Шамбалы

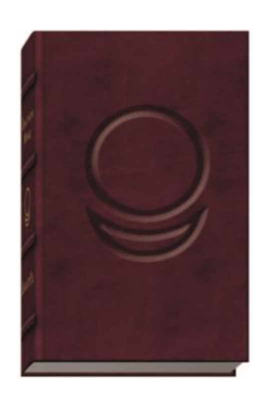
Три рассказа «Дежурство», «Всё так просто» и «Птицы и камень» так или иначе объединяет легендарная личность Сэнсэя.

«Дежурство» повествует об одном необычном дне майора Реброва. В роковое дежурство, во время смертельной опасности, он неожиданно столкнулся с явлением, совершенно несвойственном этому миру, благодаря которому Ребров смог не только спасти жизнь людям, но и выбраться из этой ситуации живым. С этого момента он увидел мир совершенно другими глазами...

«Всё так просто» — рассказ о старике, рыбачившем на берегу

речки, к которому присоединился необычный сосед по рыбалке — молодой парень. В завязавшемся разговоре всплывают много моментов, которые коснутся любого человека в старости, а также раскрывается глубокая древняя притча.

«Птицы и камень» — это самый яркий, впечатляющий по информации рассказ. Речь идёт о необычной встрече главного героя Сэнсэя с Максом, который некогда долгое время находился рядом с Сэнсэем. Но теперь этот человек предстал перед ним в несколько ином виде — девочки, в тело которой попала его душа после автомобильной аварии. Необычный разговор по душам о прошлой жизни, переоценка ценностей Макса в связи с пережитым и настоящим оставляют неизгладимое впечатление от этого рассказа и заставляют по-другому взглянуть и скорректировать собственную жизнь. В книге много занимательных сведений о человеке в научном свете и понимании древних, о том, откуда «рождаются» мысли и как их контролировать. Есть интересные данные о «Молитве Иисусовой» одной из самых таинственных и эффективных духовных практик в христианстве, о преподобном Агапите, о современном духовном старце Антонии.

АллатРа

Книга «АллатРа» раскрывает эксклюзивные сведения: о Личности человека и его Душе; о субличностях и связанных с ними явлениях; о двойственной природе человека: о процессах его Духовного и Животного начала; о важности доминирующего мировоззрения, его влияния на выбор Личности, предопределяющий её посмертную судьбу. В книге «АллатРа» впервые в мире приводятся уникальные фотографии Души человека в переходном состоянии после смерти физического тела; содержаться уникальные исконные знания о многомерной конструкции человека в невидимом мире, о связи человека с иными измерениями, о его исключительных возможностях помимо третьего измерения. Она отвечает на вопросы зачем человеку нужен сверхизбыточный мозг и наличие многоуровневого сознания, что такое изменённое состояние сознание, как происходит поэтапное погружение в него. В книге даются древние духовные практики для работы над собой и слияния со своей Душой, развития шестого чувства и контакта с духовным миром. В ней рассказывается о природе сверхъестественных способностей (ясновидения, яснослышания, чтения чужих мыслей, предвидения) и двоякости её проявления для человека; о важности работы над собой в понимании процессов невидимого мира. А также о двойственной позиции и влияния на мир Личности, как Наблюдателя.

Книга содержит уникальные научные знания, которые современ-

ным учёным только предстоит открыть в будущем. Однако они способны реально перевернуть представления человека о мире и о самом себе. Это сенсационная информация об искусственности внешнего мира, об информации, которая создаёт материю. Это астрофизика будущего! Безапелляционные ответы на вопросы о происхождении Вселенной и её искусственного создания, о её многомерности, о тайне чёрной дыры, эксклюзивные данные об электроне, секрете его мгновенного перехода из состояния частицы в волну; об иллюзии геометрии пространства, о занимательных явлениях квантовой физики. Эти знания помогают прийти научным путём к доказательству первичности вечного Духовного мира над временным материальным миром. «АллатРа» содержит и другую потрясающую информацию, которая опережает даже самые передовые современные исследования. Книга «АллатРа» задаёт вектор для науки будущего.

В книге «АллатРа» даётся универсальный ключ и расшифровка древних знаков, заключающих в себе духовные знания древних людей, фиксировавших их в петроглифах ещё во времена палеолита. Она богато иллюстрирована рисунками археологических артефактов разных древних цивилизаций (протоиндийской культуры, трипольской культуры, различных культур Древней Европы, Балкан, Ближнего Востока, Урала, культур Африки, Азии, Северной и Южной Америки), свидетельствующих о наличии одних и тех же духовных знаний в разные тысячелетия у разных народов, проживавших на разных континентах. Книга раскрывает неведомые страницы истории древних цивилизаций, содержит ключ к пониманию старинных изображений, духовных знаний, отражённых в символике культовых сооружений: пирамид, храмов, пагод и так далее. Она раскрывает тайны тысячелетий, повествует о знаках, символах, активирующих в массах агрессию или чувство надежды на будущее, о примерах их использования жрецами в истории военных походов, на знамёнах и щитах, в культово-религиозных учреждениях сегодняшнего дня. Книга «АллатРа» вскрывает манипулятивные технологии религий; механизмы воздействия на подсознание человека старинных знаков и символов, активно используемых в современном потребительском обществе.

Книга «АллатРа» даёт ценный ключ к пониманию единого зерна Истины, одного и того же духовного пути, описанного по-разному в мировых религиях. Она раскрывает духовные знания, зашифрованные в ассоциативных понятиях той или иной религии, уникальные забытые людьми сведения, которые присутствовали во всех религиозных системах прошлого и настоящего. Она указывает на изначальные духовные Знания без шелухи идеологий политического и жреческого управления, наносного во времени. Она даёт ответы на главные духовные вопросы человека о достижении своего духовного освобождения без посредников.

Книга «АллатРа» срывает маски с истинного лица мировой политической и жреческой системы, рассказывает Правду о том, кто и как обманывает и разъединяет народы, манипулирует их сознанием и что нужно делать, чтобы не поддаваться на такие провокации.

Это необычная книга во всех отношениях! Это живая энциклопедия исконных духовных Знаний о мире, обществе и человеке. Она не просто беседует с каждым о его сокровенном. Она отвечает на самые потаённые, сугубо личные, волнующие человека вопросы, которые он таит в себе и не открывает даже близким друзьям. Книга «АллатРа» погружает в удивительное состояние разностороннего познания Истины, утоляет жажду поиска смысла жизни из вечного, живительного Источника. Книга даёт основные ключи к понимаю процессов как видимого, так и невидимого миров. Это фундамент исконных Знаний для духовного пробуждения и кардинального преобразования как Человека, так и всего человечества в целом.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ «АЛЛАТРА»

Цели Центра: объединение инициативных, честных и доброжелательных людей, которые стремятся применить свои лучшие качества на благо общества. Мы вне политики и вне религии.

Наши цели и задачи: в приоритетном порядке мы стремимся к объединению и дружбе всех народов на основе культурно-нравственных, духовных ценностей, сплачивающих людей во всем мире. Мы ратуем за реализацию естественных свобод и прав человека, формирование качественно новых отношений между народами на основе добра, бескорыстной взаимопомощи, созидательного взаимодействия людей по всему миру, вне зависимости от их места проживания, социальной, национальной, политической и религиозной принадлежности.

На сегодняшний день благодаря Международному общественному движению «АЛЛАТРА» уже объединены сотни тысяч людей по всему миру. Количество участников каждый день нарастает в геометрической прогрессии, ведь хороших, добрых, созидательно активных людей, стремящихся изменить мир к лучшему, действительно много.

Наш девиз: «**Добро в Действии!**»

Официальный сайт: **www.allatra.org**

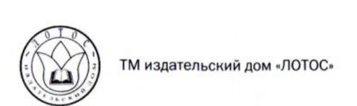
E-mail: **center@allatra.org**

Skype: **allatra-center**

Скрытая реальность ежедневно присутствует в людском обществе. Познание её тайн помогает человеку не только обрести опыт существования в этом мире, но и сделать шаг в области исследования своей сущности.

ISBN 978-966-96863-6-7

ТМ издательский дом «ЛОТОС»